AVON/56568/$2.50

WINNER OF THE JAMES HUGO AWARD

BLISH

BLACK EASTER

IN THE JADED, FADED, SOPHISTICATED FUTURE,
THERE WAS ONLY ONE THRILL LEFT—THE END OF THE WORLD!

Черная пасха

Джеймс Бенджамен Блиш

Джеймс Блиш. Черная Пасха
Предисловие автора
Приготовление
Первый заказ
Три сна
Последнее колдовство
День после Светопреставления
В Средний Ад
Сокрушение Небес
Занавес. Послесловие автора

Джеймс Блиш
Черная Пасха

Се Преисподняя, и я не миновал ее.
Кристофер Марлоу.

Предисловие автора

Существует множество романов, поэм и пьес о магии и ведовстве. Но все произведения такого рода, которые я прочитал, — а я прочел, кажется, большую их часть, — делятся на романтические и юмористические (не исключая и того, что написал Томас Манн). Я не видел ни одного романа, где бы речь шла о настоящем волшебстве (если такое существует), хотя все колдовские книги дают о нем подробные сведения. Каковы бы ни были достоинства настоящего сочинения, оно не романтизирует магию и не рассматривает ее как игру.

Практической основой книги послужили трактаты и подлинные руководства практиковавших магов христианской традиции с XIII по XVIII столетия, от «Ars magna»[1] *Рамунда Луллия и различных «Ключей» — псевдо-Соломона, псевдо-Агриппы, псевдо-Гонория и так далее — до собственно колдовских книг. Все источники, упоминаемые в тексте, реально существуют; здесь нет выдуманных сочинений вроде каких-нибудь*

---

[1] Примечания: 1
«Великое искусство».

«Necronomicons», все цитаты и символы также подлинные. (Хотя, конечно, следует добавить, что реальная библиография этих произведений остается под вопросом, поскольку, как заметил К.А.Е.Уэйт, постоянным пороком магии являются ложные авторство, место и время публикации.)

Большинству читателей такого предупреждения будет достаточно.

Но для тех, кто склонен к экспериментированию, следует сказать также, что хотя цитаты, диаграммы и ритуалы в романе подлинны, они ни в коем случае не полны. Данная книга не является обзором или энциклопедией. Она не vademecum[2]*, но currus infamam*[3]*.*

Джеймс Блиш.

Александрия, 1968

---

[2] Примечания: 2

«Иди со мной» (латин.), краткий путеводитель.

[3] Примечания: 3

«Магическое путешествие» (латин.).

Приготовление

Нет оснований полагать, будто Аристотелю было известно число Избранных.

Альберт Великий

В комнате смердело демонами.

И не в обычной комнате, — что было бы довольно странно, но не беспрецедентно. Демоны не принадлежали к числу желанных посетителей в Монте Альбано, где в основном занимались магией, именуемой Трансцендентальной, то есть такой, которая имела целью мистическое единение с Богом и двумя его проявлениями, каковые суть Писания и Мир. Но иногда здесь практиковали и Ритуальную магию, искусство скорее прикладное, нежели чистое, служившее для решения некоторых сиюминутных задач; и в таких случаях белые монахи обращались к демиургу и даже, хотя и редко, вызывали кое-кого из павших.

Однако уже давно ничего подобного не происходило, в этом отец Ф.К.Доменико Бруно Гарелли нисколько не сомневался. Нет, зловоние

представляло собой нечто глобальное, распространенное по всему миру… миру светскому. Божьему миру.

И оно, несомненно, было необычайно сильным, необычайно зловещим, потому что отец Доменико обнаружил его без помощи молитвы, ритуала или какого-либо инструмента. И хотя отец Доменико — на вид обычный итальянский монах лет сорока, с бесстрастным крестьянским лицом и мозолями на ногах — на самом деле был адептом высшего класса, класса карцистов, он все же не являлся видящим. На Горе вообще не осталось истинных видящих, поскольку их не удовлетворяло даже относительное уединение монастыря; они могли быть лишь отшельниками (именно поэтому их вообще так мало в наши дни).

Заскрипел кожаный переплет — отец Доменико закрыл огромную Книгу Часов и свернул палимпсест[4], на котором он проводил расчеты. Сомнений больше не оставалось: за последние двенадцать месяцев ни один из белых магов не вызывал никаких адских сил, вплоть до самого младшего сенешаля. Так и следовало ожидать. Мог ли отец Доменико не узнать о столь зна-

---

[4] Примечания: 4
Пергамент, с которого соскоблен предыдущий текст.

чительном событии? Теперь он лишь получил подтверждение из источника, не зависимого от человеческой воли. Этот адский запах исходил из нижнего мира.

Сильно встревоженный, отец Доменико положил локти на закрытую книгу и, подперев голову руками, задумался. Что же теперь делать?

Рассказать отцу Умберто? Нет, пока достоверной информации слишком мало; не стоит беспокоить отца настоятеля своими беспочвенными подозрениями и догадками.

Но как узнать больше? Отец Доменико повернул голову вправо и уныло посмотрел на свой магический кристалл, которым он ни разу не смог воспользоваться — вероятно, ему мешало знание того, что инструмент, описанный Роджером Бэконом[5] в его «Ничтожестве магии», представлял собой всего лишь предшественника телескопа, хотя другие обитатели Монте Альбано, не обремененные таким историческим скептицизмом, практиковали кристалломантию с немалым успехом. Слева, рядом с книгой, стоял небольшой медный телескоп — точнее, занимал жалкое положение фаллоса красивой золотой

---

[5] Примечания: 5
Английский монах, философ и естествоиспытатель XIII века.

статуэтки Пана с золотым шаром в основании. Но этот прибор был лишь старым трофеем, полученным после победы над мелким пьемонтским чернокнижником, и не имел астрономической ценности; если бы отец Доменико пожелал узнать точное расположение малых спутников Юпитера (сведения о галимевых, конечно, содержались в астрологических таблицах Военно-морской обсерватории США) или что-нибудь еще, необходимое для составления совершенного гороскопа, он мог бы воспользоваться двенадцатидюймовым телескопом, установленным на крыше монастыря, и с помощью внутреннего телевидения получить изображения (если бы они понадобились ему наряду с цифрами), не выходя из своей комнаты. К сожалению, в данный момент отец Доменико не имел возможности получить гороскоп из-за мутной пелены всепроникающего зла, поднимавшегося подобно дыму.

Цветные ромбы света из высокого узкого окна у него за спиной падали теперь прямо на экран компьютера, словно подражая его светящимся изображениям. На эту машину, находившуюся в ведении отца Доменико, остальные братья взирали с трепетом, весьма близким к суеверному. Сам он знал, что компьютер — всего лишь

тупой механизм, умеющий быстро считать. И, во всяком случае, данных для ввода в машину явно не доставало.

Может, обратиться к Силам и испросить помощи? Нет, пока не стоит. Дело может оказаться малозначительным, по крайней мере, для тех сфер, которые они приводят в движение и в которых движутся сами. Отец Доменико, конечно, мало верил в такую возможность, но он уже однажды получил выговор за то, что побеспокоил без нужды тех двигателей и правителей. Разумный белый маг обычно не позволяет себе ничего подобного, как бы он ни презирал разборчивых в своей ненависти демонов.

В этой сложной ситуации, пожалуй, оставалось только одно: написать отцу Умберто, который, по крайней мере, выслушает с жадным интересом. Он был видящим и, несомненно, ощущал появление чего-то отвратительного — и, скорее всего, знал даже больше. У него можно получить необходимые сведения.

И отец Доменико понял, что едва ли не с самого начала пытался избежать такого решения — по вполне понятной причине: ведь из всех путей этот самый долгий. Но, похоже, он неизбежен.

Смирившись, отец Доменико достал свою авто-

ручку «Биро» и листок бумаги. Хотя сведений он мог сообщить немного, все равно следовало соблюсти определенные церемонии: приветствие во Христе, расспросы о здоровье, молитвы и так далее, а также, конечно, новости. Видящие были всегда одиноки и, подобно старухам, любили слухи о грехах, болезнях и смертях. Приходилось им потакать; поучать их — не говоря уже об исправлении, — не мог никто.

Он еще занимался этим, когда дверь открылась и на пороге появился его ученик; тот, которого отец Доменико в веселую минуту прозвал Джоаннесом в честь известного пропавшего ученика Бэкона. Подняв голову, отец Доменико рассеянно пробормотал:

— Я еще не готов.

— Прошу прощения?

— Извини… я думал о другом. У меня будет к тебе поручение: отнести это письмо через некоторое время. Кстати, что ты хотел?

— Я — ничего, — ответил Джоаннес. — Но отец настоятель просил передать, что хотел бы видеть вас в своем кабинете сразу после вечерней молитвы. Будет встреча с посетителем.

— О, очень хорошо. А что за посетитель?

— Не знаю, отче, какой-то незнакомец. Он сей-

час поднимается на Гору. Я слышал, это богатый американец; впрочем, они почти все богаты, не правда ли?

— Похоже, ты кое-что знаешь, — сухо заметил отец Доменико, думая между тем о другом. Зловещий запах внезапно усилился; удивительно, как юноша не замечал его. Отец Доменико отложил письмо. К вечеру будет больше новостей, а может быть, и важных сведений.

— Передай настоятелю, что я буду непременно.

— Сначала я должен зайти к отцу Амнаро, — сказал Джоаннес. — Его тоже приглашают на встречу с посетителем.

Отец Доменико кивнул. Дойдя до двери, ученик обернулся и с таинственным видом добавил:

— Его имя Бэйнс.

Дверь закрылась. Вот и факт — и очевидно, Джоаннес считает его весьма значительным. Но для отца Доменико он не значил ничего.

Ничего, ровным счетом ничего.

Первый заказ

[В] овеянном легендами чудесном мире волшебства… все парадоксы как будто находят разрешение, логические противоречия мирно уживаются, следствие больше причины и тень больше предмета. Там видимое смешивается с невидимым, незримое открывается взору, перемещение из одной точки в другую происходит непосредственно, без какой-либо траектории, материя проходит сквозь материю… Там удлиняется жизнь, возвращается молодость, сохраняется физическое бессмертие. Там земля становится золотом, а золото — землей. Там слова и желания обладают творческой силой, мысли оказываются предметами, желание овеществляет свой объект. Кроме того, там живут мертвые, и можно без труда общаться с существами, обладающими неземным разумом, которые становятся советчиками или мучителями, наставниками или губителями человека.

А.Е.Уэйт, «Книга ритуальной магии».

1

— Нет, — возразил волшебник. — Я не могу помочь вам соблазнить женщину. Если вы хотите, чтобы ее изнасиловали, это я могу устроить, правда, приложив больше усилий — быть может, даже больше, чем понадобилось бы вам, если бы вы действовали самостоятельно. Но я не могу снабдить вас приворотными зельями и формулами. Моя специальность — насильственные преступления. Главным образом убийства.

Бэйнс покосился на своего особого помощника Джека Гинзберга, который, как обычно, имел безупречный вид и ничего не выражающее лицо. Приятно, когда есть кому доверять.

— Вы довольно откровенны, — заметил Бэйнс.

— Я стараюсь оставить как можно больше тайн, — ответил Терон Уэр. (Бэйнс знал, что это его настоящее имя.) — С точки зрения клиента, черная магия — своего рода техника. Чем больше он знает о ней, тем легче мне прийти к соглашению с ним.

— И никаких фирменных секретов? Тайных знаний и тому подобного?

— Так, кое-что — в основном, результаты собственных наблюдений; и очень немногие из

них имеют реальное значение для вас. Магическая наука остается тайной только потому, что большинство людей не знают, какие книги надо прочесть и где их искать. Достаточно найти эти книги, — и может быть, еще того, кто ведет — и вы сможете за год узнать почти все основное, что известно мне. Конечно, чтобы работать с материалом, нужно обладать талантом, ведь магия — это тоже искусство. Но нет плохих магов, как не бывает плохих математиков; вы либо маг, либо не маг. Имея книги и талант, вы можете стать волшебником лет через двадцать, если, конечно, не погибнете в своего рода лабораторной катастрофе. Несколько лет потребуется для развития приобретенных навыков. Я не могу сказать, что это легко, но, во всяком случае, эпоха секретности ушла в прошлое. На самом деле древние коды были достаточно бесхитростны; читать их гораздо проще, чем, скажем, музыкальные ноты. Будь они даже сложные, с ними быстро справились бы компьютеры.

Большинство этих общих мест Бэйнс уже знал, как, несомненно, было известно Уэру. Бэйнс предположил, что маг просто хочет дать клиенту время, чтобы изучить его. Предположение Бэйнса перешло в уверенность, когда за большим пись-

менным столом Уэра тихо открылась дверь и в кабинет вошла белокурая девушка в короткой юбке с письмом на серебряном подносе.

— Спасибо, Грета, — кивнул Уэр, взяв поднос. — Прошу прощения, нас не прервали бы, если б это не было срочно. — И он стал вскрывать хрустящий конверт.

Бэйнс посмотрел вслед девушке, когда она выходила, — кажется, она смутно напоминала ему кого-то, но больше он не обнаружил в ней ничего необычного — и принялся изучать Уэра. Как обычно, он начал с окружения.

Кабинет волшебника, освещенный лучами заходящего солнца, вполне мог сойти за кабинет любого доктора или адвоката. Правда, само помещение и мебель отличались довольно солидными размерами, но это еще очень мало говорило об Уэре, поскольку дом представлял собой арендованный палаццо на скале. В Позитано нашлись бы и более грандиозные постройки, если бы Уэра интересовали более высокие потолки и низкая звукопроницаемость. Хотя книги, в основном, казались старыми, кабинет выглядел не древнее библиотеки Мертон Колледжа и явно уступал ей по количеству старинных инструментов. О магии здесь напоминал разве только запах смеси

благовоний, который не выветривался, несмотря на открытые окна и свежий тирренский воздух. Запах был очень слабым, почти незаметным. К тому же сам по себе он едва ли что-нибудь значил. Примерно так же пахло в маленьких итальянских церквах — и еще в приемных шефов египетской полиции.

Сам Уэр имел замечательную внешность — впрочем, не более чем любой другой для внимательного наблюдателя. Это был низкорослый худощавый человек в костюме из натурального ирландского твида и рубашке с отложными манжетами и металлическими пуговицами. Его узкий галстук из серого шелка украшала очень маленькая опаловая фигурка шахматной ладьи. Несмотря на худобу и выраженную бледность Уэра, Бэйнс догадывался, что волшебник обладает большой физической силой.

Покрытое шрамами лицо Уэра не позволяло составить представления о его возрасте. Лишь кустистые сероватые брови напоминали теперь о его некогда рыжих волосах — на голове они совсем побелели. К тому же, подобно монахам, он имел тонзуру, и на его голой белой коже просвечивали голубые вены. Неискушенный наблюдатель дал бы ему лет шестьдесят пять.

Но Бэйнс точно знал его возраст: сорок восемь. Несомненно, черная магия отнимала много жизненных сил. Бэйнс часто встречал людей типа Уэра среди ученых, работавших в «Консолидэйтед варфэр сервис»; после тридцати они все выглядели лет на сорок пять, пока у них не седели волосы или не случался сердечный приступ.

Послышался тихий щелчок. Джек Гинзберг, незаметно просунув руку в свою сумку, перематывал магнитофонную кассету. Бэйнс подумал, что Уэр все видит, но предпочитает не замечать. Наконец волшебник снова заговорил:

— Конечно, дело идет быстрее, когда мои клиенты столь же искренни со мной.

— Мне кажется, вам уже все известно обо мне, — ответил Бэйнс, скрывая свое восхищение: способность возобновлять прерванный разговор так, как будто он и не прерывался вовсе, редка у мужчин.

Женщины делают это легко, но, как правило, ненамеренно.

— О, Дан и Брэдетрит, — усмехнулся Уэр. — Газетные архивы и, конечно, слухи, — разумеется, все это у меня есть. Но мне бы еще хотелось задать вам несколько вопросов.

— Почему бы не прочесть прямо у меня в моз-

гу?

— Потому что это не оправдает затраченных усилий. Я не хочу оскорбить ваш превосходный мозг, мистер Бэйнс, но вы должны понять одну вещь: магия — это тяжелый труд. Я занимаюсь ею не из-за лени, я отнюдь не ленивый человек. И все же разумнее пользоваться более простыми путями, когда такие пути есть.

— Мне не совсем понятно.

— Тогда вот один пример. Вся магия — я повторяю: вся магия без каких-либо исключений основана на общении с демонами. Под демонами я понимаю падших ангелов. Никто другой тут не поможет. Например, я знаю одного такого демона, у которого земная форма имеет длинный язык. Вам, может быть, это покажется забавным.

— Не очень.

— Оставим пока это. Во всяком случае, он так же великий князь и президент, и его появление обойдется мне в три дня работы и две недели последующего истощения. Стоит ли мне вызывать его, чтобы он лизал за меня почтовые марки?

— Я понял, — сказал Бэйнс — Ладно, задавайте ваши вопросы.

— Спасибо. Кто направил вас ко мне?

— Медиум в Бель Эр — Лос-Анджелес. Она до-

вольно ловко пыталась вытянуть из меня деньги, и я решил, что у нее есть настоящий талант и она знает кое-кого посерьезней. Я пригрозил убить ее, и ей пришлось все выложить.

Уэр сделал какую-то пометку.

— Понимаю. И она послала вас к розенкрейцерам?

— Пыталась. Но я уже знал эту увертку. Она послала меня в Монте Альбано.

— Это меня немного удивляет. Я не думал, что вам нужны кладоискатели.

— Нужны и не нужны. Я объясню немного позже, если вы не возражаете. Прежде всего, мне нужен человек вашей специальности: тот, кто убивает, — и конечно, ни один монах тут не поможет. Я даже не обсуждал с ними этого. По правде говоря, мне хотелось проверить вашу репутацию, о которой у меня есть кое-какие сведения. Я тоже умею пользоваться газетными архивами. Когда я упомянул ваше имя монахам, их ужас убедил меня в том, что с вами, по крайней мере, стоит поговорить.

— Весьма благоразумно. И все же на самом деле вы не верите в магию — только в СЧВ и прочую подобную чепуху.

— Я нерелигиозный человек, — осторожно

сказал Бэйнс.

— Понятно. Значит, вам нужна демонстрация. Вы принесли зеркало, о котором я говорил по телефону вашему помощнику?

Джек молча извлек из внутреннего кармана пиджака бумажный пакет и, достав из него ручное дамское зеркальце, запечатанное в пергамине, протянул Бэйнсу.

— Хорошо. Теперь посмотритесь в него.

Из глаз Бейнса покатились две большие капли темной крови. Он выпустил зеркало и взглянул на Уэра:

— Гипноз. Я надеялся на что-нибудь получше.

— Вытрите их, — спокойно сказал Уэр.

Бэйнс вынул свой безупречно чистый носовой платок с монограммой. На белой ткани красные пятна медленно превратились в масляно-желтое золото.

— Вы можете показать это завтра какому-нибудь металлургу, — предложил Уэр. — Едва ли мне удалось загипнотизировать и его. А теперь мы, может быть, перейдем к делу.

— Вы, кажется, сказали…

— Что даже для самого простого трюка нужен демон. Да, именно так. Сейчас он у вас за спиной, мистер Бэйнс, и будет оставаться там ровно двое

суток. Запомните: двое суток. Конечно, такая безделица мне дорого обойдется, но я всегда делаю нечто подобное для скептически настроенных клиентов, и это будет включено в мой счет. Итак, прошу вас, мистер Бэйнс, что вы хотите?

Бэйнс передал платок Джеку, который аккуратно сложил его и завернул в вощеную бумагу.

— Я хочу, чтобы один человек умер, — ответил Бэйнс, — без следов насилия.

— Разумеется, но кто?

— Сейчас я его назову. Но сначала скажите, подвержены ли вы сантиментам?

— Почти нет. Правда, я не убиваю своих друзей ни для каких клиентов. А иногда не хочу убивать кое-кого из посторонних. Но в таких случаях я просто повышаю цену.

— Тогда давайте лучше рассмотрим возможности, — предложил Бэйнс — Допустим, моя бывшая жена доставляет мне массу неприятностей. Что вы скажете?

— У нее есть дети — от вас или кого-нибудь другого?

— Нет, ни одного.

— Тогда нет проблем. За такую работу я обычно беру ровно пятнадцать тысяч долларов.

Бэйнс застыл в изумлении.

— Только и всего? — пробормотал он наконец.

— Да. Мне кажется, я почти столь же богат, как вы, мистер Бэйнс. В конце концов, я сумею отыскать клад не хуже, чем белые монахи, — пожалуй, даже гораздо лучше. Я использую также «алиментные» дела для поддержания своей репутации в глазах публики, хотя в финансовом смысле терплю от них убытки.

— Какие же гонорары вас интересуют?

— Я начинаю немного оживляться, когда речь идет о пяти миллионах.

«Если он и шарлатан, то очень крупный», — подумал Бэйнс.

— Давайте вернемся к случаю с алиментами или, лучше, допустим, что меня не волнуют алименты, — на самом деле так и есть. Но, может быть, я хочу, чтобы она не только умерла, но умерла нехорошей смертью, с мучениями.

— За это я не повышаю цену.

— Почему?

— Мистер Бэйнс, я хочу вам напомнить, что не являюсь наемным убийцей. Сам я никого не убиваю — только вызываю и направляю определенные силы. Очень возможно — и даже наверняка — каждый из моих пациентов умирает в таком ужасе и в таких муках, которые не

в силах вообразить ни вы, ни даже я. Но вы высказали особое пожелание, чтобы ваша жертва не имела следов насилия. Я сам предпочитаю такие убийства. Но как тут найти бесспорные доказательства предсмертных мучений, если вы захотите убедиться, что платили не зря?

— Но бывает и наоборот, мистер Бэйнс. Часто клиенты просят, чтобы их бывшие супруги умирали безболезненной, даже приятной смертью — очевидно, тут все еще присутствуют какие-то чувства. Я мог бы увеличить плату в таких случаях, если бы у трупов не оставалось следов болезней или насилия. Но мои агенты — демоны, и их невозможно принудить к милосердию. Поэтому я не принимаю подобных условий со стороны клиентов. Вы платите за смерть и получаете смерть. Обстоятельства зависят от агента, и я не предлагаю своим клиентам того, чего не могу им обеспечить.

— Хорошо, мне ясен ваш ответ, — сказал Бэйнс. — Забудьте про Долорес — на самом деле, это лишь мелкая непонятность, и не единственная. Давайте теперь поговорим о другом конце спектра. Допустим, я бы попросил вас… заняться… крупным политическим деятелем, скажем, губернатором Калифорнии или, если он ваш друг,

какой-нибудь другой столь же значительной фигурой.

Уэр кивнул:

— Он вполне подойдет. Но как вы помните, меня интересовало наличие у пациента детей. Если бы у вас было «алиментное дело», я сразу спросил бы о родственниках. Мой гонорар возрастает от количества и типа людей, которых затронет данная смерть. Отчасти это то, что вы называете сантиментами, отчасти своего рода самозащита. В случае с нынешним губернатором я возьму с вас по одному доллару за каждый голос, полученный им на последних выборах. Плюс издержки, разумеется.

Бэйнс восхищенно присвистнул:

— Впервые встречаю человека, который разработал систему оплаты сантиментов. Я понимаю, почему вас не интересуют «алиментные дела». Когда-нибудь, мистер Уэр…

— Доктор Уэр. Пожалуйста, называйте меня так. Я доктор теологии.

— Извините. Я просто хотел сказать, что когда-нибудь спрошу у вас, зачем вам столько денег. Такие астеники, как вы, редко находят хорошее применение деньгам. Тем не менее я вас понимаю. Все должно быть оплачено авансом?

— Авансом оплачиваются издержки. Гонорар после выполнения заказа. Надеюсь, вы понимаете, мистер Бейнс…

— Доктор Бейнс. Я доктор права.

— Примите и вы мои извинения. Теперь, когда мы обменялись любезностями, я хочу, чтобы вы поняли: меня еще никто никогда не обманул.

Бейнс подумал о том существе, которое будто бы должно сидеть у него за плечами до послезавтрашнего дня. Судя по тесту с золотыми слезами на носовом платке, он мог надеяться, что ему не придется обманывать Уэра. Собственно, Бэйнс и не собирался его обманывать.

— Хорошо, — сказал он, поднимаясь. — Контракт нам, пожалуй, не нужен. Я согласен на ваши условия.

— Но для чего вам нужна смерть губернатора Калифорнии?

— О, мы будем рассматривать ее как первый шаг. Джек обсудит с вами остальные детали. А мне сегодня нужно вернуться в Рим.

— Вы сказали «первый шаг»?

Бэйнс коротко кивнул, Уэр так же поднялся:

— Очень хорошо. Я больше не стану задавать вопросы. Но, по правде говоря, я должен предупредить вас, мистер Бэйнс: если вы захотите

сделать еще один подобный заказ, я спрошу о ваших намерениях.

— Кстати, — заметил Бэйнс, скрывая свое недовольство, — мы должны будем обменяться признаниями. Скажите, доктор Уэр, этот, э-э, демон, который сидит у меня на спине, уйдет сам в положенное время, или мне нужно встретиться с вами еще раз, чтобы избавиться от него?

— Он не сидит на вашей спине, — ответил Уэр. — И он уйдет сам. Вопреки Марло, несчастье не любит компании.

— Ладно, посмотрим, — усмехнулся Бэйнс.

2

Некоторое время Джек Гинзберг испытывал странное ощущение человека, который не понимает происходящего и потому считает, что от него могут избавиться. Как будто некое чудовище заглотило его по ошибке и собралось отрыгнуть обратно.

Ожидая, когда его отрыгнут, Джек занялся своими мелкими делами: погладил щеки, проверяя, хорошо ли они выбриты, восстановил складки на брюках, посмотрел счета за последнюю неделю, думая между тем — как обычно в минуты досуга — о новой девушке и о том, как она выглядела бы

в тех или иных позах. Впрочем, возможно, она не представляла собой ничего особенного. Часто за незначительными достоинствами скрывались большие недостатки.

Однако, когда шеф ушел, а Уэр вернулся к своему столу, Джек уже вполне был готов заняться делом. Он всегда гордился своим абсолютным самоконтролем.

— Итак, ваши вопросы? — осведомился Уэр, откинувшись на спинку кресла.

— Их немного, доктор Уэр. Вы упомянули об издержках. О каких издержках идет речь?

— В основном, разъезды, — ответил Уэр, — Мне надо увидеть пациента лично. В данном случае это потребует поездки в Калифорнию, которая представляет для меня большое неудобство и потому вносится в счет. Сюда входит оплата полета, гостиничных номеров, питание и другие мелкие расходы. Я их перечислю после выполнения заказа. Затем возникает вопрос: как увидеть губернатора? У меня есть коллеги в Калифорнии, но магия и политика пересекаются сравнительно редко, и мне понадобятся средства, чтобы подкупить некоторых должностных лиц. В целом же, я думаю, аванс в десять тысяч не будет слишком мал.

…И все ради какого-то колдовства. Даже противно. Но шеф верил в него, по крайней мере, пока. Поэтому Джек чувствовал себя в весьма щекотливом положении.

— Это звучит убедительно, — согласился он. Но даже не подумал достать чековую книжку. Он не собирался одаривать незнакомого человека, не получив от него никаких гарантий. — Честно сказать, сэр, нас немного удивляет необходимость таких издержек. Мы, конечно, понимаем, что вам легче сесть в самолет, чем оседлать демона…

— Я не уверен, что вы это понимаете, — перебил Уэр. — Во всяком случае, лучше задайте свой вопрос без обиняков.

— Хм… Доктор Уэр, почему вы живете за пределами Соединенных Штатов? Насколько нам известно, вы еще сохранили гражданство. В конце концов, у нас в Штатах еще существует свобода религий. Почему шеф должен оплачивать вашу поездку на родину как работу?

— Потому что я не заурядный гангстер, — ответил Уэр. — И еще потому, что я не хочу платить налоги и даже сообщать кому-либо о своих доходах. В противном случае есть две возможности (объясню специально для внимательного прибора, который лежит в вашей сумке, поскольку у

вас, как видно, не все в порядке со слухом): если бы я жил в Соединенных Штатах и объявил себя волшебником, меня обвинили бы в мошенничестве, а если бы я успешно защитился, то есть доказал бы, что я действительно тот, за кого себя выдаю, меня прикончили бы в газовой камере. Если бы я не смог оправдаться, то стал бы всего лишь еще одним шарлатаном. В Европе я могу назваться волшебником, и меня оставят в покое, если я сумею удовлетворить своих клиентов — coreat emptor[6]. В противном случае мне все время придется убивать незначительных политиков и бухгалтеров, такая мелкая работа рано или поздно приведет к снижению доходов. Теперь можете выключить эту штуку.

Ага, значит все-таки что-то не так. Этот шутник наживался на суевериях. Джек Гинзберг неплохо разбирался в подобных вещах.

— Понимаю, — спокойно сказал он. — Но ведь здесь, в Италии, у вас должны быть почти такие же неприятности с церковью, как дома с правительством?

— Нет, нынешний понтификат достаточно либерален. Современная церковь осуждает то,

---

[6] Примечания: 6
«Покупатель, будь бдителен» (латин.).

что она называет суеверием среди своих приверженцев. За десять лет я ни разу не встречал прелата, который верил бы в буквальное существование демонов, хотя некоторые монахи знают побольше.

— Разумеется, — кивнул Джек, торжественно захлопывая свою ловушку, — таким образом, сэр, похоже, вы завысили цену и были недостаточно искренни с нами. Если вы действительно способны контролировать тех князей и президентов, вы могли бы столь же легко доставить шефу женщину, как найти клад или совершить убийство.

— Да, мог бы, — ответил волшебник с легким раздражением. — Я вижу, вы кое-что читали. Но я уже объяснял доктору Бэйнсу и еще раз объясняю вам, что моя специальность — только насильственные преступления. А теперь, мистер Гинзберг, я полагаю, вы собирались выписать мне чек.

— Да, собирался…

Но он все еще медлил. Наконец Уэр учтиво поинтересовался:

— Нет ли у вас еще каких-нибудь сомнений, которые я мог бы разрешить для вас, мистер Гинзберг. Я как никак доктор теологии. Или, может быть, вы хотите сделать мне личный заказ?

— Нет, — пробормотал Джек. — Нет, ничего.

— Зачем же стесняться. Ведь вам явно понравилась моя ламия. И она, в самом деле, лишена недостатков, которые вас так раздражают в обычных женщинах.

— Черт побери! Я не знал, что вы читаете мысли! И тут вы солгали.

— Я не читаю мысли и никогда не лгу, — возразил Уэр. — Но я достиг совершенства в чтении лиц. Это избавляет меня от многих неприятностей и позволяет реже обращаться к магии. Так вы хотите эту тварь или нет? Если угодно, я пришлю ее вам тайно.

— Нет.

— Не хотите тайно. Что ж, мне жаль вас тогда. Тогда скажите сами, мой безбожный и бесстрастный друг, чего вам хочется? Ваше дело давно уже сделано. Забудьте о нем. Так что же это?

На миг затаив дыхание, Джек уже почти готов был признаться, но Бог, в которого он уже не верил, не оставил его. Джек выписал чек и положил его перед волшебником. Вошла девушка (нет, не девушка) и унесла чек.

— До свидания, — сказал Терон Уэр.

Джек опять упустил случай.

3

Отец Доменико еще раз с надеждой перечитал письмо. Отец Учелло пользовался августинским стилем, полным резких слов и явных неологизмов, вплетенных в средневековый синтаксис — отец Доменико предпочел бы стиль Роджера Бэкона, но этот выдающийся антимаг, не принадлежавший к числу Отцов Церкви, соблазнил немногих последователей — и, возможно, отец Доменико не совсем правильно понял его. Но нет; несмотря на довольно замысловатую латынь, смысл на сей раз не вызывал сомнений.

Отец Доменико вздохнул. Практика Ритуальной магии, по крайней мере ее белой разновидности, которой занимались в монастыре, по-видимому, становилась все более бесполезной. Проблема отчасти была в том, что основное традиционное применение (для получения благ) белой магии состояло в отыскании скрытых сокровищ; после многовековой неустанной деятельности сотен чародеев, как белых, так и черных, а также вовлечения в эту деятельность современной техники — миноискателей и тому подобного — осталось очень мало ненайденных кладов. Последние оказывались либо на дне морей, либо в местах

типа Форта Нокс или швейцарского банка, и для их извлечения требовались такие колоссальные усилия, которые сводили на нет возможность получения прибыли как клиентом, так и монастырем.

В целом у черных магов дела шли гораздо лучше, по крайней мере в этой жизни. Но никогда не следует заявлять, поспешно напомнил себе отец Доменико, что они осуждены на вечные муки. Почему-то адские духи, такие, как Люцифуге Рофокале, охотно наделяли огромной силой смертных, чьи души и так уже почти принадлежали преисподней; очень странно, особенно если учесть характер среднего чародея, к тому же соглашение может быть легко расторгнуто в последний момент; странно также, что Бог позволял демоническим силам через посредство чародея обрушиваться на невинных. Но это всего лишь один из аспектов проблемы зла, которую церковь уже давно разрешила. Ответ (или двойственный ответ) дает концепция свободной воли и первородного греха.

Следует также вспомнить, что даже практика белой, или Трансцендентальной, магии официально считается смертельным грехом, ибо современная церковь отвергает всякие сношения

с духами — в том числе и не падшими, поскольку такая практика признает ангелов демиургами и прочими каббалистическими божествами — какие бы намерения при этом ни преследовались. Однажды было признано, что лишь тот, кто достиг высших ступеней благочестия, чистоты и мастерства, способен вызывать и контролировать демонов, не говоря уже об ангелах; но после многочисленных упущений и злоупотреблений церковь из соображений практичности и гуманности объявила волшебству анафему, оставив за собой лишь негативный аспект магии — экзорцизм — и то лишь в пределах строжайших канонов.

Монастырь Монте Альбано имел особое разрешение, очевидно, отчасти благодаря тому, что монахи некогда весьма успешно пополняли казну Святого Петра; частистично оттого, что знание, получаемое с помощью Трансцендентальных ритуалов, могло иногда поддерживать авторитет церкви; кроме того, в некоторых, правда, редких случаях, белая магия, как известно, продлевала телесную жизнь. Но теперь все эти блага обнаруживали явные признаки оскудения, а следовательно, привилегия могла быть отменена в любой момент, что положило бы конец

последнему святилищу белой магии в мире. И увеличило бы клиентуру черных магов. Хотя они не имели своих храмов, если не считать «Парижских братьев», романтиков школы Элифаса Леви, которые своим безумием вызывали скорее жалость, чем осуждение, однако число отдельных колдунов ошеломляюще росло, хотя уже и одного было бы слишком много. Это вернуло отца Доменико к главной проблеме. Он снова вздохнул, поднялся и, зашлепав босыми ногами по полу, — братья Монте Альбано не носили обуви отправился с письмом в руке к настоятелю. Отец Умберто оказался на месте (обычно все в монастыре находились на своем месте; Гору могли покинуть лишь миряне, и только на мулах), и отец Доменико сразу перешел к делу.

— Я получил еще одно многословное послание от нашего знатока нечистой силы, — сказал он. — И я невольно начинаю думать, что дело действительно довольно серьезно.

— Вы имеете в виду дело Терона Уэра, насколько я понимаю?

— Да, конечно. Американский торговец оружием, который посещал наш монастырь, как мы и предполагали, отправился отсюда прямо к Уэру, и отец Учелло предупреждает, что в Бизи-тоно

появились признаки приготовлений, по-видимому, к серьезной акции.

— Я хотел бы, чтобы вы избегали этих выражений. Они усложняют понимание речи. Как я заметил, словесные трюки, как правило, означают лишь, что говорящий сам не вполне уверен в своих словах и пытается завуалировать факты. Ну ладно. Что же касается поклонника дьявола Уэра, мы ни в коей мере не способны помешать ему, какую бы акцию он ни готовил.

— Прошу прощения, таков стиль отца Учелло. Во всяком случае, он настаивает, чтобы мы вмешались. Он даже решил прибегнуть к гаданию, отсюда вы можете видеть, сколь велика его тревога, и некий покровитель, которого он не называл, поведал ему, что встреча Уэра и Бэйнса предвещает нечто поистине чудовищное. И будто бы весь ад ожидает встречи этих двоих, с тех пор как они родились.

— А уверен ли он, что его покровитель на самом деле не демон, который вполне мог солгать или, по крайней мере, прихвастнуть? Как вы сами только что косвенно признали, отец Учелло отошел от практики.

Отец Доменико развел руками:

— Конечно, мне нечего ответить на это. Если по-

желаете, отче, я попытаюсь вызвать упомянутую персону, кем бы она ни была. Но, как вы знаете, велика вероятность того, что явится кто-то совсем другой, к тому же в таких случаях очень трудно задать правильный вопрос. Великие Властители, очевидно, лишены чувства времени в нашем понимании, а демоны, даже если их заставить подчиняться, часто совсем не разбираются в том, что происходит за пределами их сфер влияния.

— Именно так, — согласился настоятель, который сам не практиковал уже много лет. Некогда он обладал большим талантом. Но приход талантливых экспериментаторов к административной деятельности — проклятие всех исследовательских учреждений. — Я думаю, вам не стоит рисковать своей жизнью и, конечно, своей душой, вызывая духа, которого не можете назвать. А отец Учелло должен знать, что мы не можем сделать с Уэром ничего. Или он может что-то предложить?

— Он хочет, — неуверенно проговорил отец Доменико, — чтобы мы послали к Уэру наблюдателя, который будет находиться рядом с ним, в Позитано, до тех пор, пока мы не узнаем, какое дело там затевается. Во всяком случае, мы можем это сделать, а отец Учелло, конечно, не может.

Вопрос только в том, хотим ли мы.

— Гмм, гмм, — пробормотал настоятель. — Очевидно, нет. Это может нас разорить — о, не в финансовом смысле, конечно, хотя и тут есть определенные трудности. Но мы не можем себе позволить послать ученика не из самых лучших, и потом, одному Господу известно, сколько месяцев в той инфернальной атмосфере…

Настоятель оставил фразу неоконченной; но он часто так делал, и для отца Доменико не составило труда угадать ее окончание. Очевидно, монастырь не мог себе позволить, чтобы один из его лучших практиков был выведен из строя — «осквернен», как сказал бы настоятель, длительным общением с Тероном Уэром. Тем не менее отец Доменико был почти уверен, что настоятель все-таки пошлет кого-то в Позитано; в противном случае он просто отверг бы предложение отца Учелло, не выдвигая очевидных возражений. Несмотря на обычное ироническое отношение к старому отшельнику, они оба знали, как важно в некоторых случаях прислушиваться к его мнению и что теперь был именно такой случай.

— Тем не менее дело следует изучить, — заключил настоятель, перебирая четки. — Я, пожалуй,

пошлю Уэру обычное формальное извещение. Нам необязательно следить за каждым его шагом, но…

— Безусловно, — кивнул отец Доменико. Он положил письмо в свою сумку и встал: — Прошу вас сообщить мне, когда придет ответ от Уэра. Я рад, что вы признаете серьезность этого дела.

После обмена формальностями он вышел из кабинета, опустив голову. Отец Доменико уже знал, кого настоятель пошлет в Позитано. Никакая ложная скромность не могла помешать этому знанию: отец Доменико был испуган. Он прошел прямо в помещение, где обычно занимался магией. Это была специальная комната в башне, которой не мог пользоваться никто другой — ибо магия весьма чувствительна к личности мага — и в которой еще сохранился с прошлого раза слабый аромат, немного напоминавший запах лавандового масла. «Mansit odor, posses scire duisse deam»[7], — подумал отец Доменико уже не в первый раз, но теперь он не собирался вызывать каких-либо духов. Вместо этого он подошел к украшенному гравировкой ларцу, где лежала книга — второе, но не сильно искаженное изда-

[7] Примечания: 7

«Сохранился запах. О, если б также знать и о присутствии Бога» (латин.).

ние «Энхиридиона»[8], представлявшего собой составленное Львом III своеобразное собрание молитв и других средств, «защищающих от всех напастей, коим может подвергнуться тот или иной человек на суше, на воде, от тайных и явных врагов, от диких и бешеных животных, от ядов, от огня и от небесных стихий». Для большей эффективности отцу Доменико посоветовали носить эту книгу с собой, но он считал, что слишком редко подвергается настоящей опасности, чтобы рисковать столь ценной вещью; и во всяком случае он каждый день прочитывал хотя бы одну страницу, главным образом, из раздела «In Principio», представлявшего собой некую версию первой главы Евангелия от Иоанна.

Теперь, взяв книгу, он открыл ее на «Семи сокровенных молитвах», единственном разделе, может быть, действительно исходившем от папы из Шарлеманя??? (что отнюдь не снижало достоинств остальной части книги). Отец Доменико опустился на колени лицом к востоку и, не глядя на страницу, начал молитву, которую полагалось читать в четверг и о которой говорилось, быть может и не случайно, что она «разгоняет демонов».

---

[8] Примечания: 8
«Руководство».

4

Бэйнса ожидало в Риме много дел, особенно из-за отсутствия его помощника Джека Гинзберга, и Бэйнс не старался специально отыскать среди массы других бумаг записку Джека о мнении металлурга по поводу золотых слез. По крайней мере, временно Бэйнс рассматривал эту записку как личное письмо и, следуя строгому правилу, никогда не занимался личной корреспонденцией в рабочие часы, даже если работал не у себя в офисе, а, например, как сейчас, в номере отеля.

Тем не менее записка попалась ему на глаза на второй день, когда он принялся за работу, и поскольку Бэйнс не мог себе позволить, чтобы его отвлекало неудовлетворенное любопытство, которому можно было легко положить конец, он прочел ее. Слезы действительно оказались золотом, которое все вместе весило двадцать четыре карата и, таким образом, стоило на данный момент одиннадцать центов. Однако для Бэйнса они представляли собой грандиозный капитал (или, иначе говоря, потенциальное капиталовложение в нечто грандиозное).

Он с удовлетворением отложил записку в сторону и скоро забыл о ней — или почти забыл.

Вложение капитала в чудовищные вещи составляло основу его бизнеса. «К сожалению, в последнее время цена на них упала», — подумал он с холодной злостью. Отсюда и возник его интерес к колдовству, который другие директора «Консолидейтед Варфэр Сервис» сочли бы чистым безумием. Но, в конце концов, если бизнес перестает удовлетворять, вполне естественно искать удовлетворения в чем-то другом. Безумцем, с точки зрения Бэйнса, был тот, кто пытался найти замену такими удовольствиями, как женщины, благотворительность, коллекционирование предметов искусства, гольф, которые совершенно не приносили удовлетворения. Бэйнс страстно любил свою работу, которая сеяла смерть и разрушения; гольф не мог заменить такую страсть — так же как охладить пыл художника или развратника.

Новый факт, с которым приходилось считаться, состоял в том, что ядерное оружие нанесло тяжелый удар по оружейному бизнесу. Конечно, еще процветала продажа мелкого оружия некоторым недавно возникшим малым государствам — «мелким» условно считалось вооружение, не превышавшее размеров подводной лодки. Но на первое место вышли термоядерный син-

тез и баллистические ракеты, грозя продлить двадцатилетний цикл мировых войн, чересчур разрушительных и самоубийственных. В таких условиях «дипломатия» Бэйнса состояла главным образом в раздувании локальных конфликтов и гражданских войн. Даже это оказалось весьма щекотливым делом; в невероятно запутанной политической обстановке игра в национализм могла привести к неожиданным результатам, потому что трудно предсказать заранее, не будет ли некая развивающаяся африканская страна представлять чрезвычайный интерес для одной или нескольких держав (когда-нибудь, конечно, они все станут ядерными державами, и тогда военная политика определенно упростится и формализуется).

Сама деликатность этих проблем приносила Бэйнсу своего рода удовлетворение. Он неплохо в них разбирался. К тому же в «Консолидейтед Варфэр Сервис» было много людей, имевших большой опыт в подобных делах, и он всегда мог обратиться к ним за помощью. Один из главных специалистов КВС находился теперь с ним в Риме — доктор Адольф Гресс, известный изобретатель особого универсального средства передвижения, «чессиконтера». Но теперь он представлял инте-

рес как изобретатель нового секретного оружия — подземной торпеды, которая могла быстро передвигаться под землей и неожиданно появляться под любым сооружением, расположенным в радиусе до двухсот миль от ее пускового туннеля, если позволяла геология. Бэйнс предположил, что она может быть весьма привлекательной, по крайней мере, для одной из воюющих сторон йеменского конфликта, и не ошибся. Теперь он прилагал большие усилия, чтобы не связываться со всеми четырьмя. Задача оказалась весьма трудной еще и потому, что, хотя две йеменские клики стоили немного, Насер был таким же проницательным, как Бэйнс, а Файзаль, бесспорно, еще гораздо проницательнее.

Тем не менее, Бэйнс не обладал особым даром предвидения и хорошо знал это. Узнав о надвигающихся переменах в оружейном бизнесе, — после опубликования в 1950 году американским правительственным издательством тома, озаглавленного «Последствия применения ядерного оружия» — он постарался как можно скорее установить контакт с частной фирмой под названием «Мамаронек Ризерч Институт». Она представляла собой исследовательскую организацию, основанную выходцем из корпорации «Рэнд», и

специализировалась на предсказании политических и военных конфликтов и их возможных последствий (некоторые из этих специалистов оказывались столь экстравагантными, что требовали привлечения к сотрудничеству независимых писателей-фантастов). Из архивов КВС и прочих источников Бэйнс поставлял для компьютеров «Мамаронека» материалы, считавшиеся иногда важными государственными тайнами различных стран; в свою очередь, «Мамаронек» снабжал Бэйнса красиво отпечатанными ксерокопиями докладов типа «Возможные ближайшие и отдаленные последствия блокады Израилем островов Фарос».

Бэйнс отбрасывал наиболее абсурдные варианты, но с крайней осторожностью, представлявшей собой полную противоположность консерватизму, потому что некоторые из самых странных прогнозов при ближайшем рассмотрении могли оказаться вовсе не абсурдными. Те из них, которые сочетали в себе внешнюю абсурдность со скрытой правдоподобностью, он отбирал, чтобы претворить их в реальные ситуации. Поэтому его интерес к Тэрону Уэру был вполне логичен и закономерен, ибо то, что практиковал Бэйнс, также буквально являлось оккультным искусством, в

которое обычные люди уже не верили.

Послышался двойной звонок: вернулся Гинзберг. Бэйнс дал ответный сигнал, и дверь открылась.

— Роган мертв, — объявил Джек без предисловий.

— Быстро. Я думал, Уэру потребуется еще неделя, после того как он вернулся из Штатов.

— Неделя уже прошла, — напомнил Джек.

— Гмм? Да, действительно. Пока заставишь этих арабов раскошелиться, забудешь и про время. Ну-ну, подробности?

— Пока только то, что передает «Рейтер». Началось с пневмонии, которая перешла в cardia pulmonale — сердечную болезнь, вызванную долгим кашлем. Оказывается, у него несколько лет назад обнаружили шум в сердце с недостаточностью митрального клапана. Об этом знала только семья, и врачи уверяли, что ничего опасного не произойдет, если он не вздумает заниматься чем-нибудь вроде бега на длинные дистанции. Теперь предполагается, что последняя предвыборная кампания вызвала обострение, а остальное сделала пневмония.

— Очень чисто, — заметил Бэйнс.

Он на минуту задумался. У него не было ни-

каких враждебных чувств к губернатору Калифорнии. Он никогда не встречался с этим человеком, не имел с ним никаких деловых конфликтов, на самом деле даже восхищался его правоцентристской политикой, достаточно яркой, но безобидной, какую и следовало ожидать от бывшего счетовода рекламного агентства в Сан-Франциско, специализировавшегося на пропаганде холодных завтраков из кукурузных хлопьев и тому подобного. Конечно, Бэйнс помнил, что, судя по архивным документам, Роган приходился ему сводным братом.

И все же он был доволен: Уэр сделал свое дело — Бэйнс не сомневался в надежности Уэра, — и сделал чрезвычайно аккуратно. После еще одного испытания — просто чтобы исключить возможность случайного совпадения — можно будет взяться за кое-что более крупное, — по-видимому, самое крупное из всех дел, которыми они оба когда-либо занимались. Интересно, каким образом это происходило? Может быть, демон явился к жертве в виде пневмококка? Но тогда как быть с проблемой репродукции? Впрочем, как известно, остатки подлинного Креста находили по всей средневековой Европе в таких количествах, что их хватило бы на целый дровяной склад. Со-

временные клерикалы называли это чудесным умножением, в которое Бэйнс, конечно же, не верил; но если магия реальна, может, и чудесное умножение тоже реально?

Однако это были всего лишь технические детали, обычно он старался в них не вдаваться. Пусть ими занимаются те, кому он платит. Хотя не мешает иметь в своем штате человека, который в них разбирается. Часто оказывается опасно полагаться лишь на посторонних специалистов.

— Выпиши чек Уэру, — сказал он Джеку, — с моего личного счета. Назови это гонораром за консультацию — лучше всего, медицинскую. Когда пошлешь ему чек, назначь дату новой встречи — сразу, как только я вернусь из Рияда. Остальное обсудим примерно через полчаса. Пришли мне Гесса, а сам подожди за дверью.

Джек кивнул и вышел. Через минуту молча вошел Гесс, высокий крепкий худощавый человек у него были кустистые брови, волосы с проседью и суженный подбородок, из-за чего лицо казалось почти треугольным.

— Ты не интересуешься колдовством, Адольф? В смысле лично.

— Колдовством? Кое-что мне известно. Несмотря на всю его чепуху, оно сыграло важную роль

в истории науки, особенно той, что связана с алхимией и астрологией.

— Меня не интересует эти вещи. Я говорю о черной магии.

— Тогда нет. Я мало знаю о ней, — сказал Гесс.

— Значит, придется узнать. Недели через две мы посетим настоящего колдуна, и я хочу, чтобы ты изучил его методы.

— Ты смеешься надо мной? — удивился Гесс. — Нет, это не в твоем стиле. Значит, мы будем заниматься разоблачением шарлатанов? Я не уверен, что лучше всех подхожу для этого, Бэйнс. Профессиональный фокусник — вроде Гудини — разоблачит мошенника скорее, чем я.

— Нет, речь совсем не о том. Я собираюсь попросить этого человека сделать кое-какую работу из его области для меня, и мне нужен наблюдатель, который будет смотреть, что он делает — не для того чтобы его разоблачить, а чтобы составить представление обо всех процедурах, на случай если наши с ним отношения потом испортятся.

— Но… ладно, дело твое, Бэйнс. Но, похоже, это пустая трата времени.

— Только не для меня, — возразил Бэйнс. — Пока я буду вести переговоры с саудовскими арабами, почитай литературу. Я хочу, чтобы к

концу года ты знал не меньше настоящего специалиста. Тот человек сказал мне, что на это способен даже я, значит, ты и подавно.

— Такая задача не потребует от меня чрезмерного напряжения ума, — сухо сказал Гесс. — Но она может оказаться серьезным испытанием для моего терпения. Впрочем, ты босс.

— Правильно. Приступай.

Выходя, Гесс холодно кивнул Джеку. Они относились друг к другу без особой симпатии; отчасти потому, что, как иногда думал Бэйнс, в некоторых отношениях были очень не похожи. Когда за ученым закрылась дверь, Джек сунул руку в карман и достал пакет из вощеной бумаги, в котором прежде — очевидно, еще и теперь — лежал платок с двумя трансмутированными[9] слезинками.

— Не надо, — сказал Бэйнс. — Я уже прочел твою записку. Выброс его. Я не хочу, чтобы кто-нибудь этим заинтересовался.

— Я выброшу, — ответил Джек. — Только сначала вспомни: Уэр сказал, что демон покинет тебя через два дня.

— Ну и что?

— Взгляни сюда.

---

[9] Примечания: 9
Трансмутация — превращение элементов.

Джек извлек из кармана платок и аккуратно расстелил его на письменном столе Бэйнса.

На куске ирландского льна на месте двух слезинок остались два темных пятна — очевидно, свинец.

5

Из-за досадного просчета Бэйнс и его люди прибыли в Эр-Рияд как раз в начале рамазана, когда арабы весь день постились и потому не были расположены заниматься делами. Затем, через двадцать девять дней, наступил трехдневный праздник, во время которого с ними также не имело смысла разговаривать. Однако, когда переговоры наконец начались, они заняли не более двух недель, как и предполагал Бэйнс. Поскольку мусульмане живут по лунному календарю, рамазан — сдвигающийся праздник, и в этом году он оказался близким по времени к Рождеству. Бэйнс полагал, что Терон Уэр, возможно, откажется встречаться с ним в столь неблагоприятный для служителей сатаны день, но у Уэра не было возражений, и он лишь заметил (в своем письме): «25-е декабря празднуют уже много веков». Гесс, усердно занимавшийся чтением, истолковал слова Уэра как намек на недостоверность даты

рождения Христа.

— Хотя в нашем мире слов я не вижу тут большой разницы, — заявил он. — Если слово «суеверие» сохранило еще свое древнее значение, оно означает замену предмета его символом, или, иными словами, факты приобретают то значение, которое мы подразумеваем, говоря о них.

— Назови это эффектом наблюдателя, — предложил Бэйнс почти серьезно. Он не собирался дискутировать ни с кем на подобные темы. Уэр не отказался встретиться с ним — вот что имело значение.

Но если для Уэра эта дата, очевидно, не представляла никаких неудобств, иначе обстояло дело с отцом Домеником, который сначала наотрез отказался отмечать ее в дьявольском логове. На несчастного монаха оказывали давление с обеих сторон, настоятель и отец Учелло, и их аргументы не теряли силу оттого, что были вполне предсказуемы; и наконец — после целой недели схоластических диспутов — они его одолели (по правде говоря, он с самого начала не сомневался в таком исходе). Собрав все свое смирение — храбрость, похоже, оставила его, — отец Доменико покинул стены монастыря, надел сандалии (как ему было дозволено) и сел на мула. В новой

кожаной сумке, скрытой под рясой, лежал «Энхиридион» Льва III; в другой сумке, покоившейся на шее мула, находились чудотворные инструменты, заново освященные, окропленные святой водой, обкуренные благовониями и завернутые в шелковую ткань. Отъезд происходил в тайне и не сопровождался никакими формальностями. Лишь настоятель знал его причину, и он с трудом удержался, чтобы не объявить для отвода глаз, будто отец Доменико изгоняется из монастыря.

В результате обеих задержек отец Доменико и команда Бэйнса прибыли в палаццо Уэра в один и тот же день — когда в Позитано разразилась единственная за последние семь дет снежная буря. Из учтивости — ибо правила этикета в таких делах имели огромное значение, в противном случае ни монах, ни колдун не осмелились бы встретиться лицом к лицу — отец Доменико был принят первым и со всеми церемониями, хотя аудиенция продолжалась недолго. Но Бэйнс (а также каждый член его команды в соответствии со своим положением) получил лучшие апартаменты. Кроме того, поскольку у Уэра не было прислуги, что могла пересечь линию, которую отец Доменико начертил у порога своей комнаты, обслуживались только Бэйнс и его команда.

Как водится в городах южной Италии в такой день, к воротам палаццо пришли три «короля» и принесли подарки для детей, рассчитывая получить подарки для Младенца. Но там не оказалось детей, и ряженые ушли, разочарованные и озадаченные (ведь богатый американец, который, как говорили, пишет книгу о фресках Помпеи, поначалу казался довольно щедрым), но и, как ни странно, с облегчением: в эту ненастную ночь окна палаццо горели холодным зловещим светом. Потом ворота закрылись. Главные действующие лица заняли свои места; и действо началось.

Три сна

Для того чтобы стать чертом, требуется больше отваги и ума, чем полагают люди, которые получают знания из вторых рук. И лишь тот, кто убил черта в себе — после долгого упорного труда, ибо другого способа нет, — знает, что такое черт и каким чертом он мог бы быть сам, а также какую силу дают черту те, кто считает чертей иллюзией.

Книга изречений Цян Сумдуна.

6

Беседа отца Доменико продолжалась недолго и имела официальный характер. Несмотря на дурные предчувствия, монах испытывал немалое любопытство — и был разочарован, обнаружив, что колдун на вид почти ничем не отличается от обычного интеллектуала. Разве только тонзурой. Подобно Бэйнсу, отец Доменико сразу обратил на нее внимание. Но в отличие от Бэйнса, он взирал на нее с содроганием, потому что знал, для чего она нужна Уэру: волшебник вовсе не собирался

передразнивать своих набожных оппонентов, просто демоны, если их на секунду оставить без внимания, могли схватить человека за волосы.

— В соответствии с соглашением, — говорил Уэр на превосходной латыни, — я, разумеется, не могу не принять вас, отче. И в других обстоятельствах я бы с удовольствием побеседовал с вами об искусстве, хотя мы и принадлежим к разным школам. Но сейчас неподходящее время. Как вы видели, у меня очень важный гость, и он хочет сделать чрезвычайный заказ.

— Я не помешаю никоим образом, — ответил отец Доменико. — И если даже мне захочется это сделать — а, очевидно, так и будет, — я знаю очень хорошо, что любое вмешательство с моей стороны лишит меня защиты.

— Я был уверен, что вы это понимаете, тем не менее рад слышать. Однако само ваше присутствие создает определенные затруднения — не только потому, что я должен объяснить его моему клиенту, но и потому, это оно неблагоприятно изменяет всю атмосферу и тем самым усложняет мою задачу. И вопреки законам гостеприимства, я могу тишь надеяться на скорейшее завершение вашей миссии.

— Я не могу выразить сожаления по поводу

упомянутого вами затруднения, поскольку мое единственное желание — воспрепятствовать вашим действиям. Я могу обещать лишь строгое соблюдение условий примирения. Что же касается срока моего пребывания, то он полностью зависит от характера заказа вашего клиента и от продолжительности вашей работы. Я уполномочен проследить за ней до конца.

— Какая досада. Хорошо еще, что я не был осчастливлен таким вниманием Монте Альбано прежде. Несомненно, замыслы мистера Бэйнса более грандиозны, чем он сам представляет. И, похоже, вам известно о них нечто такое, чего я сам не знаю.

— Это будет страшная катастрофа, уверяю вас.

— Гм. С вашей точки зрения, но не обязательно с моей. Я полагаю, вы не собираетесь предложить мне еще какую-нибудь информацию — чтобы, скажем, переубедить меня?

— Конечно, нет, — ответил отец Доменико с возмущением. — Если вас до сих пор не остановило вечное проклятие, с моей стороны было бы глупостью пытаться переубедить вас.

— Хорошо. Но ведь вам, кажется, вменяется в обязанность исцелять людские души, и если со времени последнего Собора Церковь не соверши-

ла очередного кульбита, вы впадаете в смертный грех, предполагая, что какой-то человек — пусть даже я — уже окончательно проклят.

Аргумент казался довольно сильным, но отец Доменико был тоже изощрен в казуистике:

— Я монах, а не священник, и любые сведения, которые я вам могу сообщить, скорее всего, будут потакать злу, а не противодействовать ему. При таких обстоятельствах мне трудно сделать выбор.

— Тогда позвольте мне перейти к более деловому разговору. Я еще не знаю намерений Бэйнса, но я очень хорошо знаю, что сам не являюсь силой — только посредником. И мне не к чему откусывать больше, чем я могу проглотить.

— Сейчас вы просто лукавите! — с жаром воскликнул отец Доменико. — Хорошо зная, что ни я, ни кто-либо другой не способен расширить пределы ваших возможностей, вам придется оценить их, выполняя поручение мистера Бэйнса, каким бы оно ни оказалось. Во всяком случае, я не скажу вам ничего.

— Очень хорошо, — сказал Уэр, вставая. — Я буду немного щедрее вас, отче, и поделюсь кое-какой информацией. Советую вам строго придерживаться буквы Соглашения. Одно лишнее

движение — и вы попались; и едва ли что-нибудь в этом мире доставит мне большее удовольствие. Надеюсь, я выразился достаточно ясно.

Отец Доменико не нашел достойного ответа; впрочем, отвечать и не требовалось.

7

Как и предполагал Уэр, Бэйнс забеспокоился, узнав о присутствии отца Доменико, и пожелал сразу прояснить этот вопрос. Однако, когда Уэр рассказал ему о миссии монаха и о Соглашении, в рамках которого она проводилась, Бэйнс немного успокоился.

— Да, всего лишь мелкая неприятность, — согласился он, — если нам действительно не смогут помешать. В некотором смысле наш доктор Гесс выполняет сходную миссию: он также всего лишь наблюдатель, и ваше мировоззрение ему столь же чуждо, как и этому, более святому, чем мы, человеку.

— Он ненамного святее нас, — усмехнулся Уэр. — Мне тоже известно кое-что, о чем он не знает. Его ждет в будущем большой сюрприз. Однако на некоторое время нам придется мириться с его присутствием, на какое именно, зависит от вас. Итак, что же вы хотите на этот раз, доктор

Бэйнс?

— Две вещи. И одна зависит от другой. Во-первых, смерти Альберта Штокхаузена.

— Специалиста по антиматерии? Какая жалость. Он мне нравится, и, кроме того, кое-что в его работе представляет непосредственный интерес для меня.

— Вы отказываетесь?

— Нет, во всяком случае, пока. Но теперь я задам вам вопрос, который обещал задать в подобном случае. Какова ваша цель?

— У меня долгосрочные планы, доктор Уэр. В настоящий момент моя заинтересованность в смерти Штокхаузена носит чисто деловой характер. Он подбирается к тому направлению, которое полностью контролируется нашей компанией. Мы не хотим утратить монополию на это знание.

— И вы хотите удержать в секрете то, что основано на естественных законах? После провала Мак-Карти, казалось бы, любой разумный американец должен был понять это. Доктор Штокхаузен не занимается техническими деталями — ничем из того, что могла бы запатентовать ваша фирма.

— Да, законы природы нельзя запатентовать, — согласился Бейнс — И мы уже знаем, что такое

открытие нельзя вечно хранить в тайне. Но чтобы воспользоваться им наилучшим образом, нам нужно еще лет пять. Никто, кроме Штокхаузена, не подошел к нему вплотную и, скорее всего, не подойдет в ближайшее время. Мы сами наткнулись на него случайно; у нас нет ученых такого уровня, как Штокхаузен.

— Понимаю. Пожалуй… ваш проект имеет и привлекательную сторону. Я думаю, вполне можно будет убедить отца Доменико, что именно это и есть ваша единственная цель. Конечно, я много раз занимался подобной работой, не вызывая усиленный интерес в Монте Альбано, но, если показать монаху наши грандиозные приготовления и сложные действия он, возможно, поверит и уберется восвояси.

— Это было бы неплохо, — согласился Бэйнс. — Весь вопрос в том, сможете ли вы ввести его в заблуждение.

— Попробовать стоит, работа действительно будет сложной — и дорогой.

— Почему? — спросил Джек Гинзберг, он так резко выпрямился в своем резном флорентийском кресле, что даже скрипнула шелковая обивка. — Не говорите нам, будто его смерть затронет тысячи людей. Насколько мне известно,

никто не подал бы за него ни одного голоса.

— Перестань, Джек.

— Нет, подождите, это разумный вопрос, — возразил Уэр. — У доктора Штокхаузена большая семья, которую я должен принять во внимание. Кроме того, как я уже говорил, его компания иногда была мне приятна — не настолько, чтобы отказаться от вашего заказа, но достаточно, чтобы повысить цену.

— Однако это не главное затруднение. Дело в том, что доктор Штокхаузен, как и многие современные физики-теоретики, человек набожный, — к тому же его грехи немногочисленны и малозначительны, они едва ли способны привлечь внимание преисподней. Я проверю эти сведения еще раз, но, во всяком случае, так было ровно шесть месяцев назад, и я бы удивился, если бы с тех пор что-нибудь изменилось. Он не принадлежит ни к какой формальной конгрегации, тем не менее трудно будет послать к нему демонов — и он еще, может быть, защищен от прямого нападения.

— Надежно?

— Все зависит от того, какие силы в этом участвуют. Может быть, вам подойдет целое сражение, которое уничтожит половину Дюссельдорфа?

Бомбовый удар, пожалуй, обойдется дешевле.

— Нет, нет. Не должно быть никаких лабораторных катастроф: это может привлечь излишний интерес к его работам. Все дело вот в чем: если Штокхаузен знает то, что знаем мы, он мог бы произвести грандиозный взрыв с помощью, скажем, эквивалента доски и пары кусков мела. Нет ли другого способа?

— Люди есть люди, всегда есть другой способ. В данном случае придется его соблазнить. Я знаю, по крайней мере, одно эффективное средство. Но он может избежать падения. И даже если не избежит — что наиболее вероятно, — дело займет несколько месяцев. Впрочем, это будет не так уж плохо, потому что поможет ввести в заблуждение отца Доменико.

— И сколько это будет стоить? — спросил Джек Гинзберг.

— Ну, скажем, около восьми миллионов. На сей раз только чистый гонорар, поскольку особых дополнительных расходов, вероятно, не будет. А если и будут, я возьму их на себя.

— Очень любезно, — ехидно заметил Джек. Уэр не обратил внимания на его сарказм.

Бэйнс сделал вид, будто обдумывает поставленные условия, но он был вполне доволен. Убийство

доктора Штокхаузена являлось лишь повторным испытанием и не имело такого важного значения, как смерть губернатора Рогана, но зато затрагивало совсем другую социальную сферу. «Консолидейтед Варфэр Сервис» получала вполне реальную выгоду, и Бэйнсу не пришлось придумывать какой-то мотив, который мог вызвать у Уэра дополнительные — и преждевременные — вопросы; и, наконец, возражения, выдвинутые Уэром, хотя отчасти и неожиданные, полностью соответствовали тому, что волшебник говорил прежде, его стилю, его характеру, несмотря на всю очевидную сложность этого человека.

Вот и хорошо, Бэйнс любил таких интеллектуалов и хотел бы иметь их побольше в своей организации. Они все отличались своего рода фанатизмом и в самый решающий момент предоставляли удобный случай управлять ими. Уэр пока еще не обнаружил свое слабое место, но обнаружит, обязательно обнаружит.

— Согласен, — сказал Бэйнс после не более чем двух секунд притворного колебания. — Однако я хочу наполнить вам, доктор Уэр, что одним из моих условий является пребывание здесь доктора Гесса. Я хочу, чтобы вы позволили ему наблюдать за вашими действиями.

— О, с удовольствием, — ответил Уэр с улыбкой, которая немного встревожила Бэйнса; она казалась фальшивой, даже приторной, хотя Уэр достаточно владел собой, чтобы при желании скрыть эту фальшь.

— Я уверен, ему понравится. Вы все можете наблюдать, если хотите. Я, пожалуй, приглашу даже отца Доменико.

8

На следующее утро доктор Гесс прибыл точно в назначенное время, чтобы осмотреть рабочую комнату и оборудование. Приветствовав его деловым кивком («Чепуха, какая чепуха!» — пронеслось в голове у Гесса) Уэр подвел его к тяжелым парчовым шторам своего кабинета, за которыми оказалась массивная окованная медью дверь, очевидно, из кипарисового дерева. Огромный дверной молоток был украшен изображением лица, напоминавшего трагическую маску, только глаза имели кошачьи зрачки.

Гесс считал, что подготовился ко всему и ничто не способно его удивить, и все же он поразился, когда после прикосновений Уэра лицо на дверной ручке изменило выражение, несильно, но достаточно заметно. Очевидно, предвидя изумле-

ние Гесса, Уэр, не оборачиваясь, пояснил:

— Тут, пожалуй, нечего воровать, но если какой-нибудь предмет будет похищен, мне придется потратить много сил, чтобы заменить его новым, хотя вор не получит никакой выгоды. К тому же существует проблема осквернения — одно невежественное прикосновение может свести на нет труд многих месяцев. В этом отношении моя рабочая комната подобна микробиологической лаборатории. А Страж ее охраняет.

— Да, для вас нет магазина запасных частей, — согласился Гесс, приходя в себя.

— Нет, и не может быть даже теоретически. Чародей должен делать все сам — теперь это не так просто, как в средние века, когда изготовление своих инструментов было привычным делом для большинства образованных людей. Пойдемте.

Дверь открылась, словно кто-то тянул ее изнутри, медленно и бесшумно. Сначала Гесс лишь увидел красноватый полумрак, но Уэр нажал на выключатель, послышался шелест, напоминающий журчание воды, и комнату залил солнечный свет.

Гесс понял, почему Уэр выбрал именно это здание, а не какое-нибудь другое. Комната представляла собой грандиозный обеденный зал в

сьенском стиле, в лучшие времена здесь, очевидно, пировало десятка три аристократов. Другого такого огромного зала не нашлось бы в Позитано, хотя сам дом не отличался большими размерами. Сквозь окна, расположенные под потолком вдоль всех четырех стен, лился солнечный свет. С карнизов свешивались монотонные занавеси из красного вельвета. Они-то и шелестели, раздвигаясь, когда Уэр нажал на выключатель.

В дальнем конце комнаты находилась другая дверь, широкая и также закрытая шторами; Гесс предположил, что она вела в кладовую или на кухню. Слева от нее стояла средних размеров современная электрическая печь, и рядом — наковальня с молотом, который выглядел, пожалуй, слишком тяжелым для Уэра. С другой стороны от печи стояло несколько маркированных лоханей, очевидно, служивших для закалки металла.

Справа от двери располагался черный химический стол, оснащенный водопроводными кранами и раковинами, а также трубами для светильного газа, вакуума и сжатого воздуха; Уэр, очевидно, устанавливал для них собственные насосы. Над столом на задней стене крепились полки с реактивами; справа на колышках в боковой стене сушилась стеклянная посуда и висели

резиновые трубки.

У этой же стены ближе ко входу стояла кафедра, на которой лежала огромная книга в красном кожаном переплете с застежками. Обложку украшал какой-то тисненый золотой рисунок, но Гесс не мог его разобрать издали. По обе стороны от кафедры находились два подсвечника с толстыми свечами, уже явно долго использовавшимися, хотя на всех стенах висели электрические лампы с абажурами и еще одна, настольная, лампа стояла на письменном столе рядом с кафедрой. Тут лежала и другая книга, меньшего формата, но почти такая же толстая. Гесс узнал ее сразу: «Руководство по химии и физике», сорок седьмое издание, вещь столь же обычная в лабораториях, как пробирка. Здесь были и гусиные перья с роговыми чернильницами.

— Теперь вы можете видеть, что я подразумевал под изготовлением инструментов, — сказал Уэр. — Конечно, я разбиваю много посуды — как любой обычный химик. Но если мне, к примеру, нужен новый меч, — он показал на электрическую печь, — я должен выковать его сам. Я не могу купить его в лавке антиквариата. И это немалая работа. Как сказал один современный писатель, единственным приемлемым символом

острого меча является острый меч.

— М-м, — произнес Гесс, продолжая оглядываться по сторонам. У левой стены напротив кафедры стоял длинный массивный стол. На нем были аккуратно разложены разные предметы размером от шести дюймов до трех примерно футов, плотно завернутые в красный шелк с какими-то надписями — Гесс не разобрал их. На стене возле стола висел шкафчик для мечей. Обстановку довершали несколько стульев; похоже, Уэр редко работал сидя. На паркетном полу в средней части комнаты еще оставались полустертые следы цветного мела — Уэр недовольно покосился на них.

— Завернутые инструменты уже приготовлены к работе, и я лучше не стану их разворачивать, — сказал волшебник, подходя к шкафчику с мечами. — Но у меня, конечно, есть запасные, и их я вам покажу.

Он открыл дверцу шкафчика, и Гесс увидел набор клинков, расположенных по размеру, — всего тринадцать. Некоторые из них были, несомненно, мечами; другие скорее напоминали сапожный инструмент.

— Порядок их изготовления тоже имеет значение, — продолжал Уэр, — потому что, как вы

видите, большинство из них снабжено надписями, и важно, какой инструмент их делает. Таким образом, я начал с инструмента без надписи, вот этого, он называется боллин, или серп, и применяется чаще всего. Ритуалы бывают разные, но тот, который я использую, нужно начинать с девственной сталью. Она накаляется трижды и погружается в смесь сорочьей крови и сока травы, именуемой «фуароль»[10].

— «Primorium verum» советует использовать кровь крота и сок очного цвета, — заметил Гесс.

— О, вы кое-что читали. Я пробовал, но лезвие получается не очень хорошим.

— Я думаю, вы получили бы лучшее качество режущей кромки, если бы определили действующие компоненты и использовали их. Вспомните: дамасскую сталь закаливали, погружая ее в тело раба. Это действовало, но современные закаливающие составы гораздо эффективнее, и в вашем случае не потребовалось бы постоянно ловить множество животных.

— Аналогия не совсем удачная, — возразил Уэр. — Она имела бы смысл, если бы целью была только закалка и если бы вся операция

---

[10] Примечания: 10
Однолетняя перелеска.

совершалась лишь ради соблюдения правила Парацель-са: «Altenus поп sit qui suus esse petest» — делай сам то, что не можешь доверить другим. И той и другой цели я могу достичь и другим способом. Но в магии важную роль играют кровавые жертвоприношения — то, что можно назвать закалкой не только стали, но и самого мага.

— Понимаю. И видимо, это имеет символическое значение.

— В колдовстве все имеет символическое значение. Таким же образом, как вы, вероятно, читали, ковка и закалка должна совершаться в среду, в первом или восьмом часу дня, или в третьем или десятом часу ночи, при полной Луне. Здесь опять преследуется чисто практическая цель — ибо, уверяю вас, космические процессы оказывают воздействие на то, что происходит на Земле, — но также и психологические: подчинение каждого шага строгой дисциплине. Колдовские книги и другие руководства столь запутаны и противоречивы, что совершенно невозможно определить, какие действия существенны, а какие нет, и на исследование таких вопросов едва ли хватит жизни.

— Ладно, — сказал Гесс, — продолжайте.

— Затем изготовляется и насаживается роговая

рукоять, опять особым образом и в определенный час, затем она обрабатывается также в определенный день и час. Кстати, вы упомянули другие закаливающие составы. Очевидно, при их использовании день и час также должны быть другими, и опять возникает вопрос: что существенно, а что нет? Далее надо произнести три заклинания, совершить три поклона и прочитать предохраняющий заговор. Затем инструмент окропляют, заворачивают и окуривают — не в современном смысле, я имею в виду, что его окуривают благовониями. Тогда он готов к употреблению. После применения его нужно очистить и заново освятить; в этом и состоит различие между завернутыми инструментами, которые лежат на столе, и теми, что висят здесь, в шкафу. Я не буду вдаваться в подробности подготовки остальных инструментов. После них я делаю перо, потом чернильницы и чернила — для очевидных целей, и для тех же самых целей резец. Остальные в том порядке, как они висят здесь (а не в том, в котором изготавливаются), это — нож с белой ручкой, он, подобно боллину, является почти универсальным инструментом… нож с черной ручкой, служит почти исключительно для прочерчивания круга… стилет, в основном, для

изготовления деревянных ножей, используемых при дублении… волшебный, или поражающий жезл, — название говорит само за себя… ланцет - тоже все понятно… посох, сдерживающий инструмент, вроде пастушеского кнута… и, наконец, четыре меча, один для мастера, а остальные для его ассистентов, если они имеются.

Спросив у Уэра разрешения, Гесс наклонился, чтобы рассмотреть надписи на инструментах. Кое-что можно было без труда прочесть: например, слово «Михаил» на эфесе меча, предназначенного для мастера, а на его клинке — «Элохим Гибор» (от острия к рукоятке). Однако знаки, начертанные на рукоятке белого ножа, оказались менее понятными.

Гесс указал на нее и на другую, столь же загадочную надпись на ручке стилета, повторявшуюся и на ручке ланцета.

— Что означает эта надпись?

— Что означает? Она едва ли что-нибудь означает. Тут начертаны искаженные еврейские буквы, первоначально входившие в состав различных имен Бога. Я мог бы вам их назвать, но на самом деле эти буквы больше не имеют смысла — они просто должны быть здесь.

— Суеверие, — пробормотал Гесс, вспоминая

свой разговор с Бэйнсом, когда они пытались истолковать замечание Уэра по поводу Рождества.

— Совершенно верно, в чистом виде. Это явление столь же фундаментальное в искусстве, как эволюция в биологии. Теперь, если вы подойдете сюда, я покажу другие вещи, способные вас заинтересовать.

Он направился через всю комнату по диагонали к химическому столу, но задержался, чтобы стереть подошвой своей туфли остатки меловых линий на полу.

— Я могу предложить новый перевод того афоризма Парацельса, — сказал он, — «Хороших слуг больше не бывает». Во всяком случае, умеющих пользоваться шваброй… Вероятно, большинство этих реактивов всем знакомо, но некоторые из них специфичны для искусства. Вот, например, очищенная вода, которая, как вы видите, нужна мне в больших количествах. Она обязательно должна быть из реки. Негашеная известь для дубления.

Некоторые специалисты, де Камп, к примеру, скажут вам, что «девственный пергамент» просто означает пергамент, на котором еще никогда не писали, но это не так. Все колдовские книги настаивают на использовании кожи животного

мужского пола, которое никогда не спаривалось. В «Clavicula Solomonis»[11] также говорится о пергаменте из кожи новорожденных животных или из человеческой плаценты. Для дубления я должен растолочь соль после того, как над ней совершат обычные обряды. Свечи, которыми я пользуюсь, изготавливаются из первого воска, взятого в новом улье. Если мне нужны фигуры, я должен слепить их из глины, вырытой голыми руками, и размять ее также без помощи и инструментов. И так далее.

Я упоминал окропление, или опрыскивание, и окуривание. Опрыскивание должно совершаться с помощью кропила — пучка трав. Набор трав зависит от вида ритуала, и, как видите, у меня тут неплохой выбор: мята, майоран, розмарин, вербена, барвинок, шалфей, валериана, ясень, базилик, иссоп. Для окуривания чаще всего используют алоэ, сандал, сушеную кожуру мускатного ореха, стиракс, бензоин. Иногда бывает необходимо готовить зловоние, (например для окуривания плаценты), у меня есть соответствующая коллекция.

Уэр резко развернулся, едва не наступив Гессу

---

[11] Примечания: 11
«Малый ключ Соломона».

на ногу, и зашагал к выходу. Гессу ничего не оставалось, как только последовать за ним.

— Все требует специальных приготовлений, — продолжал Уэр на ходу, — даже дрова, если я хочу сделать чернила для заключения соглашений. Но перечислять все это не имеет смысла; я уверен, вы поняли принцип.

Гесс почти бежал сзади, но он еще отставал от мага на несколько шагов, когда оконные занавеси снова закрылись и в комнате опять воцарился сумрак. Уэр остановился, поджидая Гесса, и как только тот прошел в дверь, сразу же затворил ее и направился к своему креслу. Гесс в недоумении обошел большой письменный стол и сел в одно из флорентийских кресел, предназначенных для гостей и клиентов.

— Весьма познавательно, — вежливо сказал он. — Благодарю вас.

— Да, пожалуйста, — Уэр положил локти на стол и, полуприкрыв глаза, приложил концы пальцев к губам. На его обритой макушке и бровях появились капельки пота, и он казался бледнее обычного. Вскоре Гесс заметил, что маг, кажется, старается восстановить контроль над своим дыханием. Гесс с любопытством наблюдал за ним, пытаясь понять, что происходит. Однако

уже через несколько секунд Уэр поднял глаза и, слегка улыбнувшись, сам предложил объяснения.

— Извините меня. Во время обучения мы приучаемся к секретности. Я совершенно уверен, что она уже не нужна, с тех пор как исчезла инквизиция, но старые предрассудки преодолеть труднее всего. Надеюсь, вы не обиделись?

— Нисколько, — уверил его Гесс. — Но если вам нужно отдохнуть…

— Нет, я вполне смогу отдохнуть и побыть в одиночестве в ближайшие три дня, пока буду готовиться к выполнению заказа доктора Бэйнса. Так что если у вас еще есть вопросы, теперь самое время их задать.

— Видите ли… У меня пока нет технических вопросов. Но мне бы хотелось узнать ответ на вопрос, который вам задал Бэйнс во время вашей первой встречи — я думаю, нет смысла делать вид, будто я не слышал запись. Меня так же, как и его, интересуют ваши мотивы. Из всего увиденного и услышанного здесь я могу заключить, что вы затратили колоссальные усилия на овладение вашим искусством и что вы верите в него. Сейчас не имеет значения, верю ли я в него; вопрос в том, насколько я верю вам. Ваша лаборатория

— отнюдь не мистификация, она, очевидно, не служит только для вымогательства. Судя по всему, вы здесь работаете над чем-то, по вашему мнению, весьма важным. Признаюсь, я приехал сюда, чтобы посмеяться — и даже попробовать разоблачить вас, — и я еще не могу поверить, что вы таким образом получите какой-то ощутимый результат. Но я не сомневаюсь в вашей вере.

— Благодарю вас. Продолжайте, — кивнул Уэр.

— У меня остался только один вопрос. Вам не нужны деньги, непохоже, чтобы вы коллекционировали произведения искусств или любили женщин, вы не собираетесь стать Президентом Мира — и тем не менее вы посвятили все свои силы тому, что связано с подобными вещами. Ради чего?

— Я мог бы обойти ваш вопрос, — ответил Уэр. — Например, я мог бы заметить, что при определенных обстоятельствах я способен продлить свою жизнь лет до семисот и, таким образом, пока не беспокоиться о возможных неприятностях после смерти. Я также мог бы напомнить вам — вы, несомненно, об этом читал, — что каждый маг надеется в конце концов обмануть ад, как некоторые уже и сделали, преспокойно заняв места в календаре в качестве настоящих святых.

— Но на самом деле, доктор Гесс, моя главная цель иная, и она, я думаю, стоит риска. Вам нетрудно будет понять ее, потому что ради этой же цели вы продали свою душу, или, если хотите несколько менее затасканное слово, вашу целостность доктору Бэйнсу — ради знания.

— Хмм. Но существуют более легкие пути.

— Едва ли вы сами в это верите. Вы полагаете, что могут быть более надежные пути, такие, как научный метод, но не считайте их более простыми. Я сам глубоко чту научный метод, но, к сожалению, он не дает мне то знание, которого я ищу. И хотя это тоже знание об устройстве Вселенной и ее законах, но ни одна точная наука не может мне его дать, потому что науки не признают тот факт, что некоторые силы природы являются личностями. И без общения с такими личностями я никогда не смогу узнать интересующие меня вещи.

— Этот вид исследования столь же дорог, как финансируемые правительствами опыты на ускорителях элементарных частиц, и едва ли мне удалось бы заставить какое-нибудь правительство финансировать его. Но люди вроде доктора Бэйнса могли бы мне помочь — так же, как они помогают вам.

— В конце концов, я могу заплатить драгоценностью, которую не купить ни за какие деньги. В отличие от Макбета, я знаю, что нельзя «пропустить жизнь мимо». Но даже если дойдет до этого, доктор Гесс, — а, возможно, так и будет — я возьму свое знание с собой, и такой цены мне будет достаточно. Иными словами, как вы и подозревали, я фанатик.

Неожиданно для самого себя Гесс пробормотал:

— Да. Да, конечно… я тоже.

9

Отец Доменико лежал без сна в кровати и смотрел на розовый потолок. Сегодня была та ночь, ради которой он сюда прибыл: Уэр провел три дня поста, очищения и молитвы — очевидно, представлявших собой богохульную пародию на известные образы Церкви, если не по содержанию, то, по крайней мере, по намерению, — и объявил, что готов действовать. По-видимому, он решил позволить Бэйнсу и двум его отвратительным подручным наблюдать за колдовством. Собирался ли он пригласить на церемонию и отца Доменико? Напрасный труд, конечно, но и большое облегчение для Уэра. На его месте отец

Доменико, пожалуй, поступил бы именно так.

Но даже здесь, вдали от места действия, воспользовавшись всеми известными ему способами защиты, отец Доменико ощущал гнетущее молчание, напоминавшее затишье перед бурей. Такое чувство всегда предшествовало общению с одной из Небесных Сил, но никогда оно не казалось столь зловещим и не сопровождалось предчувствием беды. Только достаточно ли заметной была разница — ощутил бы он ее, если бы не знал о готовящемся злодеянии? Нет, такие проблемы лучше оставить епископу Беркли и логикам-позитивистам. Отец Доменико знал, что готовится страшное сверхъестественное убийство, и не мог ничего поделать, только дрожал в своей постели.

Где-то в другом конце палаццо послышался тихий серебряный звон часов. Десять часов вечера. Четвертый час Сатурна в день Сатурна, час наиболее благоприятный — как писал даже безобидный, жалкий Петер де Абано — для проявления ненависти, вражды и раздора. А отцу Доменико Соглашение запрещало даже молиться о предотвращении злодеяния.

Часы — старинный прибор с двумя стрелками, стоявший за дверью, — пробили один раз и

умолкли; и Уэр раздвинул парчовые шторы.

До сих пор Бэйнс чувствовал себя глупо в белом льняном одеянии, которое ему пришлось надеть по настоянию Уэра, но он оживился, увидев Джека Гинзберга и доктора Гесса в таких же балахонах. Что касается Уэра, в своей белой одежде Левита с красной шелковой вышивкой на груди, белой обуви и бумажной короне с единственной буквой Е, он казался забавным или ужасным, в зависимости от того, как рассматривать происходящее. Его пояс шириной в три дюйма был сделан из какой-то мохнатой шкуры и окраской напоминал льва. За поясом торчал завернутый в красное предмет, похожий на скипетр — Бейнс предположил, что это жезл силы, о котором он узнал от Гесса.

— А теперь вы должны облачиться, — почти прошептал Уэр. — Доктор Бэйнс, на письменном столе найдете три одеяния. Возьмите сначала одно, потом другое и затем третье. Передайте два доктору Гессу и мистеру Гинзбергу. Оставшееся наденьте сами.

Бэйнс взялся за кучу платья, в его руках оказался стихарь.

— Возьмитесь за полы ваших одежд и поднимите их над головой. При слове «аминь» опустите их.

Итак: Антон, Аматер, Эмитес, Теодониэл, Понкор, Пагор, Анитор, силою этих святых ангелических имен я облачаюсь, о Царь Царей, в Одежду Силы, дабы я мог совершать, вплоть до пределов их власти, все дела, которые я хочу совершить с помощью Тебя, Идеоданиах, Памор, Плайор, Царь Царей, чьи царство и власть пребудут во веки веков. Аминь.

Одежды с шелестом опустились, и Уэр открыл дверь.

Комната едва освещалась желтоватым светом свечей и, на первый взгляд, ничем не напоминала ту, которую Гесс описывал Бэйнсу. Однако, когда глаза привыкли к темноте, Бэйнс постепенно увидел знакомые очертания предметов. Углы комнаты скрывались в темноте, и обстановка незначительно изменилась: только кафедра и подсвечники — теперь их стало четыре вместо двух — были отодвинуты от стен.

Но колеблющиеся тени и слабый тошнотворный запах совсем не соответствовали тому представлению о комнате, которое составил Бэйнс по рассказу Гесса. Центральное место занимал не какой-то предмет обстановки, а рисунок, начерченный на полу чем-то вроде извести для побелки: две большие концентрические окруж-

ности, а между ними бесчисленное множество слов, написанных, насколько Бэйнс мог судить, еврейскими, греческими, этрусскими или даже вовсе не человеческими буквами. Кое-что было написано и по-латыни — очевидно, какие-то имена, незнакомые Бэйнсу; а за пределами внешней черты были выписаны астрологические знаки в зодиакальном порядке, только Сатурн оказался на севере.

В самом центре рисунка находился квадрат со стороной в два фута; у каждого угла располагались стилизованные кресты, мало похожие на христианские; снаружи от крестов — четыре шестиконечные звезды, касающиеся внутреннего круга. В центре каждой из звезд на востоке, западе и юге стояла греческая буква «тау», вероятно, также и на севере, но центр гексаграммы как раз напротив знака Сатурна скрывала некая темная пушистая масса.

Вне кругов в соответствии с основными направлениями компаса располагались четыре пентаграммы с надписями на лучах: TE TRA JRMM MA TON, а в центрах пентаграмм стояли свечи. В трех футах от круга к северу был нарисован другой круг в треугольнике, весь исписанный внутри и снаружи. Бэйнс разглядел лишь буквы

N1 CH EL в углах треугольника.

— Займите места, — прошептал Уэр, указывая на круг.

Он прошел к длинному столу, о котором говорил Гесс, и скрылся во мраке. Как было условлено, Бэйнс вступил в круг и встал в центре западной звезды, затем Гесс занял восточную и, наконец, Гинзберг нехотя побрел к южной. Пушистая масса на северной звезде беспокойно пошевелилась и вздохнула, заставив подскочить Джека Гинзберга. Бэйнс присмотрелся: возможно, это был всего лишь кот, что вполне соответствует традициям, но при такой освещенности он выглядел скорее как барсук. Во всяком случае, какое-то безобразно жирное существо.

Уэр появился снова с мечом в руке. Он вступил в круг, очертил его концом меча и прошел к центральному квадрату, где положил меч у носков своих туфель; затем достал из-за пояса жезл и снял с него красную шелковую ткань, повесив ее себе на плечо.

— С этого момента, — сказал он обычным голосом, — никто не должен двигаться.

Откуда-то из одежд он извлек небольшой тигель и поставил на жаровню возле своих ног перед лежащим мечом. Из тигеля поднялся ма-

ленький огонек голубого пламени. У эр бросил в него благовония и произнес:

— Голокауст, Голокауст, Голокауст[12].

Пламя слегка поднялось.

— Мы вызываем Мархозиаса, великого магистра Нисходящей Иерархии, — продолжал Уэр обычным голосом. — До своего падения он принадлежал к ангельскому чину Властей и через двенадцать столетий собирается возвратиться к Семи Престолам. Его добродетель в том, что он дает истинные ответы. Не двигайтесь!

Резким движением Уэр поднес конец жезла к пламени, и тотчас же послышалось протяжное скорбное завывание. Перекрикивая звериные вопли, Уэр крикнул:

— Я заклинаю тебя, великий Мархозиас, посланец Императора Люцифера и его возлюбленного сына Люцефуге Рофокале властью договора, который я заключил с тобой, и именами Адонай, Элгоим, Тагла, Матон, Альмузин, Ариос, Питона, Маготс, Сильфе, Табонс, Саламандре, Гномус, Терре, Целиус, Годенс, Аква, а также целого сонма высших существ, которые должны побудить

---

[12] Примечания: 12
«Жертва всесожжения».

тебя явиться помимо твоей воли, venite, venite[13] субмиритиллор Мархозиас.

Шум усилился, и из тигля начал выходить зеленый дым. В комнате запахло так, словно кто-то зажег оленьи рога или рыбьи пузыри. Но другого ответа не последовало. Уэр с бледным перекошенным лицом хрипло прокричал сквозь шум:

— Я заклинаю тебя, Мархозиас, силой договора и именами, явись немедленно! — Он снова опустил конец жезла в огонь. Комната огласилась чуткими воплями, но видение все еще не являлось.

— Теперь я заклинаю тебя, Люцифуге Рофокале, и повелеваю тебе как посланцу Царя и Императора Царей: приведи ко мне Мархозиаса, заставь его покинуть свое убежище, где бы оно ни находилось. И предостерегаю тебя…

Жезл снова погрузился в пламя. В тот же миг палаццо покачнулось, словно под ним содрогнулась земля.

— Остановись, — прохрипел Уэр.

Кто-то другой сказал:

— Перестань, я здесь. Чего ты хочешь от меня? Зачем нарушаешь мой покой? Оставь моего Отца

---

[13] Примечания: 13
«Приди» (латин.).

и придержи свой жезл.

Никогда еще Бэйнс не слышал подобного голоса — казалось, слова исходили из тлеющего пепла.

— Если бы ты явился по первому моему зову, я не стал бы терзать тебя и не позвал бы твоего Отца, — сказал Уэр. — Помни: если ты не выполнишь моего приказа, я снова опущу жезл в огонь.

— Думай и смотри!

Палаццо снова содрогнулось. Потом из середины северо-западного треугольника медленно поднялось облако желтого дыма, заставив всех, даже Уэра, закашлять. Когда оно начало рассеиваться, за ним поднялась какая-то фигура. Бэйнс не мог поверить своим глазам, увидев нечто вроде волчицы, огромной и серой, с горящими зеленоватым светом глазами. От нее веяло холодом.

Облако продолжало рассеиваться. Волчица смотрела на Уэра и его гостей, медленно расправляя свои огромные, как у грифа, крылья. Ее змеиный хвост извивался, поблескивая чешуей.

Большой абиссинский кот, занимавший гексаграмму в северном секторе, сел и обернулся к чудовищу. Демоническая волчица оскалилась и изрыгнула пламя. Кот равнодушно смотрел

на нее.

— Остановись во имя Печати, — потребовал Уэр. — Остановись и смени личину, иначе я ввергну тебя обратно туда, откуда ты пришел. Я приказываю тебе.

Волчица исчезла. На ее месте остался лишь скромного вида толстый человечек в весьма приличном галстуке — больше на нем ничего не было.

— Извините, босс, — проговорил он заискивающим голосом. — Я уж стараюсь, как могу, вы же знаете, в чем дело.

— Не пытайся улестить меня, глупое видение, — резко ответил Уэр. — Я требую, чтобы ты сменил личину. Не трать понапрасну время твоего Отца и мое! Смени личину!

Человечек высунул язык, который показался медно-зеленым. И уже в треугольнике стоял мужчина с черной бородой, облаченный в темно-зеленую мантию с горностаевой оторочкой; корона на голове сверкала так, что у Бэйнса заболели глаза. По комнате стал медленно распространяться запах сандала.

— Это лучше, — кивнул Уэр. — Теперь я повелеваю тебе твоими именами, которые я упоминал, и теми муками, которые тебе хорошо известны:

обрати свой взор на смертного, чей образ я держу в своей руке, и когда я отпущу тебя, немедленно отправляйся к нему, так чтобы он не узнал о твоем присутствии, явись, словно из его собственной души, видением и познанием великой запредельной пустоты, скрывающейся за теми знаками, которые он зовет материей и энергией, как ты сам увидишь в его мыслях. И ты должен оставаться с ним и беспрестанно усиливать его отчаяние, покуда он не исполнится презрения к своей душе за ее жалкие стремления — и тогда истреби жизнь в его теле.

— Я не в силах сделать того, что ты требуешь, — ответила коронованная фигура глубоким и неожиданно глухим голосом.

— Отказ не принесет тебе пользы, — предостерег Уэр. — Ибо если ты тотчас же не отправишься и не исполнишь моего приказания, тогда я не отпущу тебя, но буду держать здесь до донца моей жизни и подвергать тебя ежедневным мукам, как позволил мне твой Отец.

— Твоя жизнь, даже если она продлится семьсот лет, для меня всего лишь день, — возразил демон. Когда он говорил, из его ноздрей сыпались искры — И муки, которыми ты грозишь, ничто по сравнению с тем, что я вытерпел с тех пор,

как проклюнулось яйцо мироздания и наступил первый Вечер.

Вместо ответа Уэр вновь опустил жезл силы в пламя, которое, к удивлению Бэйнса, нисколько не опалило жезл. Но коронованная фигура скорчилась и отчаянно завопила. Уэр поднял жезл, правда, лишь на ширину ладони.

— Я пойду, куда ты прикажешь, — угрюмо согласился демон. Ненависть исходила из него подобно лаве.

— Если все не будет исполнено в точности, я снова вызову тебя, — заявил Уэр, — но если ты это исполнишь, то сохранится бессмертная сущность соблазненного тобой человека, который пока безупречен перед лицом Небес и потому представляет большую ценность.

— Но этого недостаточно, — возразил демон. — Ибо, как гласит договор, ты должен дать мне кое-что из твоих запасов.

— Ты поздно вспоминаешь о договоре, — заметил Уэр, — Но знай, маркиз, я поступлю с тобой честно. Вот.

Он достал из-за пазухи какой-то небольшой бесцветный предмет, который засиял от света свечи. Сначала Бэйнс принял его за бриллиант, но потом увидел, что это хрустальная вазочка, самая

маленькая из всех, какие доводилось когда-либо видеть ему, закрытая крышкой и наполненная какой-то жидкостью. Уэр бросил ее кипевшему от злобы существу, которое — опять к удивлению Бэйнса, поскольку он уже успел забыть, что человек в короне сначала явился в виде зверя, — ловко поймало ее ртом и проглотило.

— Ты только дразнишь меня, — проворчало видение. — Когда ты попадешь ко мне в Ад, волшебник, я выпью тебя досуха, хотя ты и скуп на слезы.

— Твои угрозы мне не страшны. Я не предназначен тебе, даже если ты увидишь меня когда-нибудь в Аду, — возразил Уэр. — Довольно, неблагодарное чудовище. Прекрати пустую болтовню и делай свое дело. Я отпускаю тебя.

Коронованная фигура зарычала и внезапно обратилась опять в ту же волчицу, которой явилась сначала. Она изрыгнула пламя, которое, однако, не могло пересечь границу треугольника и вместо этого собралось в виде огромного шара вокруг самого демона. Тем не менее Бэйнс почувствовал жар. Уэр поднял жезл.

Пол внутри вписанного в треугольник круга исчез. Видение сложило свои медные крылья и камнем рухнуло в дыру, которая тут же с оглуши-

тельным грохотом сомкнулась.

Потом наступила тишина. Когда у Бэйнса перестало звенеть в ушах, он уловил отдаленный монотонный звук, как будто кто-то поставил на улице перед палаццо машину с невыключенным мотором. Но Бэйнс тут же понял, что это было: огромный кот мурлыкал; он наблюдал за всем происходившим лишь с серьезным интересом. Так же, как, по-видимому, и Гесса, Гинзберга трясло, и он с трудом остался на своем месте. Хотя Бэйнс никогда прежде не видел испуганного Джека, он едва ли мог упрекнуть своего помощника, потому что сам ощущал тошноту и головокружение, словно одно лишь созерцание Мархозиаса требовало не меньше усилий, чем многодневный подъем на гималайскую вершину.

— Все кончено, — объявил Уэр шепотом. Он выглядел сильно постаревшим. Взяв меч, он перечеркнул им диаграмму. — Теперь мы должны ждать. Я буду две недели жить в уединении. Потом мы побеседуем еще. Круг открыт. Можете выходить.

Отец Доменико услышал грохот, далекий и приглушенный, и понял, что колдовство свершилось — и по-прежнему не мог даже помолиться о душе несчастной жертвы (или «пациента», в

чисто аристотелевой терминологии Уэра). Он сел, свесив ноги с постели и с трудом дыша застоявшимся, пахнувшим мускусом воздухом, потом встал, подошел к сумке и открыл ее.

Почему Бог так связал ему руки, почему он вообще допустил такой компромисс, как Соглашение? Оно предполагало, по крайней мере, ограничение Его власти, не допустимое, согласно догмату о Всемогуществе, которое грешно даже ставить под сомнение, или, еще хуже, некую двусмысленность в Его отношениях с Адом, не совместимую с известным ответом на Проблему Зла.

О последней возможности даже думать было невыносимо. Очевидно, из-за здешней атмосферы отец Доменико чувствовал, что его духовное и эмоциональное состояние не позволяет ему рассуждать на такие темы.

Однако он мог, по крайней мере, обдумать более частный, но весьма важный вопрос: свершилось ли сегодня то злодеяние, за которым его послали наблюдать? Имелись все основания предполагать, что именно оно и свершилось — а если так, то отец Доменико мог вернуться в монастырь и залечить свою душевную рану.

С другой стороны, возможно — и как ни ужасно было это предположение, оно все же оставляло

некоторую надежду, — что отца Доменико направили в логово дьявола, чтобы дождаться чего-то еще худшего. Это объясняло одно странное обстоятельство: последнее злодеяние все же казалось вполне типичным для Уэра. И что еще важнее, таким образом объяснялось, по крайней мере отчасти, само существование Соглашения, как писал Толстой: «Бог правду видит, да не скоро скажет».

Впрочем, последний вопрос отец Доменико мог не только анализировать, но и попытаться решить с помощью Божьего руководства — даже здесь, даже теперь, хотя и не вызывая никакие Сущности. Последнее ограничение монаха не смущало: какой же маг не искусен в своем деле?

Роговая чернильница, гусиное перо, правило, три круга различных размеров, вырезанные из девственного картона — его не так просто получить, — а также завернутый в шелк штихель появились из сумки; отец Доменико разложил их на ночном столике, который вполне мог сойти за аналой. На картонных кругах он аккуратно нанес пастой различные шкалы: камеры А — шестнадцать атрибутов Бога от bonifas[14] до

[14] Примечания: 14
«Доброта» (латин.).

patientia[15]; камеры T — тридцать атрибутов вещей от temporis[16] до negatio[17]; и камеры E — девять вопросов от «есть ли» до «как велико». Он проколол центры всех трех кругов штихелем, скрепил их с помощью запонки и, наконец, окропил собранный инструмент Лулла святой водой из сумки. Затем он произнес:

— Я заклинаю тебя, о форма сего инструмента, властью Всемогущего Бога-Отца, силой Неба и звезд, а также стихий, камней и трав, и кроме того силой снежных бурь, грома и ветра, и, быть может, также силой книги «Ars magna», в которой ты изображен, чтобы ты обрел способность дать совершенный ответ на наш вопрос, без лжи, обмана и неправды, велением Господа, Творца Ангелов и Повелителя Времен. Дамахий, Люмех, Гадал, Панчиа, Велоаз, Меород, Мамидох, Балдах, Аперетон, Митратон; блаженные ангелы, будьте хранителями сего инструмента! Domine, Deus meus, in te sperunt… Conflitebor tibi, Domine, in toto corde meo… Quemadmodum desiderat cervus ad

---

[15] Примечания: 15
«Терпение» (латин.).

[16] Примечания: 16
Здесь: быстротечность (латин.).

[17] Примечания: 17
«Отрицание» (латин.).

fontes aquarum… Amen.[18]

Сказав это, отец Доменико взял инструмент и стал поворачивать круги относительно друг друга. Практиковать великое искусство Лулла было совсем не просто: большинство комбинаций секторов казались тривиальными, и требовалось немало интуиции и опыта, чтобы осознать их значение, а также нужна была вера, чтобы увидеть их чудесное происхождение. Тем не менее, в отличие от других форм гадания, здесь не использовалась настоящая магия.

Отец Доменико вертел их нужное число раз и затем, держа за край самого большого, встряхнул прибор в направлении четырех сторон света.

После этой простой процедуры выпало сочетание:

Терпение / Становление / Реальность.

Именно такого ответа он боялся и одновременно ожидал с надеждой. И сдерживая волнение, отец Доменико понял, что иного ответа не могло быть в канун Рождества.

Он убрал инструмент в сумку и лег обратно

---

[18] Примечания: 18

Господи Боже мой, в Тебя же верую… Предаюсь Тебе, Господи, всем сердцем моим. Подобно тому, как олень стремится к источникам вод… Аминь (латин.).

в постель. В таком изнуренном и тревожном состоянии он не надеялся на сон… Однако едва песочные часы успели дважды перевернуться, как он оставил проявленный мир и в сновидении, подобно Папе-чародею Герберту, покинул Святую Палату[19], мчась по воздуху верхом на демоне.

10

Время, которое потребовалось Уэру для восстановления сил, оказалось не столь долгим, как он предсказывал. К двенадцатой ночи волшебник, по-видимому, чувствовал себя уже вполне сносно. Бэйнса уже начала раздражать бездеятельность, хотя признаки этого мог заметить только Джек Гинзберг.

Он напомнил шефу, что самоубийство доктора Штокхаузена в любом случае не могло произойти раньше, чем через два месяца, и предложил пока съездить в Рим и поработать.

Бэйнс отказался. Что бы ни было у него на уме, похоже, это имело в лучшем случае лишь косвенное отношение к интересам «Консолидейтед Варфэр Сервис»… Во всяком случае, его деловая активность ограничивалась небольшим количе-

---

[19] Примечания: 19
Инквизиция; здесь — ее подобие.

ством телефонных звонков.

И этот не то священник, не то монах, отец Доменико, явно не собирался уезжать. Очевидно, рождественское шоу не обмануло его. Ладно, пусть Уэр сам разбирается с ним. Во всяком случае, Джек старался не показываться на глаза святому отцу: его присутствие казалось Джеку чем-то вроде визита сумасшедшего родственника в решающий момент сватовства.

Впрочем, действительно ли он сумасшедший? Ведь если магия реальна — в чем Джеку пришлось убедиться воочию, — тогда и все мистические материи, в которые верил отец Доменико, от Моисея и каббалы до Нового завета, по логике, также должны быть реальными. После того как это пришло в голову Джеку, он не только содрогался при виде отца Доменико, но и не мог спать без кошмарных снов, в которых монах пристально смотрел на него.

Уэр не появлялся до назначенного им четырнадцатого дня, а затем изъявил желание побеседовать лишь с Джеком Гинзбергом.

Джек не на шутку встревожился. Встреча с Уэром привлекала его не намного больше, чем общение с вежливым и молчаливым босоногим монахом. Кроме того, никто не знал, как мог

отнестись к беседе колдуна с Джеком Бэйнс, который в другое время не придал бы ей особого значения, но теперь пребывал в весьма странном состоянии духа.

После долгих раздумий Джек передал предложение шефу, мало надеясь на свои собственные способности в столь щекотливом деле.

— Иди, — только и ответил Бэйнс. Он продолжал производить на Джека впечатление человека, зацикленного на одной идее. Это также очень тревожило Джека, но, похоже, тут ничего уже нельзя было сделать. Стиснув зубы и одновременно придав лицу выражение учтивого внимания, Джек отправился в кабинет к Уэру.

Комнату заливал яркий, жизнерадостный солнечный свет. Обстановка больше соответствовала тому, что Джек привык считать реальностью. Пытаясь перехватить инициативу у Уэра, он еще не успев сесть, осведомился:

— Есть какие-нибудь новости?

— Нет, никаких, — ответил Уэр. — Садитесь, пожалуйста. Как я предупреждал в самом начале, доктор Штокхаузен — трудный пациент. Возможно, он вообще не поддастся искушению, и тогда потребуются более серьезные усилия. Но пока я полагаю, что он поддастся, и, следовательно, мне

нужно будет подготовиться к следующему заказу доктора Бэйнса. Вот почему я хотел увидеть вас первым.

— Я не знаю, каким будет следующий заказ доктора Бэйнса, — возразил Джек. — И даже если бы знал, не стал бы сообщать вам.

— У вас, к сожалению, слишком прямолинейный ум, мистер Гинзберг. Я не собираюсь выуживать из вас какие-либо сведения. Мне уже известно, и этого на данный момент достаточно, что следующий заказ доктора Бэйнса будет неким грандиозным — быть может, даже уникальным — экспериментом в истории Искусства. О том же говорит и продолжающееся пребывание здесь отца Доменико. Но поскольку я берусь за такой проект, мне понадобятся ассистенты — а у меня не осталось учеников. Они все очень рано становятся честолюбивыми и либо совершают глупые технические ошибки, либо выходят из повиновения, и их приходится прогонять. Светские люди, даже весьма сочувствующие, также не подходят из-за своего рвения и невежества, но, если они достаточно умны, иногда бывает безопаснее воспользоваться их помощью. Иногда. Вот поэтому я позволил наблюдать за тем, что происходило в сочельник с вами и доктором Гессом (а не только

за доктором Гессом, как просил доктор Бэйнс), и по той же причине уже теперь разговариваю с вами.

— Понятно, — кивнул Джек. — Значит, я должен чувствовать себя польщенным.

Уэр откинулся на спинку кресла и развел руками:

— Ничего подобного. Я вижу, что придется говорить напрямик. Меня вполне удовлетворили способности доктора Гесса, и я могу не беседовать с ним специально, достаточно будет дать ему инструкции. Но с вами мне повезло меньше. Меня удивляет ваша слабость.

— Я не маг, — сказал Джек, сохраняя выдержку. — И если между нами существует какая-то враждебность, следовало бы признать, что не я один тому причиной. Вы позволили себе оскорбления в мой адрес при первой же встрече только потому, что я подверг сомнению оправданность ваших претензий — как того требовала моя работа. Меня не так просто оскорбить, доктор Уэр, но мне легче общаться с теми людьми, которые соблюдают некоторую вежливость.

— Stercor[20], — произнес Уэр. Это ничего не

---

[20] Примечания: 20
Латинское ругательство (от stereus — кал).

говорило Джеку. — Вы думаете, что я говорю о способности к общению и прочей ерунде. Ничего подобного. Немного ненависти никогда не повредит Искусству, и преднамеренные оскорбления полезны в общении с демонами — лишь немногих бывает полезно улещать; и если человека можно взять лестью, он скорее собака, чем человек. Постарайтесь понять меня, мистер Гинзберг, я не говорю ни о вашей пустяковой враждебности, ни о вашем досадно нерасторопном уме; меня беспокоит ваша заячья храбрость. Во время последнего обряда был момент, когда я видел, что вы готовы покинуть свое место. Вы не почувствовали этого, но мне пришлось вас парализовать, чем я спас вам жизнь. Если бы вы сделали один шаг, то поставили бы под угрозу всех нас, и в таком случае мне пришлось бы бросить вас Мархозиасу, как старую кость. Это не спасло бы обряд, но помешало бы демону сожрать остальных, кроме Ахтоя.

— Кого!?

— Моего питомца Кота.

— О, почему же и не кота?

— Ахтой взят на время. Он принадлежит одному демону, моему покровителю. Не пытайтесь сменить тему, мистер Гинзберг. Если я собираюсь

доверить вам важное дело, мне необходимо убедиться, что, когда надо будет стоять на месте, вы будете стоять на месте, независимо от каких-либо зрелищ или звуков, и когда я попрошу вас принять некоторое участие в ритуале, вы исполните все точно и аккуратно. Можете ли вы убедить меня в этом?

— Хорошо, — ответил Джек серьезно. — Я сделаю все, что смогу.

— Но зачем? Ради чего вы готовы пойти на такую жертву? Я не понимаю, что значит ваше «все», пока мне неясны ваши мотивы, кроме сохранения работы — или желания произвести на меня хорошее впечатление. Объясните мне, пожалуйста! Что-то здесь все-таки привлекает вас. Я заметил это с самого начала, но моя догадка оказалась ложной или, по крайней мере, не затрагивала главного. Итак, что же для вас главное? Сейчас настало время, когда вы должны признаться. Иначе я отстраню вас.

Колеблясь между привычной осторожностью и непривычной надеждой, Джек оставил флорентийское кресло и медленно подошел к окну, машинально поправляя галстук. С этой высоты виднелись расположенные у подножия скалы дома Позитано, сдаваемые в аренду, которые

примыкали к узкой полосе пляжа, как во многих итальянских пригородах, кишевших свергнутыми королями и «пляжными мальчиками», надеявшимися подцепить какую-нибудь богатую американскую наследницу. Не считая мелких волн и немногих птиц вдалеке, картина оставалась неподвижной, но Джеку почему-то казалось, будто весь берег медленно и неумолимо сползает в море.

— Да, я люблю женщин, — проговорил он тихо. — И у меня есть определенный вкус, который очень непросто удовлетворить, даже за все деньги, которые я зарабатываю. Между прочим, мне постоянно приходится работать с засекреченными материалами — секреты государств и фирм. Это означает, что я не должен давать повод шантажировать меня.

— Поэтому вы отклонили мое предложение во время нашей первой беседы, — заметил Уэр. — Разумно, но в данном случае напрасно. Как вы уже поняли, меня не привлекают ни шпионаж, ни вымогательство — за них я получал бы лишь жалкие гроши.

— Да, но я не хочу всегда быть рядом с вами, — сказал Джек, повернувшись к столу. — И с моей стороны было бы глупостью приобрести новые

вкусы, удовлетворение которых зависело бы только от вас.

— Сводничество — так это называется. Будем называть вещи своими именами. Тем не менее у вас есть еще что-то на уме. Иначе вы бы не стали так откровенничать.

— Да… есть. Я подумал об этом, когда вы согласились показать Гессу вашу лабораторию. — Приступ зависти, не менее острой оттого, что все уже прошло, заставил его умолкнуть. Сделав глубокий вдох, Джек проговорил: — Я хочу научиться Искусству.

— Ого. Это уже нечто противоположное.

— Вы сами сказали, что это возможно, — отчаянно заторопился Джек, сознавая, что терять уже нечего. — Я знаю, вы не хотите брать учеников, но я не собираюсь наносить вам удар в спину или отбивать клиентов. Искусство мне нужно только для моих особых целей. Я не могу заплатить вам целое состояние, но у меня есть деньги. Я мог бы читать в свободное время и примерно через год приехать за практическими инструкциями. Бэйнс дает мне годичный отпуск: он хочет, чтобы кто-нибудь из его людей знал Искусство, по крайней мере теорию, только он пока выбрал Гесса. Но Гесс слишком занят своей наукой, чтобы всерьез

интересоваться магией.

— Вы терпеть не можете доктора Гесса, не так ли?

— У нас не было открытых столкновений. Во всяком случае, то, что я говорю, правда. Я мог бы быть гораздо лучшим экспертом для Бэйнса, чем Гесс.

— У вас есть чувство юмора, мистер Гинзберг?

— Конечно. Оно у всех есть.

— Ошибаетесь, — возразил Уэр. — Все только утверждают, будто оно у них есть. Я задал вам этот вопрос только потому, что первая вещь, которую нужно принести в дар Искусству, — это дар смеха, и некоторые люди более тяжело переживают его утрату, чем все остальные. У вас оно, похоже, незначительно, и вам придется перенести лишь легкую операцию, вроде удаления аппендикса.

— Непохоже, чтобы вы потеряли свое чувство юмора.

— Вы, как большинство людей, путаете юмор с остроумием. Эти две вещи различаются, как способность к творчеству и ученость. Но как я уже сказал, в вашем случае тут, очевидно, не будет большого затруднения. Однако могут возникнуть другие проблемы. Например, какой традиции вас обучать? Допустим, я мог бы сделать вас каббали-

стическим магом, что дало бы вам значительные знания белой магии. Что же касается черной, то я могу передать вам большую часть знаний, содержащихся в «Clanteula» и «Lemegefon», исключая весь христианский нарост. Как вы думаете, удовлетворит ли вас это?

— Возможно, если будет отвечать моим основным потребностям, — ответил Джек. — Мне неважно, с чего начинать. Сейчас я еврей только по крови, но не по культуре — и до Сочельника я был атеистом. Теперь я не знаю, кто я. Знаю только, что надо верить тому, что видишь.

— Только не в Искусстве, — возразил Уэр. — Будем пока считать, что вы tabula rasa[21]. Хорошо, мистер Гинзберг, я понял вас. Но прежде чем я приму решение, думаю, вам нужно еще раз пересмотреть ваши новые желания, которые можно удовлетворить лишь с помощью магии, моей или вашей. Вы, очевидно, думаете, как приятно было бы получать эти удовольствия свободно и не опасаясь последствий, но часто бывает — вспомните эпиграмму Оскара Уайльда, — что исполнившееся желание оказывается не наслаждением, а тяжким крестом.

---

[21] Примечания: 21
«Чистая доска» (латин.).

— Я воспользуюсь возможностью.

— Не торопитесь. Вы еще не представляете себе риска. Например, может случиться так, что вас перестанут удовлетворять обычные женщины и вы станете зависеть от суккубов. Не знаю, насколько вам известна суть таких отношений. Вообще в Небесном Мятеже участвовали ангелы всех уровней Иерархии. И среди павших лишь те, кто принадлежал к низшим чинам, занимаются подобной деятельностью. В сравнении с ними Мархозиас — образец благородства. А те твари даже утратили свои имена, и в их злобе нет ничего великого, они — просто средоточие мелкой подлости и зловредности; таких духов призывают сиулманские коровницы, чтобы у соперниц раскололся ноготь на пальце или у неверного возлюбленного вскочил прыщ на носу.

— Этим они мало отличаются от обычных женщин, — заметил Джек, пожимая плечами. — Пока они слушаются, какое это имеет значение? Став магом, я, очевидно, мог бы контролировать их поведение.

— Да. И все же, стоит ли доверяться слепому желанию, когда вам доступен эксперимент? Во всяком случае, мистер Гинзберг, я не могу доверять вашему решению, пока оно основано

на чистой фантазии. Если вы не подвергнете ее экспериментальной проверке, я буду вынужден отказать вам.

— Подождите минутку. А почему вы на этом так настаиваете? Какую цель вы преследуете?

— Как я уже говорил, возможно, вы понадобитесь мне в качестве ассистента при выполнении основного заказа мистера Бэйнса. Я хочу убедиться в вашей надежности, а для этого мне нужны гарантии.

Все, что говорил Уэр, как будто медленно закрывало перед Джеком какие-то двери. Но с другой стороны — открывало возможности…

— Что я должен делать? — спросил он.

11

Палаццо погрузилось в сон. Вдалеке те же мелодичные и равнодушные часы пробили одиннадцать, как сказал Уэр, самый благоприятный час для сладостных экспериментов. Джек нервозно ждал, когда бой часов прекратится или начнется что-то другое.

Он закончил все приготовления, хотя и сомневался в необходимости некоторых из них. Ведь если эта… женщина, которая придет к нему, должна полностью подчиняться его желаниям,

зачем ему производить на нее впечатление?

Тем не менее он совершил особый ритуал: принял ванну (в течение часа), дважды побрился, подстриг ногти на руках и ногах, зачесал волосы назад тридцатью движениями расчески и умастил их западногерманским тоником, который, как указывалось на этикетке, содержал аллантоин, надел свою лучшую шелковую пижаму, смокинг (хотя не курил и не пил), широкий галстук и туфли из венецианской кожи, побрызгался одеколоном и посыпал постель тонким слоем талька. «Может быть, — подумал он, — все эти старания составляют часть удовольствия».

Бой часов прекратился. Почти тут же послышался тихий стук в дверь, потом второй и третий; промежутки были в несколько секунд. Сердце Джека запрыгало, как у мальчишки. Подтянув кушак куртки, он произнес, как его научили:

— Входи… входи… входи.

Затем он открыл дверь. Как и предупреждал Уэр, в темном коридоре никого не оказалось, но когда Джек закрыл дверь и обернулся, то обнаружил, что находится в комнате уже не один.

— Добрый вечер, — сказала она нежным голосом с легким акцентом, или просто чуть-чуть картавя. — Ты пригласил меня, и я пришла. Я

тебе нравлюсь?

Это была не та девушка, которая принесла письмо Уэру много недель назад, хотя она напоминала Джеку о ком-то, кого он некогда знал, но забыл и теперь не мог вспомнить. Во всяком случае, внешность гостьи произвела на него сильное впечатление. Она была невысокого роста, на полголовы ниже Джека, стройная, на вид лет восемнадцати — и очень красивая, с голубыми глазами и невинным выражением лица, которое казалось особенно пикантным благодаря благородным чертам и нежной, подобной тончайшему пергаменту коже.

Она была полностью одета; в туфлях на высоком каблуке, полупрозрачных чулках-паутинках и изящном черном платье с короткими рукавами, сшитом, по-видимому, из искусственного шелка, которое облегало грудь, талию и бедра, словно наэлектролизованное, и затем переходило в юбку, имевшую форму перевернутого тюльпана. Тонкие серебряные браслеты украшали ее левое запястье и едва слышно звякнули, когда она подняла руку, чтобы поправить свою, подобную цветку хризантемы, прическу; в ушах висели маленькие серебряные сережки; на груди лежала крупная брошь из оникса в серебряной оправе,

окруженного мелкими рубинами — единственное цветное украшение костюма; даже косметика в итальянском «белом стиле» настолько преувеличила ее бледность, что выглядела на ней почти театрально — почти, но не совсем.

— Да, — сказал Джек, наконец вспомнив о дыхании.

— О, ты очень быстро решаешь. Может, ты ошибаешься. — Внезапно она совершила пируэт, прошелестев раскрывшимся черным тюльпаном и кружевной пеной под его венчиком, и резко остановилась возле кровати.

— Невероятно, — пробормотал Джек, стараясь быть галантным. В девушке на вид не было ничего сверхъестественного. — Я думаю, ты просто превосходна. Кстати, как мне тебя звать?

— О, я не являюсь, когда меня зовут. Тебе придется приложить некоторые усилия. А если тебе надо какое-то имя, пусть будет Рита.

Она подняла свои юбки, показав белые бедра над чулками, и села на край кровати.

— Ты очень далеко, — сказала она, надув губы. — Может, ты думаешь, что я хороша только издали? Это было бы нечестно.

— О, нет, конечно.

— А откуда тебе знать? — Она положила ногу

на ногу. — Ты должен подойти и посмотреть.

Часы пробили четыре, когда она поднялась, обнаженная и влажная, но как будто еще на высоких каблуках, и принялась собирать свою разбросанную на полу одежду. Джек наблюдал за этой небольшой пантомимой с легким головокружением, отчасти от изнеможения, отчасти от сознания триумфа. У него не оставалось сил даже на то, чтобы пошевелить пальцем ноги, но он уже столько раз удивлял самого себя, что еще не утратил надежды: ведь ничего подобного прежде не случалось, ничего!

— Тебе надо уходить? — лениво спросил он.

— Да, у меня есть еще другие дела.

— Другие дела? Но ты приятно провела время?

— Приятно? — Девушка повернулась к нему, пристегивая чулок к поясу. — Я твоя служанка и твоя ламия, но ты не должен дразнить меня.

— Не понимаю, — удивился Джек, пытаясь поднять голову от измятой влажной подушки.

— Тогда молчи. — Она продолжала одеваться.

— Но… Ты, кажется…

Она снова повернулась к нему:

— Я доставила тебе удовольствие. Можешь себя поздравить. И довольно. Тебе известно, кто я. Я не могу получать удовольствие. Это запрещено.

Будь благодарен, и я приду к тебе еще. Но если ты будешь дразнить меня, я пришлю тебе старую каргу с ослиным хвостом.

— Я не хотел тебя обидеть.

— Ты не обидел меня. Ты получил удовольствие со мной, и этого достаточно. Теперь нужно испытать твою мужскую силу на смертной плоти. И я сделаю это сегодня на другом конце земли. Я покажу твое семя, прежде чем оно умрет в моей огненной утробе, — если оно вообще было живо.

— Что ты имеешь в виду? — почти прошептал он.

— Не бойся, я вернусь завтра. Но в следующую ночь я должна сменить обличье. — Платье облекло невероятно гибкое тело. — Теперь я становлюсь инкубом, и меня ждет женщина, похищенная у мужа. Если я успею прибыть к ней вовремя, ты станешь отцом ребенка, рожденного женщиной, которую ты даже никогда не видел. Не удивительно ли это? И ребенок будет страшен, обещаю тебе!

Она улыбнулась Джеку. С ужасом и отвращением он увидел, что у нее под веками больше нет глаз - лишь холодное мерцание тени. Теперь она была полностью одета, как в самом начале, и с серьезным видом сделала реверанс.

— Жди меня… если, конечно, ты желаешь, чтобы я завтра пришла…

Он не хотел отвечать, но слова сами вышли из его уст:

— Да, хочу… о Боже…

Положив руки на свое зарытое одеждой лоно, она усмехнулась и внезапно обратилась в ничто, подобно лопнувшему мыльному пузырю; и рассвет нового дня всей тяжестью обрушился на Джека, словно целая гряда гор Святого Иоанна Богослова.

12

Доктор Штокхаузен скончался в день Святого Валентина. В течение трех суток хирурги со всего мира пытались спасти его после того, как он отравился йодной настойкой, но они не смогли ничего сделать. Операция и содержание в больнице были бесплатными; однако он умер, не сделав завещания, и его небольшое состояние — гонорары за книги и остатки полученной десять лет назад Нобелевской премии — оказалось замороженным на неопределенный срок. В оставленных им записках никакая комиссия, ни научная, ни юридическая, не могла отделить математику от немыслимого бреда. Были собраны

средства для оказания помощи его внукам и разведенной дочери, но последняя книга, которую он не успел закончить, оказалась в духе его записок, и издатели не смогли найти коллегу, способного завершить этот труд. Сообщалось также, что мозг Штокхаузена собирались передать музею Немецкой Академии в Мюнхене, но также лишь после решения вопроса о завещании, однако через три дня после похорон Уэр узнал, что мозг и рукопись исчезли.

— Мархозиас мог взять их, — предположил Уэр. — Я не приказывал ему это, потому что не хотел причинять родственникам Альберта дополнительные страдания, помимо тех, которые неизбежно связаны с выполнением заказа. С другой стороны, я и не запрещал ему делать подобные вещи. Во всяком случае, заказ выполнен.

— Очень хорошо, — улыбнулся Бэйнс. Он был в приподнятом настроении. Из трех других человек, находившихся в кабинете Уэра, поскольку волшебник сказал, что нет возможности помешать присутствию отца Доменико, ни один не высказывал особой радости, но, в конце концов, лишь реакция Бэйнса имела значение, лишь его эмоциям Уэр уделял серьезное внимание.

— И гораздо быстрее, чем вы предполагали.

Я вполне удовлетворен, — продолжал доктор Бэйнс, — и теперь готов обсудить с вами мой главный заказ, если, конечно, расположение планет и тому подобное не препятствует такому разговору.

— Планеты не оказывают особого действия на простое обсуждение, — сказал Уэр. — Они влияют лишь на специальные приготовления и, конечно, на сам эксперимент. А я достаточно отдохнул и готов слушать. По правде говоря, меня уже мучает любопытство. Пожалуйста, говорите.

— Я хотел бы выпустить из Ада всех основных демонов, чтобы они находились в Мире в течение одной ночи, а на рассвете или в другое приемлемое время, вернулись бы обратно. Не нужно давать им специальных поручений. Я хочу посмотреть, что они сделают, если им предоставить полную свободу действий.

— Безумие! — воскликнул отец Доменико, крестясь. — Этот человек явно одержимый!

— На сей раз я готов согласиться с вами, отче, — признался Уэр. — Но с одной оговоркой по поводу одержимости. Насколько мы теперь знаем, она заложена в самом характере. Скажите, доктор Бэйнс, чего вы ожидаете достичь столь грандиозным экспериментом?

— Экспериментом! — воскликнул отец Доменико, его лицо стало белым, как у покойника.

— Если вы способны лишь исполнять роль эха, отче, мы бы предпочли, чтобы вы сохраняли молчание, по крайней мере, до тех пор, пока не выяснится, о чем мы говорим.

— Я буду говорить все, что считаю необходимым, — сердито ответил отец Доменико. — То, что вы называете экспериментом, может оказаться началом Армагеддона!

— В таком случае вам надо радоваться, а не бояться, поскольку вы убеждены в победе вашей стороны, — заметил Уэр. — Но на самом деле такого риска нет. Конечно, результаты могут быть вполне апокалиптическими, но для Армагеддона требуется предварительное пришествие Антихриста, а я уверяю вас, что не являюсь им… и не вижу, кто бы еще в мире мог претендовать на такую роль. Итак, доктор Бэйнс, какой же цели вы желаете достичь благодаря этому?

— Благодаря этому — никакой, — мечтательно проговорил Бэйнс, словно захваченный дивным видением. — Только само это — ради одного эстетического интереса. Произведение искусства, если хотите. Гигантская картина, для которой мир служит холстом…

— А людская кровь красками, — добавил отец Доменико.

Уэр поднял руку ладонью к монаху.

— Я считал, — сказал он Бэйнсу, — что вы уже занимались подобным искусством и фактически продавали свои полотна.

— Продажа позволяла мне продолжать мои занятия, — ответил Бэйнс, но ему уже перестала нравиться такая метафора, хотя он сам ее предложил. — Взгляните на это с другой точки зрения, доктор Уэр. Грубо говоря, есть только два основных типа людей, которые занимаются продажей оружия: к первому относятся те, кто не имеет совести и рассматривает бизнес как средство получения большой прибыли, чтобы использовать ее для чего-то другого, подобно Джеку, а также те, которые имеют совесть, но не могут устоять перед деньгами или знанием, подобно доктору Гессу.

Оба сотрудника Бэйнса беспокойно пошевелились, но решили не оспаривать свои портреты.

— Второй тип составляют люди вроде меня — те, кто действительно получает удовольствие от управляемого разрушения и хаоса. Нас едва ли можно назвать садистами — разве только в том смысле, что каждый настоящий художник садист, поскольку проявляет большой интерес к

страданиям — не только к своим собственным, но и к чужим, — ради конечного результата.

— Да, знакомый тип, — криво усмехнулся Уэр. — Кажется, праведный Роберт Фрост сказал, что картина Уистиера стоит большого количества пожилых дам.

— И инженеры бывают такие же, — продолжал Бэйнс с воодушевлением; он не думал почти ни о чем другом с тех пор, как принял участие в колдовстве. — Эту категорию я знаю гораздо лучше, чем художников, и, уверяю вас, большинство из них не сделают ничего нового, пока не получат некий толчок от разрушения старого. Обычный грабитель с пистолетом гораздо менее опасен, чем инженер с куском динамита. Однако в моем случае, как и в случае с инженером, ключевым словом является «контроль» — ив оружейном бизнесе оно выходит из употребления благодаря ядерному оружию.

Он продолжал, вкратце передав те мысли, которые пришли к нему, когда он ожидал смерти губернатора Рогана:

— Теперь вы можете видеть, что меня тут интересует. Предлагаемая акция является не бесконтрольным массовым уничтожением, а серией отдельных мелких по своим последствиям

действий, каждое из которых будет интересно само по себе своей оригинальностью и неожиданностью. И они не примут тотальный характер благодаря ограниченности времени — всего двенадцать часов или даже меньше.

Отец Доменико наклонился вперед, обращаясь к Уэру:

— Теперь даже вам должно быть понятно, что ни одно человеческое существо, сколь бы грешным и самоуверенным оно ни было, не способно породить столь чудовищный замысел без прямого вмешательства Преисподней!

— Напротив, — возразил Уэр. — Доктор Бэйнс совершенно прав, большинство увлеченных своим делом светских людей помышляют о том же, только в несколько меньших масштабах. Для вашего успокоения, отче, поскольку я некоторым образом причастен к делам Преисподней, я проведу тщательную проверку. Но уверяю вас, что доктор Бэйнс отнюдь не одержим. Тем не менее здесь еще остаются кое-какие загадки. Доктор Бэйнс, мне кажется, вы выбрали для своего холста слишком большую кисть и могли бы получить желаемый эффект даже без моей помощи. Почему бы вам, к примеру, не удовлетвориться предстоящей русско-китайской войной?

Бэйнс с трудом сглотнул:

— Значит, она действительно произойдет?

— Весьма вероятно. Может быть, она, конечно, и не произойдет, но я бы не стал ставить на это. Скорее всего, большой ядерной войны не будет — три водородных бомбы, одна китайская, две советских плюс около двадцати плутониевых, а потом примерно год обычных боевых действий. Очевидно, ни одна из других стран не станет вмешиваться. Вам это известно, доктор Бэйнс, и, я думаю, вы останетесь довольны. В конце концов, к чему-то подобному и направлены усилия вашей фирмы.

— Вы сегодня играете роль утешителя, — пробормотал отец Доменико.

— Честно говоря, мне это чертовски приятно слышать, — признался Бэйнс. — Не часто бывает, чтобы большие планы осуществлялись сами собой почти так, как предполагаешь. Но этого недостаточно для меня, доктор Уэр. Прежде всего, такая война начнется не только благодаря мне: многие люди прилагают усилия к ее осуществлению. Но то, что хочу я, произойдет лишь по моей инициативе.

— Не очень сильное возражение, — заметил Уэр. — Многие художники Возрождения не отка-

зывались от помощников, даже подмастерьев.

— Дух времени изменился, если угодно абстрактный ответ. Настоящий же ответ состоит в том, что я отказываюсь от помощников. Более того, доктор Уэр, я хочу сам выбрать средство. Война больше не удовлетворяет меня. Она слишком грязна и слишком подвержена случайностям. И оправдывает слишком многое.

Уэр поднял вопросительно брови.

— Я имею в виду, что во время войны, особенно в Азии, люди ожидают худшего и дерутся с отчаянным безрассудством, привыкая к самым ужасным вещам. В мирное время, напротив, даже незначительное несчастье оказывается полной неожиданностью. Люди жалуются: «Почему такое случилось со мной?» — как будто никогда не слышали об Иове.

— Переписывание истории Иова — любимое занятие гуманистов, — согласился Уэр. — И к тому же сводится их излюбленная политическая платформа. Таким образом, доктор Бэйнс, вы хотите поразить людей самым чувствительным образом и в такой момент, когда они меньше всего этого ожидают, и правые, и виноватые. Правильно ли я вас понял?

Бэйнс с некоторой досадой почувствовал, что

сказал слишком много, но уже ничего не мог поделать; во всяком случае, Уэр и сам был не святой.

— Да, правильно, — коротко ответил он.

— Благодарю вас. Теперь дело прояснилось. Еще один вопрос. Как вы предполагаете платить за все это?

Отец Доменико вскочил, задыхаясь от ужаса, словно астматик в предсмертной агонии:

— Вы — вы хотите сделать это?!

— Успокойтесь. Я так не говорил. Доктор Бэйнс, прошу вас.

— Я знаю, что за это нельзя заплатить деньгами, — ответил Бэйнс. — Но у меня есть и другие средства. Данный эксперимент — если он удастся, — принесет мне такое удовлетворение, какого я не получал за все годы от «Консолидейтед Варфэр Сервис» и не ожидал получить в будущем. Я могу передать вам большую часть моих акций КВС. Не все, но… э-э… почти контрольный пакет. С таким капиталом вы сможете сделать многое.

— Этого едва ли достаточно, учитывая большой риск, — медленно проговорил Уэр. — С другой стороны, у меня нет особого желания разорять вас…

— Доктор Уэр, — металлическим тоном произ-

нес отец Доменико. — Должен ли я заметить, что вы все же решились осуществить этот безумный замысел?

— Я так не говорил, — мягко заметил Уэр. — Если я решусь, мне, несомненно, понадобится ваша помощь…

— Никогда. Никогда!

— И всех остальных. Не деньги привлекает меня больше всего. Но без денег я никогда не смогу осуществить подобный эксперимент, и я уверен, что такой возможности больше не представится. Если мне удастся избежать неприятных последствий, я узнаю очень многое.

— Мне кажется, это будет хороший эксперимент, — сказал Гесс. Бэйнс с удивлением взглянул на него, но Гесс, казалось, говорил совершенно серьезно. — Мне он также очень интересен.

— Вы не узнаете ничего, — заявил отец Доменико, — кроме кратчайшего пути в Ад, и, может быть, даже попадете туда во плоти!

— Отрицательное Успение? — ухмыльнулся Уэр. — Однако тут вы искушаете мою гордость, отче. В Западной истории есть только два прецедента: Иоган Фауст и Дон Хуан Тенбрио. И ни один из них не был должным образом подготовлен и защищен. Теперь я непременно возьмусь

за столь великий труд, если доктор Бэйнс будет удовлетворен тем, что получит.

— Разумеется, я буду удовлетворен, — голос Бэйнса дрожал от радости.

— Не торопитесь. Вы просили меня выпустить всех главных демонов из Ада. Но я даже не стану пытаться сделать это. Я могу вызвать лишь тех, с которыми у меня заключен договор, а также их подчиненных. Вопреки тому, что вы могли знать из романтических романов и пьес, трех высших духов вообще нельзя вызвать и с ними невозможно заключить договор; это Сатана, Вельзевул и Сатанаха. У каждого из них есть по два министра, и маг может заключить договор с одним из шести. Я управляю Люцифуге Рафокале, а он мной. Благодаря ему, я заключил договоры с восьмьюдесятью девятью другими духами, и не все они могут быть нам полезны в данном случае. Например, Вас-Саго, который мягок по натуре и силен только в кристалломантии, или Феникс, поэт и учитель. Соблюдая все предосторожности, мы могли бы ввести в игру около полусотни остальных, не больше. Честно говоря, я думаю, этого окажется более чем достаточно.

— Я охотно соглашусь с вами, — поспешно сказал Бэйнс. — Вы специалист. Значит, вы бе-

ретесь?

— Да.

Отец Доменико, который все еще продолжал стоять, метнулся к двери, но У эр протянул руку через стол, словно намереваясь схватить монаха за шиворот:

— Стойте! — крикнул волшебник. — Ваша миссия не закончена, отец Доменико, как вы и сами прекрасно знаете. Вам нужно наблюдать за действом. И что еще более важно, как вы сами сказали, его будет очень трудно удержать под контролем. Поэтому я требую, чтобы вы давали ответы, касающиеся приготовлений, присутствовали при колдовстве и в случае необходимости помогли мне и ассистентам прекратить его. Вы не можете отказаться: все это оговорено в условиях вашей миссии и косвенно содержится в Соглашении. Я не принуждаю вас, но хочу напомнить о вашем долге перед вашим Господом.

— Это… все… правда… — прошептал отец Доменико. Его лицо стало серым, как бесцветная промокашка, он схватился за спинку кресла и снова сел.

— Вот и превосходно. Я проинструктирую всех присутствующих, но начну с вас, несмотря на ваше горестное состояние…

— Я хочу спросить, — перебил отец Доменико. — После того как вы проинструктируете нас, примерно в течение месяца вы не будете с нами общаться. Я прошу разрешить мне в это время посетить моих коллег и, возможно, созвать совет всех белых магов.

— Чтобы помешать мне? — процедил сквозь зубы Уэр. — Вы не можете просить ничего подобного. Соглашение запрещает всякое вмешательство.

— Я слишком хорошо знаю это. Нет, не для того чтобы помешать. Но мы должны приготовиться на случай несчастья. Будет слишком поздно созывать их, когда вы поймете, что утратили контроль.

— Гмм… Возможно, это разумная предосторожность, во всяком случае, я не могу препятствовать. Отлично. Только не забудьте вернуться в нужное время. Кстати о времени: какой день вы бы предпочли? Может быть, Сочельник? Вероятно, нам понадобится много времени на приготовления.

— Это слишком хорошее время для любого вида контроля, — мрачно заметил отец Доменико. — Я не советую совмещать реальную Вальпургиеву Ночь с формальной. Разумней выбрать неблагоприятную ночь. Чем менее благоприятную,

тем лучше.

— Отличная мысль, — согласился Уэр. — Хорошо. Тогда сообщайте вашим друзьям. Эксперимент состоится в Пасху.

Застонав, отец Доменико поспешно покинул комнату. Если бы Бэйнса в течение всей жизни не учили, что такое невозможно у служителей Бога, он принял бы стон отца Доменико за выражение ненависти.

13

Терону Уэру снилось, будто он совершает путешествие на Антарктический континент в эпоху его юрского расцвета, пятьдесят миллионов лет назад; но сновидение стало смешиваться с личными фантазиями Уэра — главным образом, связанными с одним его малозначительным врагом, которого он без труда уничтожил лет десять назад, и волшебник не испытал сожаления, когда сон прервался на рассвете.

Он проснулся в поту, хотя сон был не особенно тяжелым. Причину не пришлось искать далеко: Ахтой, куча жира и меха, спал на подушке, почти спихнув с нее голову Уэра. Уэр сел, вытер свою лысую макушку простыней и с досадой посмотрел на кота. Даже для абиссинца самой крупной

породы, его питомец казался слишком грузным. Очевидно, человеческое мясо — не слишком здоровая диета, Уэр не был уверен в ее необходимости: о ней говорилось только у Элифаса Леви, который придавал значение таким деталям. Конечно, Феникс, которому принадлежал Ахтой, не ставил такого условия. С другой стороны, в подобных делах лучше перестраховаться; кроме того, с финансовой точки зрения эта диета не представляла серьезной, основным ее недостатком было то, что она портила фигуру кота.

Уэр встал и, не одеваясь, прошел в другой конец комнаты, к кафедре, на которой лежала его Великая Книга — не книга договоров, которая, конечно, находилась в рабочей комнате, а его книга нового знания. Она была раскрыта на разделе, озаглавленном «Квазары», однако, не считая короткого параграфа, суммирующего достоверную научную информацию о данном предмете, — в самом деле, очень короткого параграфа, — страницы оставались чистыми.

Ладно, это, как и все остальное, может подождать до завершения проекта Бэйнса. Поистине колоссальное количество новых сведений может появиться в Великой Книге, когда все эти деньги КВС будут в банке.

Благодаря уединению Уэра команда Бэйнса снова оказалась не у дел, и, похоже, всех их, не исключая даже самого Бэйнса, в той или иной степени потрясла грандиозность готовившегося действа. У него и доктора Гесса, вероятно, еще сохранились кое-какие сомнения в его возможности; по крайней мере, они были неспособны вообразить, на что это будет похоже, хотя хорошо помнили явление Мархозиаса. Но никакие сомнения не могли защитить Джека Гинзберга — особенно теперь, когда он каждое утро просыпался, ощущая у себя во рту вкус самого Ада. Конечно, Гинзберг сохранял верность идее, но период ожидания оказался для него слишком тяжелым. За Гинзбергом следовало присматривать. Впрочем, Уэр уже знал об этом заранее — ничего уже нельзя предотвратить, ибо так предписано.

Кот зевнул, потянулся, грациозно встал и застыл у края кровати, неподвижно глядя на сервант, словно созерцая склон Фудзиямы.

Наконец он спрыгнул на пол с глухим звуком и тут снова выгнул дугой спину, с явным наслаждением вытянул по очереди задние лапы и медленно пошел к Уэру, раскачивая своим пушистым брюхом из стороны в столону.

— Эйн, — сказал он женским голосом с при-

дыханием.

— Подожди, — пробормотал Уэр, — я покормлю тебя, когда сам буду есть.

Потом он вспомнил, что с этого дня у него начинается девятидневный пост, после которого он заставит поститься Бэйнса и его людей.

— Отче небесный, восседающий над херувимами и серафимами, взирающий на землю и море, к тебе я простираю мои руки и ищу лишь твоей помощи. Того, в ком заключается исполнение всех дел, кто дает трудящимся плоды их трудов, кто возвеличивает гордых, кто истребляет жизнь, кто заключает в себе исполнение всех дел, кто дает плоды молящим, сохрани и защити меня в моем предприятии. Ты, кто живет и царствует во веки веков. Аминь! Перестань, Ахтой.

Уэр с трудом верил в то, что Ахтой действительно голоден. Может быть, коту требовалось постное мясо, вместо этого жирного детского, хотя новорожденных было гораздо проще достать.

Позвонив Гретхен, Уэр прошел в ванную и стал набирать воду. Он добавил в ванну немного святой воды, оставшейся после приготовления пергамента. Ахтой, который, подобно большинству абиссинских котов, любил движущуюся воду, прыгнул на край ванны и принялся ловить

лапой пузырьки. Оттолкнув кота, Уэр погрузился в теплую воду и прочел тринадцатый псалом «Dominus illuminatio mea»[22] о смерти и воскресении. Выложенные кафелем стены усиливали звучание голоса. Закончив псалом, он добавил:

— Господи, который сотворил людей из ничего по своему образу и подобию, в том числе и меня, недостойного грешника, молю тебя, снизойди и благослови и освяти сию воду, дабы все мои заблуждения могли уйти от меня к Тебе, всемогущий и непостижимый, который вывел свой народ из страны Египетской и дал им пройти, не замочив ног, по дну Чермного моря, сотворив помазание мне, Отец всех грехов. Аминь.

Он опустился в воду с головой, но ненадолго, потому что святая вода, которую он вылил в ванну, еще сохранила остатки негашеной извести, использовавшейся для дубления ягнячьей кожи, и у волшебника защипало глаза. Он вынырнул, отдуваясь, как кит, и поспешно повторил: «Dixi insipiem in corde suo[23], — будь добр, не лезь сюда, Ахтой, — Ты, кто создал меня по образу и подобие своему, сотвори благословенье и освящение сей

---

[22] Примечания: 22
«Господь — свет мой» (латин.)

[23] Примечания: 23
«Рече безумец в сердце своем» (латин.) (Пс. 10)

воды, дабы она стала благом для моей души и моего тела и помогла мне осуществить мой замысел. Аминь».

— Эйн?

Кто-то постучал в дверь. Уэр, все еще с зажмуренными глазами, на ощупь нашел ручку. У порога он встретился с Гретхен, которая ритуальными движениями отерла ему руки и лицо окропленной белой тканью и отступила в сторону, давая ему пройти в спальню. Теперь, открыв глаза, Уэр увидел, что на ней нет одежды, но это не произвело на него никакого впечатления: он хорошо знал, что она собой представляет, к тому же соблюдал обет безбрачия с тех пор, как впервые воспылал любовью к магии. Нагота ламии являлась лишь одним из элементов ритуала. Отстранив ее рукой, волшебник сделал три шага к кровати, где уже лежала его одежда, и произнес на все стороны явленного и неявленного мира:

— Астрохио, Асат, Бедримубал, Фелут, Анаботос, Серабилим, Серген, Гемен, Домос, тот, кто восседает над небесами, кто видит глубины, сделай, молю Тебя, так, чтобы задуманное мною могло бы использоваться твоею силой! Аминь.

Гретхен вошла, виляя своим гусиным задом, и Уэр приступил к ритуалу облачения.

— Эйн? — печально сказал Ахтой, но Уэр не слышал его. Triduum[24] благочестиво начался с воды и должен закончиться кровью, для чего требуется убиение агнца, собаки, курицы и кошки.

[24] Примечания: 24
«Трехдневник» (латин.)

Последнее колдовство

По отношению к нечистой силе род человеческий может допускать две противоположные ошибки. В одном случае люди не верят в существование демонов, в другом — верят и питают к ним чрезмерный интерес. Сами демоны одинаково рады обоим заблуждениям и с удовольствием принимают и материалистов, и колдунов...

На самом деле перед нами стоит суровая дилемма. Когда люди не верят в наше существование, мы лишаемся приятных последствий терроризма и не создаем чародеев. С другой стороны, когда люди в нас верят, мы не можем делать их материалистами и скептиками. По крайней мере, пока… Если когда-нибудь нам удастся создать совершенный тип — волшебника-материалиста, человека, который не использует, но глубоко почитает то, что он неопределенно называет «Силами», при этом отрицая существование Духов, — тогда конец войны приблизится.

К.С.Льюис «Письма Баламута».

14

Несмотря на снегопад, путешествие на север к Монте Альбано показалось отцу Доменико сравнительно легким; большую часть пути он прошел быстрым шагом. Как ни странно, его беспокоило то, что обилие снега может вызвать весной разрушительные разливы, хотя это было не единственным несчастьем, которое готовила предстоящая весна.

После путешествия все остальное складывалось не столь удачно. Лишь около половины белых магов мира, которых пригласили на совет, смогли или пожелали явиться. Один из величайших, престарелый архивариус отец Бонфильоли, проделав путь от Кембриджа до Монте Альбано, просто не смог совершить восхождение на Гору. Теперь он находился в больнице у подножия Горы с инфарктом, и состояние его ухудшалось.

К счастью, отец Учелло смог прийти. Кроме него: отец Монтейт, почтенный повелитель большого сонма способных к созиданию (хотя и часто бесплодному) духов подлунной сферы; отец Бушер, общавшийся с неким разумом, жившим в недавнем прошлом, который не был ни смертным, ни Силой (их общение имело все признаки черной магии, и все же не являлось ею); отец Ванче, чье сознание населяли видения магии, которая не могла быть постигнута — и тем более не могла практиковаться, — по крайней мере, в течение ближайшего миллиона лет; отец Ансон, обладавший техническим складом ума и специализировавшийся на развенчании мрачных мыслей политиков; отец Сечани, устрашающий каббалист, который изъяснялся притчами и о котором говорили, что со времен Левиафана

никто ни разу не понял его советов; отец Розенблюм, суровый, похожий на медведя человек, который немногословно предсказывал несчастья и никогда не ошибался; отец Ателинг, знаток колдовских книг с бельмом на глазу, который усматривал знамения в частях речи и читал всем нотации своим гнусавым голосом, пока настоятель не услал его в библиотеку до начала заседания Совета; а также менее значительные персоны и их ученики.

Эти маги и братья Ордена собрались в часовне монастыря, чтобы обсудить возможные действия. Согласие отсутствовало с самого начала. Отец Бушер твердо держался того мнения, что Уэру не будет позволено совершить подобное заклинание в Пасху, и, следовательно, требовались лишь минимальные предосторожности. Отец Доменико заметил, что предыдущее злодеяние Уэра — хотя, разумеется, меньшее по масштабам — произошло в канун Рождества Христова.

Затем возникла проблема, стоит ли пытаться призывать Небесных Князей и их рати. По мнению отца Ателинга, одно только уведомление этих Князей может спровоцировать действия, направленные против Уэра, и поскольку предсказания таких действий не существует, тем самым

будет нарушено Соглашение. В конце концов отцы Ансон и Ванче перебили его, заявив, что Князья и так должны все знать о столь серьезном деле.

Ненадежность их допущения обнаружилась в ту же ночь, когда светлые ангелы были один за другим вызваны на Совет. Светлыми, устрашающими и загадочными они являлись всегда, но на сей раз их состояние духа оказалось совершенно непонятным для всех магов, присутствовавших в часовне. Аратрон, главнейший из ангелов, очевидно, совершенно не ведал о готовившемся высвобождении демонов и удалился с зевком, когда услышал о нем. Фалег, наиболее воинственный из духов, похоже, знал о планах Уэра, но не пожелал дать подробного ответа и также исчез. Офеил, наиболее деятельный и подвижный, казался поглощенным какими-то другими мыслями, как будто замысел Уэра не представлял для него никакого интереса; его ответы становились все более лаконичными, и наконец он начал проявлять признаки того, что отец Доменико, не колеблясь, назвал бы раздражением. И последним (хотя маги собрались переговорить со всеми семью Олимпийцами) вызвали духа воды Фула; он явился без головы, что помешало беседе и

вызвало у присутствующих тревожный ропот.

— Это плохой знак, — сказал отец Ателинг, и впервые в его жизни все с ним согласились. Согласились также и на том, что все кроме отца Доменико должны остаться на Горе до рокового дня, чтобы принять те или иные меры, в зависимости от ситуации, хотя эффективность каких-либо возможных мер вызывала большие сомнения. Что бы ни творилось на Небесах, они, очевидно, уделяли мало внимания обращениям из Монте Альбано.

Отец Доменико отправился в обратный путь гораздо раньше, чем предполагал, и все его мысли были заняты тайной безголового видения. Свинцовые небеса не давали никакого ответа.

15

В предпоследнее утро Терону Уэру предстояло окончательно решить, каких демонов стоит вызывать, и для этого следовало посетить свою лабораторию, где хранилась книга договоров. Все остальные приготовления уже были сделаны. Накануне вечером Уэр совершил кровавое жертвоприношение и произвел существенные перестановки в рабочей комнате, освободив место на полу для Великого Круга, который потре-

бовался Уэру впервые за последние двадцать лет, Малого Круга и Ворот. Кое-какие приготовления касались даже отца Доменико; он вернулся рано и, к удовлетворению Уэра, явно в подавленном состоянии — на случай, если бы требовалось просить Божественного вмешательства, но Уэр считал, что такое едва ли случится. И хотя ему никогда еще не приходилось совершать подобные губительные эксперименты, он ощущал эту работу кончиками пальцев, как музыкант хорошо отрепетированную сонату.

Однако он был очень удивлен и встревожен, обнаружив в своей лаборатории доктора Гесса — не только из-за возможности осквернения, но еще и потому, что Гесс каким-то образом сумел усмирить Хранителя двери. Этот человек оказался более опасным, чем предполагал Уэр.

— Вы хотите нас всех погубить? — предположил маг.

Гесс нехотя отвернулся от Круга, который он рассматривал, и простодушно взглянул на Уэра. В последнее время лицо его стало очень бледным, глаза ввалились; и не только из-за поста, который оказался тяжелым испытанием для его худого тела — подобному испытанию подвергался каждый неофит — но, очевидно, и из-за плохого сна.

— О нет, разумеется, примите мои извинения, доктор Уэр. Я просто не мог совладать со своим чрезмерным любопытством.

— Надеюсь, вы ни к чему не прикасались?

— Конечно, нет. Я очень серьезно отнесся к вашему предостережению, уверяю вас.

— Ну что ж… тогда, пожалуй, ничего страшного не случилось. Я могу понять ваш интерес и отчасти одобряю его. Сегодня днем я дам вам инструкции, и у вас будет вполне достаточно времени для осмотра. Я хочу, чтобы вы ознакомились со всеми деталями. Но сейчас мне необходимо выполнить кое-какую дополнительную работу, так что, если вы не возражаете…

— Конечно, — кивнул Гэсс и направился к двери. Когда он уже хотел взяться за дверную ручку, Уэр спросил:

— Кстати, доктор Гесс, каким образом вы обманули Стража?

Гесс не стал делать вид, будто озадачен вопросом:

— С помощью белого голубя и карманного зеркала, которое я позаимствовал у Джека.

— Гмм. Знаете, мне такое не приходило в голову. Чаще всего использование древних языческих методов оказывается пустой тратой времени.

Давайте поговорим на эту тему позже. Вы могли бы научить меня кое-чему.

Гесс слегка поклонился и вышел. Тотчас же забыв про него, Уэр посмотрел на Большой Круг, затем, обойдя его по часовой стрелке, подошел к кафедре и раскрыл книгу договоров. Прикосновение к жестким пергаментным листам вселяло в него уверенность. На каждом листе был знак определенного демона; ниже шел написанный особыми чернилами, приготовленными из желчи, копры и гуммиарабика, текст соглашения Уэра с данным существом. Внизу стояли подпись Уэра его кровью и знак демона, начертанный его собственной рукой. Самую первую страницу, так же, как и обложку, занимали знаки и печать Люцифуге Рафокале.

Затем следовали еще восемьдесят девять листов. Судя по уверениям демонов, которым Уэр имел основания доверять, никакой другой маг не имел в своем распоряжении такого количества духов. Правда, через сорок лет все имена должны измениться, и Уэру придется возобновить каждый из договоров, и так будет продолжаться все пять столетий его жизни, которые он выторговал у Хагита в свои юные годы, еще будучи белым магом. Обладая такой книгой, Уэр вполне мог

считать себя потенциально самым богатым из когда-либо живших смертных, хотя для любого другого человека она не представляла никакой ценности разве только как курьез. Среди этих духов, не считая Люцифуге Рофокале, было семнадцать адских архангелов и семьдесят два демона нисходящей Иерархии, некогда заключенных в медном сосуде царя Соломона, и каждый из них стоял во главе несметной рати младших духов и проклятых душ, число которых возрастало каждую минуту. (Ибо теперь почти все были прокляты; сделав это открытие, У эр понял, что скоро — вероятно, уже к концу 2000-го года от Рождества Христова — произойдет новый мятеж. Недаром среди мирян распространялись эсхатологические настроения. Все устремлялись в преисподнюю даже без помощи Антихриста. Дело дошло до того, что самому Христу приходилось тайком проникать в храм для совершения мессы, как на картине Иеронима Босха; число людей, которые не могли произнести имя Бога, а то и свои собственные имена, без предательского заклинания, переросло из потока в потоп; и, как ни странно, почти никто из них не рассчитывал на малейшую возможность счастья в этом мире. Они не ведали, что находятся на стороне победи-

телей, или даже не подозревали о существовании двух сторон. Конечно, в такой мутной воде Уэру было очень удобно ловить рыбку).

Но, как он и предупреждал Бэйнса, не все духи, перечисленные в книге, подходили для эксперимента. Некоторые из них, вроде Мархозиаса, надеялись через некоторое время вернуться в Небесные Хоры. Тут они, конечно, заблуждались — Уэр в этом не сомневался. Единственная награда, которая им достанется, будет исходить от Императора Преисподней — награда, которую получают ненадежные друзья. В то же время их можно убедить и заставить совершить незначительное зло; оно едва ли стоило усилий, затрачиваемых на общение с ними. Один из демонов, о котором Уэр тоже напоминал Бэйнсу, Вассаго, даже назывался в «Малом Ключе» и еще где-то «добрым по натуре», — правдоподобным характеристикам не следовало доверять — и, действительно, иногда служил белым магам. Другие члены иерархии, такие, как Феникс, контролировали сферы, не имевшие отношения к заказу Бэйнса.

Уэр взял перо и принялся составлять список. В конце концов, он написал сорок восемь имен. Немного, по сравнению с общим числом падших,

но Уэр решил, что и этого будет вполне достаточно. Он закрыл и застегнул книгу, задержался на некоторое время, чтобы дать нагоняй Хранителю двери, и вышел навстречу пасхальному утру.

Кажется, ни один день в жизни Бэйнса не тянулся так долго, как эта Пасха, несмотря на разнообразие, внесенное инструкциями Уэра; но, наконец, настала ночь, и волшебник объявил, что готов начать.

Великий Круг на паркете в лаборатории Уэра в общих чертах напоминал круг, использовавшийся им в канун Рождества, но отличался значительно большими размерами и множеством отдельных деталей. Линия самого круга состояла из полосок кожи принесенного в жертву козленка, еще сохранивших шерсть и прикрепленных к полу в кардинальных точках четырьмя гвоздями, которые, как пояснил Уэр, были извлечены из гроба младенца. В северо-восточном секторе перед словом «Беркаял» на полосках крови лежал труп летучей мыши, утонувшей в крови; в северо-западном, перед словом Амасарак — череп отцеубийцы; в юго-восточном, перед словом Асародель — козлиные рога; и в юго-западном, перед словом Арибекл, сидел кот Уэра, о рационе которого знали уже все присут-

ствовавшие. (Бэйнс предположил, что главной целью инструкций Уэра было сообщить своим помощникам подобные жуткие подробности.)

Внутри круга куском красного железняка, был нарисован треугольник. Под его основанием располагалась фигура, состоявшая из перекрещивавшихся слогов «chi» и «rho», примыкавшая к линии с двумя крестами на концах. Возле боковых сторон треугольника стояли большие свечи из девственного воска, каждая в центре венка из вербы. Три круга для действующих — Уэра, Бэйнса и Гесса (Джеку Гинзбергу и отцу Доменико следовало стоять снаружи, на отдельных гексаграммах) — находились внутри треугольника и соединялись крестом; к северному кругу были пририсованы рога. Центр круга занимала новая жаровня с недавно освященным каменным углем, слева от рогатого круга, предназначенного, конечно, для Уэра, стояла кафедра с книгой договоров.

В дальнем конце комнаты перед завешенной дверью, ведущей на кухню, находился другой круг, такой же величины, как и первый, с алтарем в центре. Алтарь еще вечером оставался пустым, но теперь на нем лежало обнаженное тело девушки, которую Уэр называл Гретхен. Ее

кожа была белой, как бумага, и Бэйнс решил, что девушка мертва. На пупке у нее лежал не то кусок смятой ткани, не то мацы, завернутый в фиолетовый полупрозрачный шелк. На теле ее были нарисованы красной и желтой, по-видимому, масляной краской различные знаки; некоторые из них могли быть астрологическими, другие больше походили на идеограммы и орнаментальные завитки. Поскольку их значение и даже происхождение оставались неизвестными, они лишь подчеркивали наготу. Дверь в комнату закрылась. Теперь все были на своих местах. Уэр зажег сначала свечи, затем огонь в жаровне. Задачей Бэйнса и Гесса было поддерживать его, время от времени добавляя один бренди, а другой камфору, и при этом не споткнуться о меч и не покинуть своего круга. Как и в прошлый раз, строжайше запрещалось разговаривать, особенно если кто-либо из духов обратится с вопросом или станет угрожать.

Уэр раскрыл книгу. На сей раз не было никаких предварительных жестов и знаков, он просто начал монотонно читать:

— Я заклинаю тебя и повелеваю тебе, Люцифуге Рафокале, всеми именами, которые властвуют над тобой, Сатан, Рантан, Паллантр, Луциас,

Корикакоем, Супрцигреур, per sedem Boldarey et pergnufiam et diligentiam fuam habuisti ab eo hane nakati manamilam[25], так я повелеваю тебе, usor, lipapidatore, tentutore geminatore, soignatore, deveratore, consitore et seductore[26], где ты? Тот, кто внушает ненависть и умножает раздоры, я заклинаю тебя тем, кто создал тебя ради этого, исполнить мое желание! Я призываю тебя, Колризиана, Оффина, Альта, Нестера, Фуард, Менует, Люцифуге Рофокале, восстань, восстань, восстань!

Ничто не нарушило тишину, но внезапно в другом круге появилась смутная дымящаяся фигура восьми-девяти футов ростом. Бэйнс с трудом различал ее очертания — отчасти из-за того, что сквозь нее просвечивал алтарь. Он увидел человекоподобное существо с обритой головой, несущей три длинных загнутых рога, с глазами, как у лемура, разинутой пастью и выступающим подбородком. На нем было нечто вроде кожаной куртки медного цвета с изорванными манже-

[25] Примечания: 25

«Троном Балдарея, вниманиеми усердием твоим, благодаря которым ты овладел палатиманамилой» (латин.).

[26] Примечания: 26

«Захватчик, расточитель, искуситель, сеятель, пожиратель, подстрекатель и умировторитель» (латин.).

тами и бахромчатыми полами. Из-под куртки торчали две кривые ноги с копытами и толстый волосатый хвост, который все время дергался из стороны в сторону.

— Ну что же, — проговорило существо удивительно приятным голосом, однако довольно невнятно, — уже много лун не виделся я со своим сыном. — Неожиданно оно захихикало, словно радуясь остроумной шутке.

— Я заклинаю тебя, говори яснее, — потребовал У эр. — И то, что я хочу, тебе хорошо известно.

— Известно может быть лишь то, что произнесено. — Для Бэйнса голос не стал более внятным, но Уэр удовлетворенно кивнул.

— Тогда я желаю, подобно вавилонянину, высвободившему демонов из-под печати царя Израиля, да пребудет с ним благословение, выпустить из пасти Ада в бренный мир всех тех духов царства Лжи, чьи имена я далее произнесу и чьи знаки укажу в моей книге, с тем условием, что они не причинят зла мне и тем, кто со мной, а также что они вернутся туда, откуда явились, на рассвете, согласно установленному правилу.

— Лишь с таким условием? — спросил демон. — И никаких приказаний? Никаких пожеланий? Не часто ты довольствуешься столь немногим.

— Никаких, — твердо ответил Уэр. — Они могут делать все, что захотят, в течение всей этой ночи и должны лишь не причинять вреда никому из стоящих здесь, в моих кругах, и повиноваться мне, когда я призову их жестом и договором.

Дух оглянулся через свое прозрачное плечо:

— Я вижу, у тебя неплохое кадило, — заметил он. — Ты сможешь окурить им многих великих властителей, и моим слугам и сатрапам вознаграждением послужат их дела. Такое интересное поручение ново для меня. Хорошо. Какой ты даешь залог, чтобы соблюсти форму?

Уэр сунул руку за пазуху. Бэйнс ожидал увидеть еще один сосуд слез, но вместо этого Уэр вытащил за хвост живую мышь и бросил ее перед собой так же, как и сосуд, хотя и немного поближе. Мышь юркнула прямо к демону, трижды обежала его, не пересекая границы круга и, запищав, скрылась в направлении задней двери. Бэйнс взглянул на Ахтоя, но кот даже не облизнулся.

— Ты искусен и предусмотрителен, сын мой. Можешь звать их, когда я удалюсь, и мои министры явятся к тебе. Пусть не останется ничего не совершенного, и многое будет совершено, прежде чем пропоет третий петух.

— Это хорошо. Получив твое обещание, я отпус-

каю тебя, Омгрома, Эпин, Сэйкок, Сатана, Дегони, Эпаригон, Галлиганон, Зогоген, Ферстигон, Люцифуге Рофокале, изыди, изыди!

— Увидимся на рассвете, — первый министр Люцифера затрепетал, словно пламя, и… исчез.

Гесс тут же добавил в жаровню камфоры. Внезапно очнувшись, как от оцепенения, Бэйнс побрызгал на жаровню бренди — над углями взметнулось пламя. Уэр, не оборачиваясь, взял в левую руку кусок красного железняка, а правой положил наконечник жезла на раскаленные угли. Языки голубого пламени почти моментально поднялись чуть не до самой рукоятки жезла, словно он тоже был смочен бренди.

Держа пылающий жезл перед собой, как лозоискатель волшебный прут, Уэр покинул пределы своего круга и торжественно направился к алтарю. Пока он шел, со всех сторон слышался грохот, как будто над лысой макушкой волшебника собиралась буря, но, не обращая на это внимания, Уэр приблизился к locus spiritus[27] и вступил в него.

Воцарилась тишина. Уэр отчетливо произнес:

— Я Терон Уэр, мастер среди мастеров, карцист среди карцистов, ныне осмеливаюсь открыть

---

[27] Примечания: 27
«Место духа» (латин.).

книгу и вскрыть печати, которые воспрещалось вскрывать до того, как будут сломаны Семь Печатей перед Семью Престолами. Я видел Сатану, как молнию, низвергшуюся с Небес. Я попирал своей пятой драконов Преисподней. Я повелевал ангелами и демонами, и осмеливаюсь и приказываю, чтобы все было исполнено, как я хочу, и чтобы от начала до конца, от альфы и до омеги, никто не причинил вреда нам, пребывающим здесь, в этом храме Искусства Искусств. Аглан, Тетраграм, Вайхеон, Стимуламатон, Эзфарес, Ретграграмматон, Олиарм, Ирион, Эситион, эксистион, эриона онера оразим мозм сотер Эмануел Саваогр Адонай, fe adoro, et fe increo[28]. Аминь.

Он сделал еще шаг вперед и коснулся пылающим концом жезла шелкового свертка на животе лежавшей на алтаре девушки. Сразу начала подниматься тонкая струйка серо-голубого дыма, как от благовония.

Уэр отступил к Великому Кругу. Когда он пересек его границу, жезл потух, но тишину нарушило тихое шипение, словно кто-то зажег петарду. И действительно, вскоре начался настоящий фейерверк. Бэйнс завороженно смотрел, как из

---

[28] Примечания: 28
«Молю тебя и взываю к тебе» (латин.).

свертка вырвался целый фонтан разноцветных искр. Дыма стало больше, и в комнате появился туман. Теперь, похоже, горело само тело, кожа слезла подобно кожуре апельсина. Бэйнс услышал, как за его спиной Джек Гинзберг пытался сдержать рвоту, но сам не мог понять почему. Тело — чем бы оно ни было прежде — теперь представляло собой нечто вроде куклы из папье-маше, наполненной чем-то вроде бенгальского огня. В комнате уже стоял довольно сильный запах пороха, вытеснивший аромат сандала и камфоры. Бэйнсу это, пожалуй, нравилось: не из-за того, что он многие годы имел дело с черным порохом и привык к нему, просто обилие менее «деловых» запахов начало немного раздражать торговца оружием.

Постепенно вся комната утонула в клубах дыма. Виднелись лишь несколько неподвижных, как статуи, фигур, каждая из которых освещалась лишь с одной стороны одним из двух источников света. Гесс коротко кашлянул; потом тишину нарушал лишь шум погребального костра. Искры продолжали взлетать кверху, и порой они как будто на миг составляли неведомые письмена.

Наконец, со стороны одной из статуй послышался приглушенный голос Уэра:

— Баал, великий царь и повелитель на Востоке, из чина Ангелов, повинуйся мне!

Некая форма возникла вдалеке. Бэйнс был почти уверен, что она находилась за алтарем, за занавешенными дверями, даже вообще за пределами палаццо, и все-таки он мог ее видеть. Она стала приближаться и расти; наконец, он увидел нечто вроде человека в изящном плаще и белоснежном льняном белье, однако с двумя дополнительными головами — жабьей слева и кошачьей справа. Существо беззвучно росло, пока не оказалось уже явно в комнате, затем столь же молчаливо проплыло мимо людей и удалилось.

— Агарес, принц на Востоке, из чина Сил, повинуйся мне!

Снова далекое прозрачное и бесшумное видение. Оно приближалось очень медленно, принимая вид благопристойного старичка с ястребом на руке. Медлительность духа объяснялась тем, что он ехал верхом на идущем иноходью крокодиле. Глаза демона были закрыты, губы постоянно шевелились. Он также проскакал мимо и удалился.

— Гамигин, маркиз и президент в Картагре, повинуйся мне!

На сей раз появилось нечто вроде небольшой

лошади или осла, скромное, и оно тянуло за собой десять обнаженных людей, закованных в цепи.

— Валефор, могущественный принц, повинуйся мне!

Явился лев с черной гривой и тремя головами. Две дополнительные — человеческие: одна в охотничьей шапке, другая с вороватой улыбкой мошенника. Он пронесся стремительно, однако даже не вызвав ни малейшего движения воздуха.

— Барбатос, великий граф и министр Сатанахии, повинуйся мне!

В этот раз появилась не одна фигура, а целых четыре — в виде четырех королей в коронах. За ними следовали три отряда солдат с опущенными головами в стальных шлемах, скрывавших их лица. Когда все воинство скрылось, осталась загадкой, кто из них демон и появлялся ли он вообще.

— Паймон, великий царь из чина Властей, повинуйся мне!

Внезапно послышались громкие трубные звуки, и комната наполнилась пляшущими существами с пузырями, изогнутыми подобно трубам, которые, вероятно, играли роль музыкальных инструментов. Однако производимая ими му-

зыка больше всего напоминала хрюканье стада свиней, которых гонят на бойню. Среди толпы визжавших и пляшущих существ выделялась фигура человека на одногорбом верблюде, также вопившего нечто нечленораздельное громким хриплым голосом. Животное, на котором он ехал, хмуро жевало жвачку, закрыв глаза, словно от боли.

— Ситри! — прокричал Уэр. Некоторое время была только тьма и тишина, нарушаемая лишь слабым шипением, в котором теперь как будто слышались детские голоса.

— Jesus secreta lebenter detegit femonarum, las ridens ludificansque ut se luxarise nudent[29], великий князь, повинуйся мне!

Это изящное и легкое существо оказалось не менее чудовищным, чем остальные: оно имело сияющее человеческое тело, снабженное крыльями, а также удивительно маленькую голову леопарда. И все же оно было красивым; глядя на него, Бэйнс испытывал весьма противоречивые чувства. Когда оно скрылось, Уэр, по-видимому, поднес к губам какое-то кольцо.

— Леражи, могущественный маркиз Элигор,

---

[29] Примечания: 29

«Властью особой над женщинами обладает; смеясь и играя, их побуждает разоблачаться» (латин.).

Зенар, великие принцы, повинуйтесь мне!

Призванные вместе, они и появились сразу все трое: первый — лучник в зеленой одежде с колчаном и натянутым луком; с наконечника стрелы капал яд; второй — всадник со скипетром и копьем с флагом; третий — воин в полном вооружении и одетый в красное. По сравнению с их предшественником они совсем не казались ужасными, и ничто в их внешности не говорило о сфере их деятельности, однако Бэйнс смотрел на них с не менее тревожным чувством.

— Айнорос, могущественный граф и князь, повинуйся мне!

У Бейнса появилось ощущение тошноты еще прежде, чем существо появилось, от одних издаваемых им звуков; и то же почувствовали все остальные, включая Уэра. Однако внешность Айно-роса сказалась не столько тошнотворной, сколько гротескной; при других обстоятельствах она могла быть забавной. Он имел тело ангела со львиной головой, перепончатые гусиные лапки и короткий олений хвост.

— Смени личину, смени личину! — закричал Уэр, опуская свой жезл в пламя жаровни. Гость быстро принял облик ангела с головы до пят, однако ощущение чего-то безобразного и непри-

стойного сохранилось.

— Хаборим, сильный принц, повинуйся мне!

Еще одно человекоподобное существо из трехглавой породы — хотя внешнее сходство, скорее всего, носило чисто случайный характер — одна голова человечья с двумя звездами на лбу, другая змеиная и третья кошачья. Проходя мимо, демон потряс горящей головней в правой руке.

— Набериус, доблестный маркиз, повинуйся мне!

Сначала Бэйнсу показалось, что зов остался без ответа. Потом он заметил какое-то движение на полу. Около большого круга носился взад-вперед черный петух с пустыми кровоточащими глазницами. Уэр погрозил ему жезлом, и петух, хрипло кукарекнув, исчез.

— Глазиалаболас, могущественный президент, повинуйся мне!

Этот дух выглядел просто как человек с крыльями. Но когда он улыбнулся, стало видно, что у него собачьи зубы и в углах рта появилась пена. Он миновал комнату беззвучно.

В наступившей тишине Бэйнс услышал, как Уэр переворачивает страницу книги договоров, и вспомнил, что надо добавить бренди в жаровню. Тело на алтаре, по-видимому, давно сгорело;

Бэйнс не мог сообразить, сколько времени прошло с тех пор, как он видел последнюю искру. Однако густая серая дымка не рассеялась.

— Буне, сильный принц, повинуйся мне!

Это существо оказалось самым удивительным. Оно приближалось на галеоне, который, достигнув комнаты, стал погружаться прямо в пол. На палубе лежал свернувшийся дракон, также имевший три головы — собаки, грифа и человека. Вокруг сновали темные фигуры, смутно напоминавшие человеческие. Корабль продолжал опускаться, пока не скрылся из вида.

Бэйнс почувствовал, что дрожит, не столько от страха, который уже почти прошел, сколько от эмоционального переутомления и, возможно, оттого, что долго простоял, не сходя с места. Он непроизвольно вздохнул.

— Тихо, — вполголоса проговорил Уэр. — Сейчас ни в коем случае никому нельзя терять бдительности. Мы еще управились только с половиной, и среди остальных духов многие сильнее тех, кто уже был. Я предупреждал вас, что Искусство требует физической силы и бесстрашия.

Он перевернул еще одну страницу:

— Астарот, великий хранитель сокровищ, великий и могущественный принц, повинуйся мне!

Даже Бэйнс слышал об этом демоне, хотя и не помнил где, и ожидал его материализации с живым любопытством. Однако явившаяся фигура не представляла собой ничего особенно значительного. Человекообразное существо, красивое и безобразное одновременно, сидело верхом на драконе, держа в правой руке гадюку. Бэйнс вспомнил, что духи изначально не имеют материального тела и необязательно должны иметь всегда одинаковое обличье. Согласно описанию, известному Бэйнсу, Астарот представлял собой лысую чернокожую женщину верхом на осле. Проезжая мимо, тварь улыбнулась Бэйнсу, и ее зловонное дыхание едва не свалило его с ног.

— Асмодей, сильный и могущественный царь, владеющий силой Амаймона, ангел случая, повинуйся мне! — Уэр поклонился, широким жестом сняв шляпу. При этом он, как заметил Бэйнс, соблюдал особую осторожность, чтобы не выронить магнетит.

Царь Асмодей также восседал на драконе и также имел три головы: бычью, человеческую и баранью; все три изрыгали пламя. Перепончатыми лапами демон сжимал копье и флаг. У него были, кроме того, перепончатые ноги и змеиный хвост. Зрелище весьма устрашающее, и все

же Бэйнс начал замечать определенную узость фантазии этих инфернальных актеров. Однако ему тут же пришло в голову, что монотонность могла быть намеренной. Возможно, духи хотели, чтобы он утомился и утратил бдительность. «Эта тварь запросто прикончит меня, стоит мне только на секунду закрыть глаза», — напомнил он самому себе.

— Фурфур, великий граф, повинуйся мне!

Этот ангел явился в виде большого оленя и пересек комнату одним прыжком. Его хвост пылал, словно комета.

— Хальпас, великий принц, повинуйся мне!

Появился всего лишь лесной голубь, который тоже быстро исчез. Теперь Уэр называл имена так быстро, что едва успевал переворачивать страницы. Очевидно, он чувствовал усталость своих помощников, а может быть, утомился и сам. Демоны мелькали один за другим, словно в каком-то кошмарном параде: Райм, граф из чина Тронов, человек с вороньей головой; Сенар, русалка, увенчанная герцогской короной; Сагурак, львиноголовый воин на бледном коне; Бифронс, великий граф, в образе гигантской блохи; Заган, бык с крыльями грифона; Андрас, восседающий на черном волке, ангел с головой

ворона и с широким мечом; Андреальфус, павлин в сопровождении незримого птичьего хора; Амдусциас, единорог в окружении многочисленных музыкантов; Данталиан, великий принц, в облике человека, но имевший множество лиц, как мужских, так и женских, и державший в правой руке книгу; и, наконец, тот великий царь, который был создан первым после Люцифера и первым пал в битве с Михаилом, прежде принадлежавший чину Сил — сам Белиал, прекрасный и зловещий. Он явился на огненной колеснице — в таком виде его почитали вавилоняне.

— Великие духи, — сказал Уэр, — вы без задержки отвечали мне и явились передо мной по моей просьбе. Поэтому я теперь разрешаю вам удалиться, не причиняя вреда никому из присутствующих здесь. Уходите, говорю я, но будьте готовы вернуться, когда я должным образом призову вас вашими именами и печатями. До той поры вы свободны. Аминь.

Он плотно прикрыл жаровню крышкой, на которой была выгравирована Третья Печать Соломона. Мрак в комнате начал рассеиваться.

— Все в порядке, — сказал Уэр довольно прозаическим тоном.

Как ни странно, он выглядел менее утомлен-

ным, чем после заклинания Мархозиаса.

— Дело закончено или, скорее, начато. Мистер Гинзберг, вы можете благополучно покинуть круг и включить свет.

Когда Гинзберг сделал это, Уэр задул свечи. При свете электричества казалось, будто наступил унылый рассвет, хотя на самом деле прошло лишь немного времени после полуночи. На алтаре не осталось ничего, кроме небольшой кучки серого пепла.

— Мы действительно должны оставаться здесь? — спросил Бэйнс, чувствуя себя разбитым. — Мне кажется, нам было бы гораздо удобнее в вашем кабинете — и легче было бы узнать, что происходит.

— Да, мы должны остаться здесь, — ответил Уэр. — Вот почему я просил вас, мистер Бэйнс, принести ваш транзисторный приемник, чтобы следить за событиями в мире и временем. Потому что в течение ближайших восьми часов эта комната будет единственным безопасным местом на всей земле.

16

Беспорядок, царивший в лаборатории, вызвал у Бэйнса странную ассоциацию с комнатой в

студенческом общежитии после завершающей ночи «Недели Ада». Гесс спал на длинном столе, на котором прежде лежали освященные инструменты Уэра. Джек Гинзберг лежал на полу возле главной двери и спал тревожным сном, бормоча и обливаясь потом. Терон Уэр, еще раз напомнив всем, что ни к чему здесь нельзя прикасаться, подмел алтарь и улегся спать на нем, не снимая одежды. Спал он, похоже, довольно крепко.

Бодрствовали лишь Бэйнс и отец Доменико. Монах, обойдя всю комнату, нашел за занавесом одно достаточно низкое окно и теперь смотрел на погруженный во тьму мир, повернувшись спиной ко всем и заложив руки за спину.

Бэйнс сидел на полу возле электрической печи, прислонившись к стене и прижав к уху радиоприемник. Ему было очень неудобно, но он опытным путем установил, что в этом месте самый лучший прием, — правда, он не заходил ни в один из кругов.

Но даже здесь качество звука оставляло желать лучшего. Он то усиливался, то совсем затихал даже на таких мощных станциях, как «Радио Люксембург», и часто прерывался помехами, за которыми — через промежутки от нескольких секунд до многих минут — следовали мощные

раскаты грома. К тому же большую часть времени эфир занимали музыка да реклама.

И пока что новости, которые удавалось услышать, вызывали у него лишь разочарование. Произошла крупная железнодорожная катастрофа в Колорадо, грузовое судно попало в сильный шторм и затонуло в Северном море; в Гватемале прорвало небольшую плотину и грязная вода затопила городок; в Коринфе отмечено землетрясение — обычные вещи, такое случается практически каждый день.

Кроме того, китайцы произвели еще одно испытание термоядерного оружия; еще один инцидент на израильско-иорданской границе; чернокожие из какого-то племени совершили налет на правительственную больницу в Родезии; бедняки предприняли еще один поход на Вашингтон; Советский Союз сообщил, что уже невозможно вернуть на землю трех собак и обезьяну, запущенных на орбиту неделю назад; США завоевали еще один кровавый дюйм вьетнамской земли, и премьер Ки вступил на него; и так далее в том же духе.

Подобные заурядные события служат лишь очередным доказательством того, что и так известно каждому разумному человеку: нигде на Земле

нет безопасного места, ни в этой комнате, ни за ее пределами — и, вероятно, никогда не было. Стоило ли тратить столько времени, сил и денег и высвобождать целый сонм демонов, если результат равнялся прочтению одной утренней газеты? Конечно, могли произойти кое-какие интересные злодеяния, носившие приятный характер, но многие газеты и другие издания зарабатывают на них целые состояния и в обычные дни; во всяком случае, эта идиотская машина позволяла услышать лишь жалкие обрывки таких сообщений.

Возможно, следовало подождать несколько дней или даже недель, пока не будут собраны все материалы — и тогда, несомненно, события нынешней ночи предстанут во всей их грандиозности. Оставалось надеяться лишь на это. В конце концов, по первым наброскам трудно увидеть завершенное произведение искусства. Тем не менее Бэйнса очень огорчало, что он лишен того радостного волнения, с которым художник ощущает постепенное рождение картины на холсте. Не может ли что-нибудь сделать тут Уэр? Скорее всего, нет, иначе он бы уже сделал это: несомненно, он понимал цель заказа, так же, как и его суть. Кроме того, будить его, пожалуй, опасно: ему понадобится еще много сил для за-

вершающей стадии эксперимента, когда демоны начнут возвращаться.

С горечью, но и со смирением Бэйнс сознавал, что не ему досталась здесь роль художника. Он был только меценатом, который мог наблюдать, как готовятся краски и делаются эскизы, а также владеть готовой картиной — но не работать кистью.

Но что это? «Би-би-би» передавало:

> «Третья пожарная команда направлена для борьбы с пожаром в галерею Тэйта. Эксперты считают, что уже нет надежды спасти большую коллекцию картин Блэйка, которая включает большинство его иллюстраций к «Аду» и «Чистилищу» Данте. По-видимому, также погибли почти все наиболее известные картины Тернера, в том числе и акварели, изображавшие пожар в здании Парламента. Столь интенсивный и стремительный характер возгорания наводит на мысль о возможном поджоге».

Бэйнс резко выпрямился, чувствуя растущую надежду, хотя все его суставы болезненно протестовали. Похоже, что это было символическое

преступление, преступление со значением. Он с волнением вспомнил Хаборима, демона с горящим факелом. Если бы таких преступлений оказалось побольше…

Прием все более ухудшался, мучительные попытки уловить смысл утомляли Бэйнса. «Радио Люксембург», похоже, вышло из эфира или было забито атмосферными помехами. Бэйнсу удалось поймать «Радио Милана» как раз в тот момент, когда передавали, что теперь будут транслировать все одиннадцать симфоний Густава Малера — совершенно невероятная затея для любой станции, тем более для итальянской. Может быть, демоны решили таким образом пошутить? Так или иначе, в течение, по крайней мере, ближайших суток «Радио Милана» не будет передавать новостей.

Бэйнс продолжал настраивать транзистор. Странным образом появилось необычайное количество передач на языках, которые он не понимал и даже не мог узнать, хотя сносно изъяснялся на семнадцати и бегло говорил на некоторых — в зависимости от потребностей бизнеса. Но теперь словно кто-то установил антенну на Вавилонской башне.

На короткое время прорвалась английская

речь. Но это лишь «Голос Америки» обличал агрессивные замыслы китайцев, взорвавших еще одну водородную бомбу. Бэйнс хорошо знал, что такое происходило достаточно часто. Затем снова началось разноязыкое бормотанье, изредка прерываемое резкими звуками, которые в равной степени могли сойти и за пакистанский джаз, и за китайскую оперу.

Еще один обрывок передачи на английском языке:

> «…с помощью цианида! Да, друзья, одна доза излечивает все недуги! Масса приятно хрустящих кристаллов…» Его сменил большой хор мальчиков, исполнявший хорал «Аллилуйя» с довольно странными словами: «Бизон, бизон! Раттус, раттус! Кардиналис, кардиналис!».

Потом опять сплошная тарабарщина — на сей раз без помех и временами напоминавшая что-то знакомое.

В комнате стояло отвратительное зловоние из смеси запахов бренди, камфоры, угля, вербены, пороха, мяса, духов, пота, сандала, сгоревших свечей, мускуса и паленых волос. У Бэйнса разболелась голова, он чувствовал себя словно в

утробе стервятника. Ему хотелось сделать пару глотков из спрятанной под стихарем бутылки бренди, но он не знал, сколько еще потребуется этого напитка, когда Уэр продолжит колдовство.

Между тем отец Доменико, стоявший в другом конце комнаты, наконец разжал руки. Отвернувшись от маленького окошка, он сделал несколько шагов по направлению к Бэйнсу. Но даже столь незначительное движение, по-видимому, потревожило Джека Гинзберга, который стал метаться и бормотать, потом застыл в довольно неудобной позе и захрапел. Отец Доменико искоса взглянул на него и, остановившись не доходя до Великого Круга, поманил к себе Бэйнса.

— Вы меня? — спросил Бэйнс.

Отец Доменико нетерпеливо кивнул. Бэйнс отложил в сторону перегревшийся приемник — с меньшей неохотой, чем мог себе представить лишь час назад — и тяжело поднялся сначала на колени, а затем на ноги.

Когда он заковылял к монаху, какой-то пушистый предмет пронесся перед ним и едва не сбил с ног — это был кот Уэра. Ахтой мчался к алтарю и, совершив прыжок, показавшийся невероятным для столь тучного животного, устроился на кресте своего спящего хозяина. Потом он посмотрел

своими зелеными глазами на Бэйнса и заснул — или так только казалось.

Отец Доменико повторил свой жест и отвернулся к окну. Бэйнс побрел к нему, мечтая избавиться от своих ботинок, так как ноги его как будто уже превратились в неподвижную, роговеющую массу.

— В чем дело? — шепотом спросил он.

— Взгляните туда, мистер Бэйнс.

С недоумением и раздражением Бэйнс посмотрел туда, куда показывал ему незваный Вергилий. Сначала он не мог ничего различить, так как оконные стекла запотели и были занесены снегом снаружи. Потом он обнаружил, что ночь не так уж темна, и смог разглядеть даже мечущиеся по небу облака. Окно, как и в кабинете Уэра, выходило на склоны утеса и берег моря, которое скрывалось где-то за снежной вьюгой — так же, как и город. Однако он все же казался немного освещенным. Все небо было исчерчено непрерывными тускло светившимися полосами, напоминавшими оставленные самолетами инверсионные следы — только полосы не рассеивались и флуоресцировали.

— Ну и что? — спросил Бэйнс.

— Вы ничего не видите?

— Я вижу следы метеоров или что-то подобное. В общем, какое-то необычное атмосферное свечение, может быть, отсвет пожара.

— И это все?

— Все, — огрызнулся Бэйнс. — Вы хотите меня запугать и заставить разбудить доктора Уэра, чтобы он отозвал их всех обратно? Ничего не выйдет. Мы будем ждать до самого конца.

— Ладно, — сказал отец Доменико, вновь занимая свою наблюдательную позицию. Бэйнс возвратился в свой угол и, взяв приемник, услышал:

> «...Как установлено, то, что считалось китайским экспериментом, на самом деле оказалось взрывом боеголовки ракеты, нацеленной на Тайвань. Западные столицы, чрезвычайно встревоженные гибелью от напалма вдовы Президента Соединенных Штатов в переполненной нью-йоркской дискотеке, срочно приводят свои вооруженные силы в состояние полной боеготовности, и, вероятно, вскоре в целях безопасности будет отключено электричество. Пока этого не произошло, мы будем постоянно держать вас в курсе

основных событий. Даем наши позывные. О-уу. Иг. А, попался, свиненыш… дурачить меня… О-уу…»

Бэйнс яростно искал волну, но завывания становились все отвратительнее. Справа от него спавший на столе Гесс перевернулся на спину и вдруг резко сел, опустив длинные ноги в носках на пол.

— Господи, — пробормотал он хриплым голосом. — Я слышал это, или мне приснилось?

— Можешь не сомневаться, — усмехнулся Бэйнс. Он тоже был встревожен. — Слезай и садись здесь. Дело обостряется и принимает неожиданный оборот.

— Может быть, тогда лучше все остановить?

— Нет. Садись, черт побери. Я не думаю, что мы можем это остановить, а если бы и могли, я не хочу доставлять удовольствие нашему приятелю.

— Ты предпочитаешь Третью мировую войну? — спросил Гесс, послушно садясь.

— Я не думаю, что идет к тому. Во всяком случае, мы заключили контракт, и Уэр либо контролирует ситуацию, либо будет контролировать ее. Давай подождем и посмотрим.

— Хорошо, — согласился Гесс. Он принялся

растирать пальцы. Бэйнс еще раз попытался включить приемник, но ничего не услышал, кроме смеси «Мессии» Малера и «Славьте Всевышнего».

Джек Гинзберг завывал в своем полусне. Через некоторое время Гесс равнодушно проговорил:

— Бэйнс?

— Что?

— Как ты думаешь, что это означает?

— Ну, может быть, действительно Третью мировую войну, а может быть, и нет. Откуда мне знать?

— Я не о том хотел спросить… не о самих событиях, а об их значении. Ты должен иметь представление. Ведь ради этого ты заключал контракт.

— О, гмм. Отец Доменико говорил, что дело может обернуться Армагеддоном. Уэр так не думал, но он, похоже, мог ошибаться. Во всяком случае, я понятия не имею. Я уже давно не мыслю такими терминами.

— Я тоже, — сказал Гесс, сплетая и расплетая пальцы и рассматривая их. — Я еще пытаюсь объяснить себе все в старых терминах, которые помогают понять Вселенную. Это непросто. Но ты помнишь, я говорил тебе, что интересуюсь

историей науки? Я старался понять, почему на протяжении такого долгого периода не существовало никакой науки и почему она после возрождения снова приходила в упадок. Теперь, кажется, я знаю ответ. Похоже, человеческий разум проходит своего рода цикл, обусловленный страхом. Он способен воспринять лишь ограниченное количество знаний, а потом впадает в панику и начинает изобретать доводы, чтобы все бросить и вернуться в темный век… каждый раз под каким-то изобретенным мистическим предлогом.

— В твоих словах мало смысла, — заявил Бэйнс. Он все еще пытался слушать радио.

— Не ожидал, что ты согласишься. Но так случается примерно каждую тысячу лет. Сначала люди довольны своими богами, хотя и боятся их. Потом мир становится все более светским, а боги все менее уместными. Храмы запустевают, люди начинают чувствовать себя виноватыми, но не очень. И вдруг, достигнув наивысшей секуляризации, на какую способны, они швыряют свои деревянные башмаки в машины, поклоняются Сатане или Великой Материи, они возвращаются к эллинистической культуре или принимают

христианство. In hoc signo vinces[30] — я выбрал только случайные примеры, но это происходит, Бэйнс, это происходит регулярно каждую тысячу лет. Последний раз такая паника началась накануне 1000-го года от Р. Х., когда все ожидали Второе Пришествие Христа и понимали, что не готовы встретиться с Ним. Вот в чем главная причина трагедии средневековья. А теперь приближается следующее тысячелетие, и люди напуганы нашей секуляризацией, нашим ядерным и биологическим оружием, нашей медициной; и они снова начинают поклоняться абсурду. Именно этим ты и занялся, а я тебе помогал. Некоторые люди сейчас поклоняются летающим тарелкам, потому что не смеют встретить Христа. Ты обратился к черной магии. В чем же разница?

— Я скажу тебе, в чем, — ответил Бэйнс. — Никто за все время на самом деле не видел ни одной тарелки, и причина того, что в них верят, совершенно ничтожна и, вполне возможно, объясняется твоей теорией — даже без Юнга и последователей. Но ведь мы с тобой видели демона, Адольф.

— Ты так думаешь? Я не отрицаю. Вполне воз-

---

[30] Примечания: 30
«Под этим знаменем побеждаешь» (латин.).

можно. Но Бэйнс, уверен ли ты на сто процентов? Откуда ты знаешь то, что считаешь известным? Мы стоим на пороге Третьей мировой войны, которую сами подготовили. Не может ли все это оказаться галлюцинацией, которую мы сами вызвали, чтобы избавиться от чувства вины? Что, если на самом деле ничего этого нет и мы такие же жертвы эсхатологической паники, как те, что принадлежат к формальным религиозным организациям? Такое объяснение кажется мне более вероятным, чем какие-то средневековые суеверия. О демонах: я не отрицаю увиденного, Бэйнс, я хочу только спросить тебя, чего оно стоит?

— Я скажу тебе то, что знаю, — спокойно ответил Бэйнс. — Хотя и не могу сказать, откуда — это меня не волнует. Во-первых, кое-что произошло, и вполне реально. Во-вторых, и ты, и я, и Уэр — все, кто хотел, чтобы это произошло, получили то, что хотели. В-третьих, мы не рассчитали последствий нашего эксперимента, но, какими бы они ни были, они принадлежат нам. Мы заключили сделку ради них. Демоны, тарелки, радиоактивные осадки — какая разница? Все это лишь неизвестные величины в уравнении, параметры, которые мы можем выбрать сами по своему вкусу. Почему электроны радуют тебя больше, чем демоны?

Ладно, тем лучше для тебя. Но меня интересует другое, Адольф, меня интересует результат. Мне наплевать на средства. Я задумал это дело, я осуществил его, и я плачу за него — и неважно, как оно будет названо или описано, я создал его, и оно мое. Понятно? Оно мое. Все остальное, что с ним связано, лишь пустяковые технические детали, с которыми я поручаю разбираться людям вроде тебя и Уэра — меня они не интересуют.

— Похоже, что мы все рехнулись, — мрачно проговорил Гесс.

В этот момент маленькое окно внезапно осветилось ярким белым светом, фигура отца Доменико стала темным силуэтом.

— Возможно, ты и прав, — сказал Бэйнс — Теперь пришел черед Рима.

Отец Доменико в слезах отвернулся от снова потемневшего окна и медленно направился к алтарю. Переборов отвращение, он взял Терона Уэра за плечо и потряс его. Кот зашипел и отпрыгнул в сторону.

— Проснитесь, Терон Уэр, — потребовал отец Доменико официальным тоном. — Заклинаю вас, проснитесь. Ваш эксперимент уже окончательно вышел из-под контроля, и значит, условия Соглашения удовлетворены. Уэр! Уэр! Да проснитесь

же, наконец!

17

Бэйнс взглянул на часы: было три часа ночи.

Уэр очнулся, вскочил и, не говоря ни слова, бросился к окну. В этот момент то, что было когда-то Римом, обрушилось на дом. На таком расстоянии ударная волна уже ослабла, и толчок оказался не сильным, но окно, в которое смотрел отец Доменико, разбилось, осыпав комнату миллионами стеклянных осколков. Стекла посыпались также из завешенных шторами окон под потолком. Комната наполнилась звоном — словно в ней зазвучал небесный оркестр.

Насколько мог видеть Бэйнс, никто из присутствующих не пострадал. Впрочем, даже серьезная рана едва ли имела значение теперь, когда ветры уже несли Смерть.

Уэр внешне остался невозмутимым. Он только кивнул, повернулся к Великому Кругу и наклонился, чтобы поднять свою бумажную шляпу с неровными полями. Нет, конечно, он был взволнован — у него побелели губы. Он подозвал всех к себе.

Бэйнс направился к Джеку Гинзбергу, чтобы, если потребуется, растолкать его. Но Джек уже

стоял, дрожа и ошеломленно озираясь. Казалось, он совершенно не понимал, где находится. Бэйнсу пришлось втолкнуть своего особого помощника в его круг.

— И стой здесь, — добавил Бэйнс таким голосом, который, казалось, мог поцарапать алмаз. Но Джек словно ничего и не слышал.

Бэйнс поспешно вступил в свой круг, проверив, на месте ли бутылка с бренди. Все уже были на своих местах, даже кот, который занял свой пост сразу же после того, как спрыгнул со спины Уэра.

Колдун развел огонь в жаровне и начал заклинание. Он еще не успел произнести и двух фраз, когда Бэйнс впервые с замиранием сердца понял, что это последняя попытка — и что они еще могут быть спасены.

Уэр пытался спасти ситуацию, действуя в своей обычной мрачной манере и единственным путем, которым могла воспользоваться его фатально гордая душа. Он говорил:

— Я призываю и заклинаю тебя, Люцифуге Рафокале, и, пользуясь поддержкой Силы и Высшей Власти, я без колебаний повелеваю тебе именами: Баралеменсис, Балдахиенсис, Паумахие, Аполореседес, а также именами могущественных князей: Генио, Лиахиде, министров Адского

престола, главных князей престола Апологии в девятой сфере: я заклинаю тебя и приказываю тебе, Люцифуге Рофокале, именем Того, чьи желания исполняются без промедления, священными и славными именами: Адонай, Эл, Элохим, Элохе, Зебаот, Элион, Эщерце, Иах, Тетраграмматон, чтобы ты и твои приближенные тотчас явились передо мной, несмотря на предыдущее приказание, в какой бы части мира вы ни находились, и без промедления! Я заклинаю тебя именем Того, кому повинуются все твари, тем Именем, Тетраграмматон, Иегова, которым одолеваются все стихии, сотрясается воздух, чернеет море, порождается огонь, движется земля и все властители небесные, земные и адские, содрогаются и становятся кроткими, приди! Адонай, царь царей повелевает тебе!

Ответа не последовало, если не считать раската грома.

— Теперь я призываю и заклинаю тебя, Люцифуге Рофокале, явиться перед этим кругом именем Он… именем И, которые слышал и произносил Адам… именем Иот, которое Иаков знал от ангела в ночь своей борьбы и был освобожден от рук своего брата… Именем Агла, которое услышал Лот и был спасен вместе со своей семьей…

именем Анехексетон, которое произнес Аарон и обрел мудрость… Именем Шенес Аматна, которое назвал Иошуа, и Солнце остановило свой ход… Именем Эммануел, которым три ребенка были спасены от пылающей печи… Именем Альфа-Омега, которое изрек Даниил и сокрушил Бела и дракона… Именем Зебаот, которое назвал Моисей, и все воды земли Египетской обратились в кровь… Именем Хагиос, Печатью Адоная, прочими именами: Иетрос, Атенорос, Параклетус… страшным Судным Днем… стеклянным морем перед лицом Всевышнего Властителя… Четырьмя животными перед престолом… всеми этими могущественными и священными словами, приди, и приди без промедления. Приди, приди! Аденай, царь царей повелевает тебе!

Наконец послышался… — и это был смех. Смех Того, что неспособно радоваться и смеется лишь потому, что в силу своей природы должно устрашать. Смех усилился, и Оно появилось.

Оно не стояло в Малом Круге и не вышло из Ворот, но вместо этого сидело на алтаре и беспечно болтало ногами с раздвоенными копытами. У него была козлиная голова с огромными рогами, корона, пылавшая, как факел, обычные человеческие глаза, звезда Давида на лбу, а также

козлиные ноги. Туловище походило на человеческое, только очень волосатое и с черными крыльями, напоминавшими вороньи, которые росли из лопаток. Оно имело женские груди и огромный, стоявший торчком фаллос, который оно то и дело ласкало своими сложенными в молитвенном жесте ладонями. На мохнатых руках сквозь шерсть просвечивала татуировка: на одной — solve[31], на другой — cocyula[32]. У эр медленно опустился на одно колено.

— Adoramus te[33], Пут Сатанахиа, — сказал он, положив жезл на пол перед собой, — и еще раз… ave[34], ave.

— Ave, но почему ты приветствуешь меня? — проговорило чудовище низким голосом, одновременно загадочным и манерным, как у актеров-гомосексуалистов. — Ведь ты меня не звал.

— Нет, Бафомет, хозяин и гость. Я даже не пытался. Во всех книгах говорится, что тебя нельзя

---

[31] Примечания: 31
«Разрушь» (латин.)

[32] Примечания: 32
«Укрепи» (латин.)

[33] Примечания: 33
«Поклоняемся тебе» (латин.)

[34] Примечания: 34
«Здравствуй» (латин.)

позвать и ты не являешься никогда.

— Ты звал Бога, он не явился. Меня невозможно обмануть.

Уэр опустил голову:

— Я совершил ошибку.

— Вот как? Однако всему предшествует начало. В конце концов, ты, вероятно, мог бы увидеть Бога. Но пока что вместо этого ты увидел меня. И всему есть также и конец. Я должен принести тебе благодарность. Хоть ты и червь, но благодаря тебе начался Армагеддон. Да будет сказано так во всех писаниях. Войди же подобно остальным, в Вечное Пламя.

— Нет! — закричал Уэр. — О Господи, нет! Еще не пришло время! Ты нарушаешь Закон! Ты же Антихрист…

— Мы обойдемся без Антихриста. В нем нет необходимости. Люди и так уже предались мне.

— Но… хозяин и гость… Закон…

— Мы обойдемся и без Закона. Разве ты не слышал? Те скрижали уже разбиты.

Уэр и отец Доменико затаили дыхание, но если Уэр собрался продолжать дискуссию, его опередили. Стоявший справа от Бэйнса доктор Гесс неожиданно выкрикнул:

— Я не вижу тебя, Козел!

— Замолчите, — крикнул Уэр, почти отвернувшись от видения.

— Я не вижу тебя, — упорно повторил Гесс. — Ты просто глупая зоологическая смесь. Тебя не существует, Козел. Убирайся! Кыш!

Уэр повернулся в своем круге карциста и, подняв двумя руками магический меч, замахнулся им на Гесса, однако в последний момент, очевидно, побоялся покинуть свой круг.

— Как любезно с твоей стороны, — усмехнулся дух, — что ты обратился ко мне вопреки правилам. Мы, конечно, оба понимаем, что правила существуют для того, чтобы их нарушать. Но твоя форма обращения не совсем удовлетворяет меня. Давай продолжим беседу, и я научу тебя хорошим манерам.

Гесс не ответил. Вместо этого он завыл по-волчьи и, опустив голову, бросился к алтарю. Козел Саббата разинул огромную пасть и проглотил Гесса, словно муху.

— Благодарю за жертву. Может, еще кого-нибудь? Тогда мне пора.

— Остановись, безумный и непокорный! — раздался справа от Бэйнса голос отца Доменико. В руках у монаха был какой-то лоскут. — Узри свое заблуждение, если ты решил не покоряться!

Узри же Звезду Соломона, которая явилась перед тобой!

— Забавный монашек, я никогда не был в той бутылке!

— Умолкни и не двигайся, падшая звезда! Узри в моем лице экзорциста именем Октинимоес, коего среди неправды укрепил Господь Бог и сделал бесстрашным. Именем Господа Батала, поразившего Абрана и Абетра, обрушившегося на Берора!

Козел Саббата смотрел сверху вниз на отца Доменико почти ласково. Побагровев, отец Доменико извлек из-под своего одеяния распятие и направил его на алтарь, как меч.

— Изыди в Преисподнюю, нечистый! Во имя Господа нашего, Иисуса Христа!

Распятие из слоновой кости внезапно разорвалось, осыпав одежду отца Доменико пылью. Он с ужасом смотрел на свои пустые руки.

— Слишком поздно, маг. Даже самые усердные старания твоих белых собратьев ни к чему не привели. И у Небесных владык тоже ничего не вышло. Поэтому мы свободно распространились по миру и никогда не вернемся обратно.

Огромная голова повернулась к Терону Уэру:

— Ты же — мой возлюбленный сын, и я тобой

доволен. Я ухожу, чтобы присоединиться к моим братьям и завершить нашу работу. Но я вернусь за тобой. Я вернусь за всеми вами. Война уже завершена.

— Это невозможно! — воскликнул отец Доменико, несмотря на то, что его душила пыль от рассыпавшегося распятия. — Сказано, что в этой войне вы непременно будете побеждены и закованы в цепи!

— Конечно. Но о чем это говорит? В любой войне каждая из противоборствующих сторон утверждает, что победит именно она. И первой может оказаться лишь одна из них. Решающее значение имеет последняя битва, а не пропаганда. Вы совершили ошибку — и, ох, как вы поплатитесь!

— Одну минуту… пожалуйста, — пробормотал отец Доменико. — Будьте любезны… Я вижу, что мы ошиблись… Не могли бы вы сказать, в чем мы ошиблись?

Козел усмехнулся, произнес два слова и исчез.

Начинался рассвет, багровый, тревожный, безрадостный и бесконечный. Город, который был виден из окна Уэра, в потоках холодной лавы медленно сползал к морю, но море исчезло. Отец Доменико еще несколько часов назад уверял, что оно отступило и больше уже не вернется, разве

только как цунами после Коринфского землетрясения. Опустошение распространялось повсюду вне ритуальных кругов. Внутри них последние маги ждали, когда новые Властители придут за ними.

Очевидно, ждать осталось недолго. В их умах и сердцах эхом отзывались те три последние слова. Мир без конца. Конец без мира.

Бог умер.

День после Светопреставления

Узнав такое, можно ли простить?
Т.С.Элиот «Дерево гнева».

Горе, горе, горе живущим на земле от остальных трубных голосов трех Ангелов, которые будут трубить!
Откровение, 8:3.

1

Падение Бога поставило Уэра в весьма незавидное положение, хотя и едва ли одного его. Но он сам послужил тому причиной — если столь глобальное событие вообще может иметь какую-нибудь причину, кроме первой. И как черный маг он слишком хорошо знал победителя, чтобы ожидать от него благодарности.

С другой стороны, также не имело никакого смысла утверждать, что он напустил на мир сорок восемь демонов высокого ранга только по заказу клиента. Ад был несгораемой Александрийской библиотекой таких уловок — и, кроме того, если бы даже У эр имел идеальное оправда-

ние, все равно нигде уже не осталось правосудия. Судья умер.

— Когда же он, черт возьми, вернется? — раздраженно спросил Бэйнс, клиент. — Скорее бы уж покончить с этим. Ожидание хуже всего.

Отец Доменико отвернулся от окна, которое было разбито ударной волной после взрыва термоядерной бомбы в Риме. До сих пор монах смотрел на оплавившиеся дома и лавки бывшего Позитано, который теперь оказался на дне отступившего моря. Если море вернется, это будет рекордное по силе цунами, возможно, даже достигнет стоящего на утесе палаццо Уэра.

— Вы не понимаете, что говорите, мистер Бэйнс, — сказал белый маг. — Теперь ничто не может быть закончено. Мы на пороге вечности.

— Вы знаете, что я имею в виду, — проворчал Бэйнс.

— Разумеется, но на вашем месте я был бы благодарен за передышку… Однако странно, что он не возвращается. Может быть, ему все-таки что-то помешало — или кто-то.

— Он сказал, что Бог умер.

— Да. Но ведь он — отец лжи. Как вы полагаете, доктор Уэр?

Уэр не ответил. Особа, о которой они говорили,

являлась, конечно, не самим Сатаной, но его помощником, который откликнулся на зов Уэра — князем по имени Пту Сатанахиа, или Бафомет, Козел Саббата. Что касается вопроса, то Уэр просто не знал, как на него ответить. Было унылое утро дня после Армагеддона, а Козел обещал явиться за всеми четырьмя людьми, оставшимися в лаборатории черного мага, ровно на рассвете — словно подчиняясь условию, которое поставил Уэр выпускаемым им демонам; однако Бафомет не возвращался.

Бэйнс окинул взглядом разоренную лабораторию:

— Я не понял, что он сделал с Гессом?

— Проглотил, — ответил Уэр. — Вы же видели. Не надо было выходить из круга.

— Но он действительно съел его? Или это было… э-э… символически? Неужели Гесс теперь действительно в Аду?

Уэр не имел ни малейшего желания вмешиваться в дискуссию, которую сразу понял как последнюю жалкую попытку Бэйнса найти рациональный выход из роковой ситуации; однако отец Доменико сказал:

— Существо, называвшее себя Баламутом, сообщило Льюису, что демоны пожирают души.

Но едва ли это конец. Вероятно, вскоре нам представится возможность узнать о подобных вещах гораздо больше, чем мы бы хотели.

Он рассеянно стряхнул с себя остатки пыли от распятия. Уэр взглянул на монаха с ироническим изумлением: его Бог умер, его Христос рассеялся, как миф, его душа, очевидно, также проклята, как души Уэра и Бэйнса, — и тем не менее он все еще интересуется полусхоластической болтовней. Впрочем, Уэр всегда считал, что белая магия привлекала людей только с невысоким интеллектом, не говоря уже о вдохновении.

Но куда же делся Козел?

— Интересно, куда делся мистер Гинзберг? — спросил отец Доменико, словно пародируя мысленный вопрос черного мага. Уэр снова пожал плечами. В последнее время он совсем забыл про секретаря Бэйнса. Правда, Гинзберг изъявлял желание стать учеником, но он хотел обучиться Ars magica в основном для того, чтобы иметь достаточное количество любовниц, и даже при нормальных обстоятельствах его опыт с помощницей Уэра Гретхен, которая на самом деле была суккубом, очевидно, умерил энтузиазм Гинзберга. Во всяком случае, какой прок от такого ученика теперь?

Похоже, Бэйнс, как и Уэр, не ожидал такого вопроса.

— Джек? — переспросил он. — Я послал его укладывать наши вещи.

— Укладывать вещи? — удивился Уэр. — Вы полагаете, что сможете уйти отсюда?

— Я полагаю, что это весьма маловероятно, — спокойно ответил Бэйнс, — но если возможность представится, я не хочу оказаться неподготовленным.

— И куда же вы полагаете направиться, чтобы скрыться от Козла?

Ответа, конечно, не требовалось. Уэр вдруг почувствовал под ногами дрожание паркетного пола. Когда оно усилилось, к нему присоединился слабый, но довольно угрожающий шум в воздухе.

Отец Доменико поспешно бросился к окну, Бэйнс сделал то же. Уэр неохотно последовал за ними.

У горизонта была видна стена вспененной воды, приближавшейся со сверхъестественной медлительностью. Это возвращалась вода Тирренского моря, ушедшая вчера после коринфского землетрясения, которое, вероятно, произошло также не без участия демонов; впрочем, послед-

нее обстоятельство едва ли имело теперь какое-то значение. В любом случае, нарушенное равновесие неумолимо восстанавливалось.

Козел по непонятной причине задерживался… зато цунами не заставило себя ждать.

То, что некогда было комнатой Джека Гинзберга в палаццо, теперь выглядело скорее как кабинет доктора Калигари. Все оконные рамы, все углы, все стены занимали ненормальное положение; куда бы ни встал Джек, всюду он ощущал себя так, словно попал в какой-то четырехмерный куб — впрочем, грани этого гиперкуба покрылись трещинами, не поддающимися никакому геометрическому описанию. Оконные стекла отсутствовали, с потолка капало; пол покрылся осыпавшейся штукатуркой, битым стеклом и прочим мусором; в туалете беспрерывно шла вода, словно собираясь затопить весь мир. Кровать с сатиновыми простынями была засыпана известкой, и когда он достал из шкафа свои прекрасные костюмы, тщательно выбранные из «Плэйбоя», с них посыпалась пыль, как из грибов-дождевиков.

Одежду пришлось разложить на кровати, хотя она казалась лишь не намного чище, чем остальные доступные плоские поверхности. Он

обтер чемодан носовым платком, который затем выбросил в окно, и принялся укладывать вещи, стараясь как можно лучше их встряхивать.

Впрочем, однообразная работа помогла немного успокоиться. Нелегко размышлять об этом безысходном положении, искать другие точки зрения. Неизвестно даже, кого винить. В конце концов, о страстном влечении Бэйнса к разрушительной деятельности Джек знал уже давно и сам помогал шефу, не считая его безумцем. Такое влечение вообще довольно широко распространено: дайте инженеру кусок динамита, и он во имя прогресса сравняет горы с землей или покроет полстраны бетоном, исключительно ради своего удовольствия. Бэйнс принадлежал к числу таких маньяков, только имел еще много денег, и, в отличие от остальных, он всегда честно признавал, что любит шум и разрушение. И вообще руководство крупных фирм, по крайней мере, в Штатах, состоит сплошь из людей, которые любят свой бизнес и не интересуются больше ничем, кроме кроссвордов или рисунков из цифр.

А Уэр? Что он сделал? Погубил себя своим же искусством, — очевидно, таков единственный способ превратить жизнь в произведение искусства. В отличие от этого идиота Гесса, он знал, как

защититься от некоторых неприятных последствий своего фанатизма, хотя, в конце концов, также оказался лишь слепым самоубийцей. Уэр пока жив, а Гесс умер — если его душа не продолжает жить в Аду, — но различие между ними непринципиально. Они принадлежат к одному типу. Уэр не напрашивался на заказ к Бэйнсу; он только надеялся использовать этот заказ, чтобы умножить свои знания; так же, как Гесс использовал Бэйнса; так Бэйнс использовал Гесса и Уэра, чтобы удовлетворить свои деловые и эстетические потребности; как Уэр и Бэйнс использовали организаторские способности Джека и его увлечение сексом; и сам Джек уже устал использовать их всех.

Они стали вещами друг для друга, иначе и быть не могло в мире, где царят вещи. (Исключение, пожалуй, составляет отец Доменико, чье желание уберечь всех от совершения чего-либо, главным образом, путем выкручивания рук — типичная ограниченная позиция мистиков, которая представляет собой вопиющий анахронизм в современном мире и заведомо неэффективна). И на самом деле едва ли кто-нибудь из них, даже отец Доменико, совершил ошибку. Просто их предали. Все их планы косвенным образом зависели

от существования Бога — даже Джеку, который прибыл в Позитано как атеист, пришлось-таки в Него уверовать — ив последний решающий момент оказалось, что Его больше нет. И если кто-то и совершил ошибку, то это, конечно, Гесс.

Джек закрыл чемодан. Послышался какой-то шорох, потом другой, более слабый звук — нечто среднее между тихим покашливанием и кошачьим чиханием. Джек застыл, боясь пошевелиться: он очень хорошо знал, что означает этот звук. Но игнорировать его не имело смысла, и Джек наконец обернулся.

Как прежде, на пороге стояла девушка, и, как прежде, она выглядела иначе, чем при всех предыдущих встречах. На Джека всегда сильное впечатление производило то, что во всех своих обличьях она сохраняла некоторые общие черты, и все же каждый раз напоминала ему кого-то другого, очень знакомого — он ни разу не смог догадаться, кого именно. Она всегда одновременно играла роли любовницы, рабыни и незнакомки. Уэр иронично называл ее «Гретхен», «Гретой» или «Ритой», и ее можно было вызвать словом «Казотта», но на самом деле она не имела ни имени, ни даже пола, и по очереди служила то суккубом для Джека, то инкубом для какой-то

ведьмы на другом конце света. Казалось, такое положение вещей могло бы возмутить Джека, который отличался большой щепетильностью в подобных делах. На самом деле, оно возмущало его… незначительно.

— Ты не радуешься мне, как прежде, — сказала она.

Джек не ответил. На сей раз ему опять явилась стройная блондинка, выше его ростом, с длинными распущенными волосами. На ней были черное шелковое сари с золотой оторочкой, которое оставляло одну грудь обнаженной, и золотые сандалии, но никаких драгоценностей. Среди всего этого мусора она выглядела удивительно свежей и чистой, словно только что вышла из ванны, прекрасная, чарующая, ужасная и неотразимая.

— Я думал, ты можешь приходить только ночью, — пробормотал он наконец.

— О, те старые правила больше не имеют значения, — ответила она и, словно чтобы доказать свои слова, переступила порог даже без приглашения, тем более троекратного. — И ты уходишь. Мы должны еще раз совершить таинство, прежде чем ты уйдешь, и ты должен в последний раз одарить меня своим семенем. Оно не очень-то сильное, и моя клиентка пока что разочарована.

Иди же, коснись меня, войди в меня. Я знаю, ты этого хочешь.

— В такой обстановке? Ты, наверно, сошла с ума.

— Я не могу сойти с ума: у меня нет ничего кроме разума, кем бы я тебе ни казалась. Но я не могу быть ужасно любезной, как ты видел и увидишь опять.

Она взялась за чемодан, который остался незапертым, сняла его с кровати и положила на пол. Похоже, это ей не стоило ни малейших усилий, хотя чемодан казался тяжеловатым даже Джеку. Потом она подняла руку — и вместе с ней открытую заостренную грудь, одним движением распахнула и сбросила сари и легла, обнаженная, на засыпанную известкой кровать, словно живое воплощение сладострастия.

Джек просунул палец под воротник своей рубашки, хотя тот оказался расстегнутым. Не хотеть ее было невозможно, и в то же время Джеку отчаянно хотелось бежать; к тому же Бэйнс ждал его, и у Джека всегда хватало здравого смысла не развлекаться в рабочее время.

— Я думал, ты вместе со своими приятелями поднимаешь Ад, — сказал он сухо.

Девушка внезапно нахмурилась, как в тот мо-

мент после их первой ночи, когда она решила, будто он дразнит ее. Ее ногти, словно независимые существа, медленно впивались в ее плоский живот.

— Ты думаешь, что спал с падшим серафимом? — проговорила она. — Я не принадлежу к Чинам, которые ведут войну; я делаю только то, что омерзительно даже проклятым. — Потом, столь же неожиданно, она весело рассмеялась: — И к тому же я поднимаю не Ад, а Дьявола, потому что Ад я нахожу в себе. Знаешь ту историю Боккаччо?

Джек знал ее. Он знал все истории подобного рода: и его Дьявол, несомненно, поднялся. Пока он еще стоял в нерешительности, послышался отдаленный грохот, почти неуловимый, но почему-то казавшийся необычайно мощным. Девушка повернула голову к окну, также прислушиваясь; потом она снова раздвинула колени и раскинула руки.

— По-моему, тебе лучше поторопиться, — сказала она.

С отчаянным стоном он повалился на колени и уткнулся лицом в ее лоно. Ее гладкие стройные бедра закрыли его уши, но, как он ни прижимался к прохладному податливому телу, шум возвра-

щавшегося моря возрастал.

Так и вверху.

> Haeresis est maxima opera maleficarum non credere[35].

Генрих Инститор и Якоб Шпренген. «Молот ведьм».

Неприятель, кем бы он ни был, очевидно, давно уже готовился поразить командный центр «Стратегической Воздушной Команды» под Денвером. В первые двадцать минут войны враг обрушил сюда целую серию ракет с разделяющимися водородными боеголовками. Город, конечно, просто испарился, и обширное плато, на котором он стоял, теперь представляло собой лишь изборожденный глубокими лощинами остекленевший радиоактивный гранит. Но Центр был хорошо укреплен и располагался более чем в миле от поверхности. Все, кто в нем находился, испытали шок и временно оглохли; некоторые получили переломы и более мелкие травмы, одного контузило; но, в целом, руководители Центра могли бы доложить, что «потери минимальны», если бы было, кому докладывать.

---

[35] Примечания: 35

«Наибольшая ересь — не верить в колдовство ведьм» (латин.).

По вопросу об идентификации противника возникли некоторые разногласия. Генерал Д.Уиллис Мак-Найт, знавший о «Желтой опасности» с детства, когда читал «Американ Уикли» в Чикаго, оказывал предпочтение китайцам. Из двух его главных специалистов один, уроженец Праги, доктор Джеймс Шатвье, крестный отец селеновой бомбы, почти с тех же пор видел у себя под кроватью русских.

— О чем тут спорить? — говорил Джоан Белг. Как бывший питомец Кооперации РЭНД, он полагал, что все возможно, но не хотел тратить время на бессмысленные спекуляции. — Мы всегда можем запросить компьютер: у нас, очевидно, уже достаточно данных. Но не думаю, что это имеет большое значение с тех пор, как мы разделали и русских, и китайцев.

— Нам уже давно известно, что первыми начали китайцы, — заявил генерал Мак-Найт, вытирая пыль с очков носовым платком. Это был невысокого роста худощавый выпускник Военно-Воздушной Академии, — из того класса, который уже не пользовался шпаргалками на экзаменах, — почти лысый в свои сорок восемь лет; без очков он удивительно напоминал рака. — Они сбросили тридцать мегатонн на Формозу, якобы

в качестве эксперимента.

— Смотря что считать началом, — возразил Белг. — Такое уже было: ранг двадцать один, уровень четыре — локальная ядерная война. Только китайцев с китайцами.

— Но мы были связаны с ними договором, не так ли? — заметил Шатвье. — Президент Энью сказал в ООН: «Я — формозец».

— Это не имеет никакого значения, — сказал Белг с раздражением. Он считал, и не собирался скрывать свое мнение, что Шатвье хотя и выдающийся физик, но во всех остальных делах — совершенный олух. Во всяком случае, Белг встречал лучшие головы в кондитерской своего отца. — Эскалация конфликта приняла почти экзистенциальный характер примерно в течение последних восемнадцати часов. Вопрос В том, насколько далеко он зашел. Вполне возможно, что мы имеем лишь уровень шесть, центральную войну — может быть, даже не более чем Ранг тридцать четыре, вынужденная обезоруживающая атака.

— Вы считаете уничтожение Денвера вынужденным? — спросил генерал.

— Возможно. Они могли бы разделаться с Денвером одной боеголовкой, но вместо этого

выпустили по нему целую обойму. Значит, они целили в нас, а не в город. Наш ответный удар не мог быть превентивным, поэтому он был рангом ниже, что, как я надеюсь, они заметили.

— Они снесли Вашингтон, — вставил Шатвье, сложив толстые ладони. Когда-то он был худым, но после того, как стал консультантом правительственного уровня, потом разработчиком концепции массированного ответного удара и, наконец, популярной личностью, к его распухшему от мозгов лбу добавилось основательное брюшко, так что теперь он выглядел как карикатура на германского филолога прошлого столетия. Белг сам имел склонность к полноте, однако, боязнь мочекаменной болезни удерживала его на умеренной диете.

— Удар по Вашингтону, скорее всего, не был направлен против гражданского населения, — сказал Белг. — Правительство противника, естественно, становится целью номер один. Однако, генерал, все произошло так быстро, что едва ли кто из правительства имел шансы достичь убежищ. Теперь вы вполне можете стать президентом того, что еще осталось от Соединенных Штатов, и значит, вы можете вести новую политику.

— Верно, — согласился Мак-Найт. — Верно, верно.

— В таком случае, как только восстановится связь с внешним миром, мы должны выяснить некоторые факты. В частности, достигла ли эскалация максимального уровня: если да, то планета будет необитаемой. В живых останутся лишь те, кто, как мы, находится в укрепленных убежищах, и единственная политика, которая нам понадобится, будет заниматься расчетом количества консервированных бобов.

— По-моему, это слишком пессимистично, — возразил Шатвье, наконец поднявшись с кресла, в которое его усадили после неудачного падения. Оно было не очень удобным, но компьютерный зал, где они все находились в момент нанесения удара, не предназначался для комфортного отдыха. Шатвье заложил большие пальцы за лацканы своего лишенного знаков отличий пиджака и нахмурился.

— Земля — большая планета, и если мы не сможем заселить ее, наши потомки сделают это.

— Через пять тысяч лет?

— Вы предполагаете, что использовались углеродные бомбы. Такое грязное оружие уже устарело. Вот почему я так настаивал на селено-

вой цепи распада; все изотопы селена обладают высокой токсичностью, но у них очень короткое время полураспада. Селеновая бомба — самое гуманное оружие.

Шатвье физически не мог ходить, но он начал кое-как переступать с места на место, в очередной раз излагая одну из своих популярных журнальных статей. Белг принялся забавляться своими пальцами с нарочитым безразличием.

— Мне иногда приходит в голову, — продолжал Шатвье, — что открытие ядерного оружия предопределено свыше. Заметьте: естественный отбор перестал играть существенную роль для человечества, с тех пор как оно установило контроль над окружающим миром и начало заботиться о жизни своих слабых представителей, что дало возможность сохраняться дефектным генам. Поскольку естественный отбор прекратился, осталась единственная форма давления на вид — мутации. Искусственная радиоактивность, в том числе, конечно, и радиоактивные осадки могут явиться ниспосланным свыше путем восстановления эволюции человека… скажем, в направлении некоего высшего существа, которое мы даже не способны себе представить, или даже к некоему унитарному разуму, который будет

единым с Богом, как предсказывает Тейяр де Шарден… — В этот момент генерал заметил, чем занимается Белг.

— Факты — вот, что нам нужно, — сказал он. — Тут я согласен с вами, Белг. Но большая часть наших коммуникаций вышла из строя, и, возможно, компьютер тоже получил повреждения. — Он кивнул в сторону инженеров, которые суетились вокруг РАКДОМАКа. — Я, конечно, распорядился, чтобы им занялись.

— Вижу, но нам еще нужно выяснить наиболее важные вопросы. Продолжаются ли еще боевые действия? Если они закончились или, по крайней мере, приостановились, достаточно ли разумен противник, чтобы не возобновить их? И далее, каковы масштабы внешних разрушений? Для этого нам понадобятся визуальные данные — вероятно, некоторые спутники еще на орбите, но нам не помешали бы и съемки с более близкого расстояния, если сохранилось какое-нибудь местное телевидение.

— И если вы теперь Президент, генерал, готовы ли вы вести переговоры с сохранившимся противником в Советском Союзе и Народной Республике?

— В компьютере должны быть запрограм-

мированы возможные варианты действий в зависимости от той или иной ситуации, — ответил Мак-Найт. — Если машина будет пригодна только для игр, зачем тогда она нам? Или вы опять вводили меня в заблуждение?

— Разумеется, я не вводил вас в заблуждение. Меня не привлекают такие игры, где ставкой служит моя жизнь. Конечно, у нас есть альтернативные проекты, я сам разрабатывал большинство из них, хотя и не занимался программированием. Но никакая программа не способна учесть все факторы. Это дело руководителя. Программирование на машине возможных вариантов известных сражений, — к примеру, Ватерлоо без геморроя Наполеона или без героизма британских сквайров, — показало, что «предсказанные результаты» могут существенно расходиться с историческими. Компьютеры рациональны, люди нет. Вспомните Энью. Вот почему я задал вам свой вопрос, на который, кстати, вы еще не ответили.

Мак-Найт подобрался и снова надел очки:

— Я готов вести переговоры, — сказал он. — Со всеми. Даже с чинками.

2

Рима больше не существовало, как и Милана. А также Лондона, Парижа, Берлина, Бонна, Тель-Авива, Каира, Эр-Рияда, Стокгольма и многих менее известных городов. Кроме того, согласно данным, полученным со спутников, удлиненные сигарообразные облака радиоактивности вследствие вращения Земли перемещались главным образом в восточном направлении, поражая и союзников и противников. Подобные же облака, сея смерть, двигались из Европейской части СССР на Сибирь и Китай; из Китая — на Японию, Корею и Тайвань. После гибели Токио радиоактивные осадки выпали лишь над частью Тихого океана (очевидно, заразив его обитателей). Гавайи каким-то образом уцелели. Избежала прямого радиоактивного заражения и часть западного побережья Соединенных Штатов.

Это было просто удачей, потому что Лос-Анджелес, Сан-Франциско, Портленд, Сиэтл, Спокан — все пострадали так же, как и Денвер, Сент-Луис, Миннеаполис, Чикаго, Нью-Орлеан, Кливленд, Детройт и Даллас. При таких обстоятельствах едва ли не серьезное значение имело то, что Питтсбург, Филадельфия, Нью-Йорк, Сиракузы,

Бостон, Торонто, Балтимор, Вашингтон получили прямые попадания, поскольку даже без этих бомб восточная треть континентальных Соединенных Штатов осталась бы совершенно необитаемой в течение по крайней мере пятнадцати лет. В настоящий момент, во всяком случае, там бушевало огромное пламя, и в тех местах, где прежде были города, выявлялись лишь области повышений радиации. Северо-запад находился примерно в таком же состоянии, хотя на Западном побережье вообще упало гораздо меньше ракет. Конечно, небо над всем миром заволокло черным дымом, потому что леса Европы и северной Азии тоже пылали. За этой пеленой смерть продолжала свою неумолимую работу.

Такие данные удалось получить, конечно, лишь благодаря компьютерному анализу. Хотя на спутниках имелись телекамеры, они даже в ясный день не позволяли установить, осталась ли на Земле хотя бы разумная жизнь. Над Африкой, Южной Америкой, Австралией и американским юго-западом небо было чище, но эти регионы не представляли стратегического интереса — как и прежде.

Наземные телекамеры сохранились в основном лишь в тех районах, где, по-видимому, ничего

не происходило, хотя улицы городов опустели и немногие попавшие в объектив люди выглядели напуганными. Картины, полученные вблизи мест, подвергшихся бомбардировке, оказались фрагментарными, искаженными различными помехами и малопонятными — бессвязная последовательность образов, как в ранних сюрреалистических фильмах, где невозможно определить, что здесь пытался изобразить режиссер, некую историю или лишь психическое состояние.

Одинокий телеграфный столб, совершенно обгоревший; целый ряд таких столбов, вырванных из земли, но все еще соединенных проводами. Пустыня битого кирпича; посреди стоит железобетонная труба, почти невредимая, только поверхность немного попорчена жаром и песком, который нес ураганный ветер. Здания, все покосившиеся в одну сторону — очевидно, также от ветра. Остатки завода: несколько бывших зданий без крыш, без стен — одни кривые каркасы. Сгоревшие автомобили ровными рядами на стоянке, газохранилище, разбитое и сгоревшее несколько часов назад.

Стена железобетонного здания, без окон, потрескавшаяся и немного покосившаяся под действием ударной волны. Когда-то здание было

выкрашено в серый или другой темный цвет, но теперь краска облупилась; только в одном месте, где у стены стоял человек, она сохранилась — тень, которую уже никто не отбрасывает.

Тому испарившемуся человеку повезло. Здесь же стоял другой, оказавшийся в более прохладной зоне: очевидно, он посмотрел на вспышку, и его глаза превратились в темные впадины: он стоял, согнув ноги и немного отставив руки от туловища, напоминая пингвина; вместо кожи его обнаженное тело покрывала обуглившаяся корка, из трещин сочились кровь и гной.

Грязная оборванная толпа, мчавшаяся по дороге, заваленной камнями, завывая от ужаса, — хотя камера передавала только изображение: впереди всех — безволосая женщина с охваченной пламенем детской коляской. Человек, которому как будто срезало кожу на спине падавшими стеклами, терпеливо работал деревянной лопатой для снега возле огромной кучи битого кирпича. Судя по всему, здесь стоял большой дом…

Были и другие.

Шатвье произнес длинную фразу по-чешски. Тем не менее ее содержание казалось достаточно ясным. Белг пожал плечами и отвернулся от экрана.

— Довольно жутко, — сказал он. — Однако в целом разрушений меньше, чем можно было ожидать. Очевидно, мы имеем Ранг тридцать четыре — не выше. С другой стороны, похоже, основные военные объекты сохранились. Возможно, тут и есть какой-нибудь стратегический смысл, но я, признаться, его не вижу. Генерал?

— Абсурд, — отозвался Мак-Найт. — Явный абсурд. Никто не разгромлен полностью. И тем не менее боевые действия как будто закончились.

— У меня сложилось такое же впечатление, — согласился Белг. — Кажется, какого-то фактора не достает. Мы можем поставить задачу компьютеру найти аномалию. К счастью, она должна быть крупной, но, поскольку я не могу сказать машине, какого рода аномалию она должна искать, поиск займет много времени.

— Сколько? — спросил Мак-Найт, проводя пальцем за воротом рубашки. — Если чинки начнут опять…

— Примерно через час посла того, как я сформулирую вопрос и Чиф Хэй его запрограммирует; это займет, э-э, скажем, два часа минимум. Но я не думаю, что нам стоит беспокоиться о китайцах: согласно нашим данным, та первая тайваньская бомба — наибольшая из всех, которые они

взрывали, и, похоже, более крупной у них нет. Что касается остальных, то, как вы сейчас сами сказали, все каким-то образом остановилось. Нам очень важно знать, почему.

— Ладно, тогда приступайте.

Вместо двух часов программирование растянулось на четыре. Потом компьютер работал в течение девяноста минут, не выдавая никакого ответа. Чиф Хэй предусмотрительно запретил машине давать ответ «Данные недостаточны», поскольку новые данные приходили со все возрастающей скоростью, по мере того как восстанавливались внешние коммуникации; в результате компьютер резюмировал проблему каждые три-четыре секунды.

Мак-Найт использовал это время для того, чтобы отдать распоряжения о проведении ремонтных работ и оценке имеющихся ресурсов, а затем приступил к поискам — также через компьютер, но с использованием лишь двух процентов его мощности — кого-нибудь из высших руководителей, умудрившихся остаться в живых. Белг подозревал, что Мак-Найт действительно хотел их найти. Он мог быть генералом, но для него было бы затруднительно занять пост президента, даже при столь резко сократившемся населении

и упростившихся экономических и внешнеполитических проблемах. Приказать младшим офицерам, чтобы они приказали сержантам, чтобы те приказали рядовым заменить разбитые флуоресцентные лампы, — это он мог и сам. Но если бы понадобилось привести в полную боевую готовность и запустить ракеты или ввести в стране военное положение — тут он предпочел бы действовать по приказу свыше.

Сам же Белг скорее надеялся, что Мак-Найту не удастся найти персону более высокого ранга. Под руководством Мак-Найта Соединенные Штаты едва ли достигли бы впечатляющих результатов, но, с другой стороны, по-видимому, исключалась и возможность тирании. Кроме того, Мак-Найт очень зависел от своих гражданских советников, что сулило неплохие возможности. Оставалось только как-то избавиться от Шатвье.

Наконец зазвенел звонок компьютера, который стал печатать итоги. Белг начал читать с напряженным вниманием, а после первой страницы — с крайним изумлением. Когда вся бумажная лента вышла из принтера, он оторвал ее и бросил на стол, сказав Чифу Хэю:

— Задай вопрос еще раз.

Хэй вернулся к клавиатуре. Ему хватило десяти

минут, чтобы переписать программу. Через две с половиной секунды после того, как он кончил, машина зазвенела, и длинные тонкие металлические пластинки забарабанили по бумаге. Процесс распечатывания всегда напоминал Белгу игру на пианино наоборот, где ноты превращаются в удары по клавишам. Только здесь получались, конечно, не удары по клавишам, а строчки печатного текста. Почти сразу стало ясно, что результат совершенно идентичен предыдущему. Между тем за спиной у Белга уже стоял Шатвье:

— Ну-ка, посмотрим, — сказал чех.

— Пока нечего смотреть.

— Почему же нечего? Идет распечатка, не так ли? И еще одна копия у вас на столе. Необходимо немедленно поставить в известность генерала.

Он взял длинную гармошку бумаги и начал читать. Белг никак не мог этому воспрепятствовать:

— Машина печатает абсурд, и я не хотел бы отвлекать генерала такой чепухой. Вероятно, после бомбардировки что-то испортилось.

Хэй отвернулся от пульта.

— Я ввел тестовую программу сразу после налета, доктор Белг. Компьютер работал нормально.

— Да. Но теперь не работает. Введи еще раз

тестовую программу, найди неисправность и сообщи нам, сколько времени потребуется на ремонт. Если окажется, что нельзя доверять компьютеру, мы вообще останемся не у дел.

Хэй взялся за работу. Шатвье закончил чтение:

— Почему это абсурд? — спросил он.

— Совершенно невозможно — вот все, что я могу сказать. Прошло слишком мало времени. Если бы у вас было инженерное образование, вы бы поняли это сами. К тому же тут нет никакого смысла, ни военного, ни политического.

— Предоставим сделать вывод генералу.

Взяв ленту в охапку, Шатвье с торжествующим видом понес ее в кабинет к генералу, словно мальчишка, старающийся наябедничать директору школы о проступке своих товарищей. Белг пришел в ярость не только из-за бессмысленной траты времени; Шатвье вполне мог сказать Мак-Найту, что Белг не хотел докладывать о результатах анализа; но пока машина не исправлена, Белгу оставалось лишь следовать за Шатвье, чтобы объяснить свое поведение. Какого черта он научил чеха читать распечатки? Впрочем, их тесно связывала общая работа, и иного пути не было. Мак-Найт поначалу с большой подозрительностью относился к обоим. Шатвье

прибыл из страны с коммунистическим режимом, и он долго объяснял, что его предок был французом, и его фамилия — лишь транслитерация французского. А Белга служба безопасности перепутала с неким Иоганом Готфридом Юльгом, забытым литератором XIX века, который перевел Арджи Борджи Хан «Садхи Кур», а также «Сказки» и другие произведения русского фольклора, так что Белгу тоже пришлось испытать унижение и признать, что его имя на самом деле еврейский вариант немецкого слова, означающего «бурдюк». Под надзором Мак-Найта оба все еще подозрительнх гражданских специалиста должны были либо сотрудничать, ибо занять не слишком высоко оплачиваемые университетские осты Белг догадывался, что Шатвье такое положение вещей нравится не больше, чем ему самому, но его меньше всего интересовало, что нравится или не нравится Шатвье, черт бы его побрал.

Полученный ответ не представлял собой шедевра анализа. Машина просто распознала аномалии в одном из последних сообщений. Ее интерпретация заставила Белга сделать вывод о неисправности; в отличие от Шатвье, он имел большой опыт работы с компьютерами в РЭНДе

и знал, что если им не дать как следует прогреться или неправильно очистить от предыдущей программы, они могут выдавать совершенно параноидные фантазии.

В переводе с фортрана ответ гласил следующее: Соединенные Штаты подверглись не только ракетному удару, но и вторжению противника. Такое заключение было сделано на основании того, что спутник обнаружил в Мертвой Долине неизвестный объект (который еще вчера там отсутствовал), не являющийся естественным, и по своим размерам, форме и мощности напоминающий огромную крепость.

— Что уже не лезет ни в какие ворота, — добавил Белг после того, как дискуссия в кабинете Мак-Найта о возможности политической подоплеки загадочного феномена закончилась безрезультатно. — В случае воздушного десанта им пришлось бы доставать все материалы здесь. Если бы они приплыли морем, потребовалась бы перевозка грузов в глубь материка. В обоих случаях их действия не могли остаться незамеченными. И со стратегической точки зрения это чистое безумие: постройки типа крепости утратили свое значение с изобретением артиллерии, а самолеты сделали их бессмысленными.

Расположение такого объекта в Мертвой Долине означает, что он господствует над весьма незначительной территорией и должен испытывать большие проблемы со снабжением — с самого начала он оказывается в естественной ловушке. И, наконец, каким образом он вырос за ночь? Я хочу спросить вас, генерал, могли бы мы построить нечто подобное за такое короткое время, даже в мирных условиях и в самом благоприятном месте? Я думаю, не могли бы. А если не могли бы мы, значит, не мог бы никто.

Мак-Найт снял трубку и быстро переговорил с кем-то. Поскольку телефон имел глушитель, Белг не слышал, что говорит генерал, но догадался, куда он звонит.

— Чиф Хэй говорит, что машина в полном порядке и результат анализа идентичен предыдущим, — сообщил Мак-Найт. — Теперь, очевидно, дело за рекогносцировкой (он произнес слово правильно, а на фоне его калифорнийского акцента прозвучало это довольно искусственно). Есть ли такой объект в Мертвой Долине или нет? Поскольку спутник смог обнаружить его, он должен иметь гигантские размеры. Не менее двадцати трех миль — даже город Сан-Антонио останется незамеченным, если не знаешь, на что

смотришь.

Белг знал, что тут Мак-Найт говорит как специалист. До того как его назначили командующим стратегическим центром в Денвере, почти вся его служба была связана с различными аспектами воздушной разведки: даже подростком он участвовал в поисково-спасательных операциях Гражданского Воздушного Патруля, которые в то время особенно часто проводились во время пожаров и селей в районе Лос-Анжелеса.

— Я не сомневаюсь, что спутник обнаружил нечто, — сказал Белг. — Но он «видит», вероятно, лишь область высокой радиации, возможно, также готового излучения, а не оптический объект, тем более конструкцию. Мне кажется, речь идет об одной из разделяющихся боеголовок, которая сбилась с курса или была нацелена неточно с самого начала.

— Вполне вероятно, — согласился Мак-Найт. — Но к чему гадать? Очевидно, первым делом надо послать туда пикирующий бомбардировщик и получить фотографии и пентаграммы с малого расстояния. Примитивность сооружения, на что вы обратили внимание, похоже, указывает на китайцев, а у них нет радаров для малой высоты. С другой стороны, если самолет будет обстрелян,

мы также получим кое-какие данные о противнике.

Белг вздохнул про себя. Пытаться сбить МакНайта с его навязчивой идеи — напрасный труд. Но, может быть, в данном случае она не принесет вреда; во всяком случае, предложение весьма разумное.

— Хорошо, — сказал он. — Один самолет — небольшая ставка. У нас еще останется, что проигрывать.

3

Самолет никто не атаковал, однако не все прошло гладко. Ни фотограф, ни механик, занятые своими приборами, почти не увидели цели, и пилот по той же причине видел не многим больше.

— Адская качка, — сообщил он на опросе после полета, происходившем за тысячу миль от Мертвой Долины, под Денвером. — А в районе объекта сильный восходящий поток, как было в Нью-Йорке, только похуже.

Но штурман, выполнив свою работу, от нечего делать посмотрел в иллюминатор и впал в шоковое состояние. Это был смуглый молодой парень из Чикаго, который выглядел так, будто его взяли в армию прямо из мафиозной семьи, но теперь

он не мог сказать ничего кроме одной фразы, которая никак не шла дальше первого слога: «Дис… Дис…» Позднее он оправился от шока и смог рассказать об увиденном. Но пока что от него было мало толку.

Однако фотографии оказались достаточно четкими, кроме инфракрасных, которые не дали практически никакой информации. Сооружение имело форму правильного кольца, окруженного рвом, который — что казалось немыслимым в Мертвой Долине — был наполнен, хотя и черной, но, по-видимому, настоящей водой. От воды шел пар, тут же рассеиваясь в совершенно сухом воздухе. Сама конструкция представляла собой широкую стену, окружавшую участок земли добрых пятнадцати миль диаметром. Стена регулярно прерывалась башнями и другими постройками, — некоторые из них напоминали мечети. Все это ярко сияло, словно состояло из раскаленного докрасна железа, и спектрограф показал, что именно так оно и есть.

За стеной, как в лунном кратере, шли ряды террас. Первую, расположенную на уровне земли, усеивали небольшие прямоугольные предметы, которые, судя по данным спектографа, также состояли из раскаленного железа. Следующую

террасу окаймляло нечто вроде еще одного рва, кроваво-красного и широкого, как река. За ней — что казалось еще более странным — начиналось кольцо густого леса такой же ширины, как река, переходившего далее в кольцо песков.

В лунном кратере здесь начинались бы предгорья центрального пика. Но на снимках вместо этого в центре сооружения зияла колоссальная черная дыра. Река прорезала с одной стороны лес и песчаную пустыню и огромным водопадом низвергалась прямо в дыру; здесь тьма смешивалась с туманом, и видимость сводилась к нулю.

— Что вы там говорили о постройке крепости за одну ночь, Белг? — мрачно усмехнулся генерал. — Никакая человеческая сила не способна сделать это!

— Никакая человеческая сила тут не действовала, — глухо проговорил Шатвье. Он обернулся к адъютанту, который принес фотографии, совсем молодому полковнику с коротко остриженными светло-русыми волосами, белым лицом и дрожавшими руками:

— Есть какие-нибудь крупные планы?

— Да, доктор. На самолете установлена автоматическая камера, которая снимала непрерывно. Вот один из лучших снимков.

Снимок, действительно, был превосходный. Нечто вроде высоких ворот замка в лучшем средневековом стиле. На стенах толпятся сотни темных фигур, три из которых, стоящие над самими воротами, смотрят вверх на самолет и видны с поразительной ясностью. Это гигантские обнаженные женщины с растрепанными, толстыми, как веревки, волосами и вытаращенными в безумной ярости глазами.

— Я так я думал, — кивнул Шатвье.

— Вы знаете их? — удивленно спросил Белг.

— Нет, но я знаю их имена: Алекто, Мегера и Тисифона.

— Хорошо, что среди нас есть, по крайней мере, один человек с европейским образованием. Я полагаю, наш расстроенный друг, штурман, — католик. Или был им. Во всяком случае, он совершенно прав: это Дис, крепость, окружающая Нижний Ад. А отсюда, очевидно, следует, что остальная часть Земли теперь является Верхним Адом, не только в переносном, но и в буквальном смысле.

— Очень интересно, — язвительно заметил Белг. — Неплохо будет, если хотя бы один из нас не потеряет головы. Меньше всего нам теперь нужно впадать в предрассудки.

— Если увеличить фотографию, я думаю, будет видно, что на головах у этих женщин на самом деле не волосы, а живые змеи. Не так ли, полковник?

— Э-э… доктор… похоже на то.

— Конечно. Это Фурии, которые стерегут врата Диса. Они — хранительницы Медузы Горгоны, которой, слава Богу, нет на снимке. Ров — не что иное, как Стикс: на первой внутренней террасе находятся горящие гробницы Ересиархов, а на следующей мы имеем реку Флегетон, Лес Самоубийц и Проклятый Песок — на него должен постоянно падать огненный дождь, но, я думаю, он не виден при солнечном свете. Мы также не можем видеть того, что расположено внизу, но вероятно, и там все точно соответствует описанию Данте. Толпа на башне над подъемным мостом состоит из демонов, не так ли, полковник?

— Сэр, мы не можем сказать, кем они являются. Мы предполагали, что они пришельцы с Марса или еще откуда-нибудь. Но у них у всех различная внешность.

Белг почувствовал, как по спине побежали мурашки.

— Я отказываюсь верить в эту галиматью, — заявил он. — Шатвье просто интерпретировал

факты, основываясь на своем бессмысленном «образовании». Даже марсиане кажутся меньшим абсурдом.

— Что известно об этом Данте? — осведомился Мак-Найт.

— Итальянский поэт тринадцатого века…

— Начала четырнадцатого, — поправил Шатвье. — И не просто поэт. У него было видение Ада и Небес, благодаря чему он создал величайшую из когда-либо написанных поэм — «Божественную Комедию». Все, что мы видели на этих снимках, точно соответствует ее восьмой и девятой песням.

— Белг, постарайтесь найти экземпляр этой книги и заложите в компьютер, — распорядился Мак-Найт. — Сначала мы должны установить, действительно ли соответствие так точно. А потом уже можно будет думать о его значении.

— Компьютер, наверно, уже содержит ее в своей памяти, — сказал Белг. — Вся библиотека Конгресса и наша записаны на микрофильмах, — для самих книг у нас здесь не хватило места. Достаточно будет сказать Чифу Хэю, чтобы он включил в решаемую проблему новую информацию. Но я по-прежнему считаю это абсурдом.

— Нам нужно мнение компьютера, — заявил

генерал. — Ваше, как оказалось, не так уж надежно.

— И еще одно, — добавил Шатвье, быть может, с несколько меньшим самодовольством, чем ожидал Белг. — Пусть Чиф Хэй включит в проблему все, что имеется в библиотеке о демонологии. Возможно, это нам понадобится.

Пожав плечами, Белг покинул кабинет: в компании сумасшедших… нормальным не останешься.

Всего несколько секунд потребовалось компьютеру, чтобы дать ответ:

> «Древние тексты и произведения художественной литературы, привлеченные к решению проблемы, противоречат друг другу. Однако новые фактические данные точно соответствует некоторым из них, и приблизительно — большинству. Предположение о том, что сооружение в Мертвой Долине создано русскими, китайцами или какими-нибудь другими людьми, имеет наименьший уровень вероятности и может быть исключено из рассмотрения. Межпланетная гипотеза немного более вероятна. Вторжению с

Венеры соответствуют некоторые фактические данные, такие, как огромная жара и наличие аномальных форм жизни, однако данная гипотеза не совместима с большинством архитектурных и других исторических деталей, а также с указанным уровнем технологии. Вероятность того, что сооружение в Мертвой Долине есть город Дис и что его внутренняя область является Нижним Адом, равна 0,9 при уровне значимости в 5 процентов, и, таким образом, эта гипотеза должна быть принята. Отсюда первое следствие: вероятность того, что только что закончившаяся война представляла собой Армагеддон, равна 0,9 при том же уровне значимости. Второе следствие — вероятность того, что силы Бога потерпели поражение в этой войне и что поверхность земли слилась с Верхним Адом, равна 0,999 при том же уровне значимости.»

— Ну что ж, это значительно проясняет ситуацию, — сказал Мак-Найт.

— Но, черт возьми! — такого просто не может

быть! — воскликнул Белг в отчаянии. — Ладно, допустим, компьютер работает нормально, но ведь у него нет разума. Теперь он выдает только естественные следствия введенных в него средневековых суеверий.

Мак-Найт уставил свои рачьи глаза на Белга:

— Вы видели снимки. Они получены не из компьютера, не так ли? И не из старинных книг. Я думаю, нам лучше не лезть на рожон и решить, что делать дальше. Мы еще должны думать о Соединенных Штатах. Доктор Шатвье, у вас есть предложения? Это был плохой знак. Мак-Найт использовал почтительное обращение к одному из них только для того, чтобы показать свое нерасположение к другому, — хотя Белг и так уже не сомневался в своей опале.

— Я все еще в большом сомнении, — скромно начал Шатвье. — Прежде всего, если произошел Армагеддон, нас всех должны были призвать на суд; и в пророчестве явно ничего не говорится о победивших демонах, разбивающих лагерь на поверхности Земли. Если компьютер во всем прав, тогда либо Бог умер, как сказал Ницше, либо, как иногда острят, Он жив, но не хочет вмешиваться. В любом случае, я думаю, нам лучше не привлекать к себе внимание. Мы ничего не можем

сделать со сверхъестественными силами; и если Он еще жив, битва, возможно, еще не кончилась. Здесь, я надеюсь, мы в относительной безопасности, и нам не стоит лезть в самое пекло.

— Вот тут вы заблуждаетесь, — энергично возразил Белг. — Представим на минуту, что эта фантазия отражает истинное положение вещей, — иными словами, что демоны оказались реальными и находятся в Мертвой Долине.

— Я не знаю, что можно считать «реальным» в данном контексте, — заметил Шатвье. — Их, конечно, можно видеть, но они, определенно, не принадлежат к тому же порядку реальности…

— Этот вопрос мы не можем сейчас обсуждать, — перебил Белг. Он очень хорошо знал, что вопрос, который поднял Шатвье, достаточно серьезен, Белг и сам был радикальным позитивистом. Но такие разговоры могли лишь сбить с толку Мак-Найта, а дело требовало сохранения определенности независимо от того, имело ли оно само какую-либо определенность или нет. — Видите ли, если демоны реальны, тогда они занимают пространство — время в реальной Вселенной. А это означает, что они существуют в некой энергетической системе Вселенной. Пусть они гуляют по раскаленному докрасна железу

и живут с удобством в Мертвой Долине; это не более сверхъестественно, чем обитание бактерий в кипящих водах вулканических источников. Тут речь идет всего лишь о приспособлении. Но тогда мы можем узнать, что представляет собой энергетическая система демонов. Мы можем проанализировать ее работу, а после этого — атаковать их.

— Может быть, — кивнул Мак-Найт.

— Прошу прощения, — сказал Шатвье. — Но я думаю, мы должны действовать чрезвычайно осторожно. Тот, кто не воспитан в этой традиции, не представляет себе всех возможных опасностей. Я сам уже плохо помню…

— К черту ваше воспитание, — огрызнулся Белг. Но он и сам мог кое-что припомнить: безграничное гетто вдоль Ностранд Авеню; бородатые хасиды в меховых шапках и длинных одеяниях, гуляющие парами под облетающими вязами Гранд Сентрал Паркуэй; страх перед бандами подростков в темных тоннелях; бесконечные казуистические споры о мифах Талмуда и Мидрашима в душной шуле; женщины с двойными блюдами, спешившие подкормить своих нерадивых

школяров; запах кошера[36], почти зловоние, по сравнению со всеми остальными американскими запахами; мать, грезившая тем, что Ханксли по милости Божьей также суждено стать святым человеком; и когда вместо этого он открыл для себя радости и печали земного мира, убежав от меховых шапок, запаха фаршированной рыбы и изнуренных любящих женщин, — страх перед гневом завистливого Бога. Но все это было много лет назад, и больше уже не вернется: он не допустит.

— О чем вы говорите? — осведомился Мак-Найт. — Будем ли мы что-нибудь делать или нет и, если будем, что именно? Переходите к делу.

— С моей точки зрения, — сказал Шатвье, — если вся демонология действительно имеет место или, иными словами, истинна, тогда истинны и христианские мифы, хотя не все точно соответствует предсказанию. А отсюда следует, что существует такая вещь, как бессмертная душа, или, может быть, следует сказать, что мы имеем бессмертную душу и должны принять ее к сведению, прежде чем совершать поспешные действия.

---

[36] Примечания: 36
Пища, приготовленная по еврейским религиозным обычаям.

Похоже, забрезжил какой-то свет. Белг почувствовал большое облегчение. Христианские мифы не имели к нему отношения, по крайней мере, прямого. И если они рассматривались лишь как правила некой игры, он ничего не имел против.

— Но в таком случае, — возразил он, — я не думаю, что у нас есть возможность остаться посередине. Правила игры требуют, чтобы мы встали на ту или иную сторону.

— Вот это правильно, черт побери, — оживился Мак-Найт. — И, в конце концов, наше дело правое. Не мы начали войну, а чинки.

— Именно так, — подтвердил Белг. — Нас вынудили к самообороне. И я полагаю, сейчас не время думать о том, что с нами произойдет в загробной жизни, о которой мы не имеем сведений, — пока мы еще живем здесь, рано считать, будто все кончено. Может быть, эта война и метафизическая. Но мы по-прежнему живем в некой физической Вселенной. Рациональная Вселенная расширилась, но не исчезла. Так давайте узнаем о ней больше.

— Хорошо, — сказал Мак-Найт. — Но как? Я спрашиваю и не могу добиться от вас ничего, кроме философских рассуждений. Какие действия

вы предлагаете?

— У нас еще остались ракеты?

— Вероятно, около дюжины пяти- и десятимегатонных и, конечно, старушка Момби.

— Белг, вы сошли с ума, неужели вы хотите предложить?..

— Подождите минутку, дайте мне подумать…

«Старушка Момби» представляла собой комплексный носитель с пятью стомегатонными боеголовками, каждая из которых могла сделать непригодной для жизни даже Луну. Такое оружие в настоящей ситуации конечно, не требовалось. Лучше придержать ее в резерве.

— Я думаю, мы должны провести одну небольшую акцию в Мертвой Долине. Вреда от этого будет, скорее всего, немного, а то и вовсе никакого, но мы получим кое-какую информацию. Когда облако поднимется, можно будет определить радиологические, химические и прочие характеристики объекта, а остальное уже дело компьютера. Эти демоны вторглись в реальный мир, и если мы можем их видеть и фотографировать, значит, теперь они обладают некоторыми из его свойств. Посмотрим, как они поведут себя, когда их припечет посильнее, чем раскаленным железом. Даже если они только немного вспоте-

ют, мы сможем проанализировать и это!

— А что если они определят, откуда запущена ракета? — спросил Шатвье, но по выражению его лица Белг понял, что у чеха уже не осталось других аргументов.

— Тогда, наверное, нам конец. Но взгляните на их крепость. Едва ли они имели дело с настоящими боевыми действиями за последние шесть веков. Конечно, они обладают различными сверхъестественными силами, но им еще много предстоит узнать о естественных! Может быть, они еще до сих пор не встречали достойного противника, — и если Армагеддон еще не закончился, небольшое выступление на стороне нашего Создателя нам не помешает. Если Он еще с нами и всерьез заинтересован в победе, бездействие с нашей стороны принесет нам неприятности в дальнейшем, разумеется, если Он, в конце концов, победит. А если Его больше нет с нами, тогда мы должны, как говорится, помочь себе сами.

— Приступайте, — сказал генерал.

Белг кивнул и вышел из кабинета, отправившись на поиски Чифа Хэя. Он чувствовал, что в основном сумел восстановить свой престиж.

4

Позитано смыло гигантской волной, однако остатки палаццо Уэра все еще стояли на вершине утеса, словно древнеримские развалины.

В бывшей трапезной обвалился потолок, и розовая штукатурка разбила посуду У эра и засыпала диаграммы, оставшиеся после последнего обряда. Сверху еще продолжали сыпаться черепки и прочий мусор, поднимая облака едкой пыли навстречу теплому апрельскому радиоактивному дождю.

Уэр сидел на остатках алтаря среди разрушенных стен. Он испытывал очень сложные чувства, которые не мог бы объяснить даже самому себе. После стольких лет обучения суровой, не допускающей эмоций ритуальной магии казалось странным, что он способен вообще иметь какие-то чувства, кроме жажды знания. Теперь ему приходилось вновь познавать забытые ощущения, потому что его книга знаний, ради которой он продал душу, оказалась погребенной под тоннами грязи.

В некотором смысле он теперь стал свободным. После того как шок от удара цунами прошел и падали лишь отдельные куски штукатурки, Уэр,

выбравшись из груды мусора, сразу направился к двери и вышел на лестницу, которая вела вниз в спальню. Но уже ниже третьей ступени всю лестницу заполняла вязкая грязь, морщившаяся и оседавшая по мере того, как из нее выходила вода. Книга Уэра осталась где-то внизу, и ей предстояло через много веков превратиться в окаменелость. «Ну и что, — думал он, — жизнь еще не кончилась. Разве нельзя начать все сначала?» Теперь вновь, все, что оказалось ложным, стерто, все мертвые знаки могут быть отвергнуты или возрождены. Немногим людям дано пройти через такое очищающее испытание, как полный крах всех замыслов.

Но потом он понял, что это тоже иллюзия. Он не освободился от прошлого, которое неумолимо диктовало свою волю. В любой момент мог явиться Козел Саббата. Уэр закрыл дверь на лестницу и, задумчиво дуя в белые усы, вернулся в лабораторию.

Отец Доменико уже устал — нельзя сказать определенно, что он потерял терпение — и от ожидания, и от бесплодных дискуссий о том, когда они придут и придут ли вообще, и он решил попытаться дойти до Монте Альбано и посмотреть, что осталось от школы белых магов. Бэйнс

по-прежнему сидел в лаборатории, пытаясь узнать какие-нибудь новости с помощью маленького транзисторного приемника, который он так жадно слушал вчера, когда начали приходить сообщения о первых драматических последствиях Черной Пасхи, устроенной по его заказу Уэром. Однако теперь Бэйнс мог слышать лишь атмосферные помехи и изредка отдаленные голоса, говорившие на неведомых языках.

Здесь же находился и Гинзберг, как обычно, аккуратно одетый и потому выглядевший наименее пострадавшим из всех троих. Когда вошел Уэр, Бэйнс сунул приемник своему секретарю и направился к магу, проклиная попадавший под ноги мусор.

— Нашли что-нибудь?

— Кажется, я не лишился памяти, — ответил Уэр. — Несомненно, я еще способен заниматься магией, если достану из-под этого мусора свои инструменты. Другое дело, могу ли я работать. Условия резко изменились, и я даже не представляю себе, в какой степени.

— Ну, вы могли бы, по крайней мере, вызвать какого-нибудь демона и попытаться получить от него информацию. Похоже, больше спрашивать не у кого.

— Я вижу, мне придется говорить прямо. В настоящий момент я совершенно лишен возможности совершать магические действия, доктор Бэйнс. Очевидно, вы опять упускаете суть проблемы. Условия, на которых я вызывал демонов, утратили силу — я больше не могу ничего сделать для них; они теперь, очевидно, сами владеют большей частью мира. Если я попытаюсь вызвать их в такой ситуации, вероятно, ни один из них не ответит — и это, возможно, даже будет к лучшему, потому что я уже не в силах их контролировать. Они состоят почти из одной ненависти ко всем не-Павшим и всем, кто еще может быть спасен; но больше всего они ненавидят бесполезные орудия.

— Мне кажется, даже теперь мы все не так уже бесполезны, — сказал Бэйнс. — Вы говорите, что демоны овладели большей частью мира, но также очевидно, что они пока не овладеют им всем. Иначе Козел вернулся бы, как обещал, и мы были бы в Аду.

— Ад состоит из многих кругов. Вероятно, мы уже находимся на пороге первого — в Преддверии Бесполезности.

— Мы были бы гораздо глубже, если бы демоны контролировали ситуацию или если бы суд над

нами уже закончился.

— Тут вы, несомненно, правы, — согласился Уэр, немного удивленный. — Но, в конце концов, им некуда торопиться. В прошлом мы могли бы спастись, покаявшись в последнюю минуту. Но теперь Бога нет и обращаться не к кому. Они заберут нас, когда захотят.

— Здесь я склонен согласиться с отцом Доменико. Мы не знаем этого наверняка: нам просто сказал Козел. Я признаю, что другие факты как будто говорят о том же; но все-таки он мог и наврать.

Уэр задумался. Дело тут, конечно, не во внешних обстоятельствах; они, несомненно, ужасны: ни один человек не способен справиться с ними, — и все-таки не выходят за пределы человеческого воображения. Это более или менее предсказуемые последствия Третьей мировой войны, которую Бэйнс сам активно подготавливал, до того как стал проявлять интерес к черной магии. С теологической точки зрения тут также нет ничего необычного: новая, но не существенно измененная версия Проблемы Зла, древнего вопроса о том, почему добрый и милосердный Господь допускает столько страданий невинных. Значения параметров немного изменились, но

фундаментальное уравнение осталось прежним.

Тем не менее торговец оружием совершенно прав — так же, как и отец Доменико, — в том, что у них пока нет достоверной информации по самому важному вопросу.

— Мне бы не хотелось питать на этот счет какие-то иллюзии, — медленно проговорил Уэр. — Но с другой стороны, как известно, разочарование в Боге — тяжелейший грех. Что вы имеете в виду конкретно?

— Конкретного — пока ничего. Но допустим на минуту, что демоны еще не получили полную свободу действий — я, конечно, понятия не имею, чем она может быть ограничена — и что, следовательно, битва еще не завершена. В таком случае они могли бы воспользоваться чьей-нибудь помощью. Суда по тому, как много им уже удалось, в конце концов, они, скорее всего, победят, — и по своему опыту я знаю, что лучше всего оказаться на стороне победителей.

— Легкомысленно считать, будто триумф зла может принести кому-то выгоду. Зло просто бессмысленно, если ему не противостоит добро. Вы намереваетесь совершить последний шаг от Бога — это даже хуже, чем манихейство, это уже чистый сатанизм. Я общался с демонами,

но никогда не поклонялся им и не хочу теперь начинать. Кроме того…

Внезапно из радиоприемника послышался резкий пронзительный звук, затем последовала немецкая речь. Уэр слышал голос достаточно хорошо, чтобы уловить сильный швейцарский акцент, но недостаточно хорошо, чтобы понять смысл. Он и Бэйнс сделали шаг к Гинзбергу, который слушал с напряженным вниманием и сделал им знак не двигаться.

Речь была прервана еще одним пронзительным звуком, после чего возобновились щелчки, треск и шум, словно от водопада.

— Это было «Радио Цюрих», — сказал Гинзберг. — В Штатах произошел взрыв водородной бомбы, в Мертвой Долине. То ли возобновилась война, то ли какая-то боеголовка взорвалась с запозданием.

— Хмм, — пробормотал Бэйнс. — Лучше уж второе, чем первое… хотя, если подумать, тут могут быть некоторые основания для оптимизма. Но пусть выскажется доктор Уэр, вы не закончили?

— Я хотел добавить лишь одно: в данной ситуации практически невозможно оказать помощь демонам. Они подняли оружие против всех, живущих на Земле, и мы не в состоянии помочь

им перенести их войну на Небеса, если от Неба вообще что-нибудь осталось. Кое-кто из школы отца Доменико, вероятно, сумел бы проникнуть в аристотелевы сферы, — в чем я сомневаюсь, — но у меня это точно не получится.

— Последний взрыв наводит на мысль, что кто-то еще сражается, — заметил Бэйнс. — Если, конечно, это не какой-нибудь случайный взрыв. Мне кажется, что там действует Стратегическая Воздушная команда, вероятно, они обнаружили настоящего врага. У них есть под Денвером лучший в мире центр машинной обработки данных, и, кроме того, у Мак-Найта первоклассные помощники, в том числе и сам Джеймс Шатвье, и человек из РЭНДа, которого я пытался переманить к себе.

— Я пока не понимаю, причем здесь мы.

— Мы с Мак-Найтом хорошо знаем друг друга. Ом помог мне получить кое-какие заказы в министерстве обороны, и я собирался сделать его президентом «Консолидейтед Варфэр Сервис», о чем ему хорошо известно. Он прекрасно разбирается в своей области воздушной разведки, но иногда бывает чересчур прямолинеен. Если он бомбит демонов, я, вероятно, мог бы убедить его прекратить это.

— Возможно, — проговорил Уэр. — Но как вы доберетесь туда?

— «Радио Цюрих» еще действует. Значит, скорее всего, действует и их аэропорт. Джек может вести самолет, если понадобится, но, вероятно, в этом не будет необходимости: у нас есть большой офис в Цюрихе — фактически наша главная штаб-квартира, и я имею доступ к двум счетам в швейцарском банке, моему собственному и компании.

Мне лучше воспользоваться этими деньгами, пока какой-нибудь ловкач не сообразит занять хранилище с двадцатью тысячами ящиков консервированных бобов для своей семьи.

«Пожалуй, его план не лишен достоинств», — подумал маг. По крайней мере, можно будет избавиться, хотя бы временно, от Бэйнса, общество которого уже начало утомлять Уэра, а также от Джека Гинзберга, вызывавшего у Уэра отвращение. Тогда, конечно, рядом с ним не окажется ни одной живой души, если Козел все-таки явится сюда: однако это волновало Уэра меньше всего; за многие годы он прекрасно усвоил, что в момент решающей схватки каждый человек остается в одиночестве, особенно маг.

Может, в глубине души он уже думал, что в

конце концов сделает последний шаг к сатанизму, но, по крайней мере пока успешно подавлял подобные мысли. Сам он еще ничего не решил, только согласился с тем, чтобы Бэйнс и Гинзберг отправились к человеку, которого он не знал, и посоветовали ему не совершать действий, не имевших уже никакого значения…

После их ухода он, очевидно, сможет все как следует обдумать. У него оставалась еще крохотная надежда, несомненно, тщетная; но теперь он хотел уделить ей больше внимания. Если действовать правильно, можно еще смешаться со множеством тех ангелов, которые не участвовали в мятеже, но и не остались верными Богу и о которых сказано, что «пропасть Ада их не принимает, иначе возгордилась бы вина»[37].

5

Отец Доменико ощутил пробуждение надежды, когда, к своему удивлению, обнаружил, что Монте Альбано нисколько не пострадало. Как прежде, высились стены, возведенные в XI веке И затем перестроенные после землетрясения

[37] Примечания: 37

Данте Алигьери «Божественная комедия», «Ад», песнь III (пер. Лозинского).

аббатом Джорджио, который впоследствии стал Папой Иоганном Двенадцатым; и как прежде, попасть в монастырь можно было лишь на муле, на поиски которого отец Доменико затратил больше времени, чем на весь путь от Позитано. Однако в конце концов ему это удалось, и он вновь оказался в прохладных стенах библиотеки со своими собратьями, белыми монахами.

Здесь находились почти все те маги, которые встретились зимой, чтобы попытаться воспрепятствовать осуществлению намерений Терона Уэра и его клиента: отец Ампаро, отец Умберто (настоятель) и все остальные монахи ордена, а также отец Учелло, отец Бушер, отец Ванче, отец Ансон, отец Селани и отец Ателинг. По-видимому, гости продолжали оставаться в монастыре после зимнего собрания. Отец Розенблюм скончался; его место занял бывший ученик отца Доменико Джоаннес, который, несмотря на свои семнадцать лет, выглядел теперь уже совершенно взрослым. Конечно, они очень нуждались в помощи, и отец Доменико без ложной скромности мог сказать, что Джоаннес хорошо обучен.

После торжественной и радостной церемонии встречи выяснилось, что дискуссия — как можно было ожидать, — продолжалась уже несколько

часов и представляла собой лишь другую версию дискуссии, проходившей в Позитано: каким образом Монте Альбано уцелело в мировой катастрофе и что это означает? Но к такому варианту дискуссии отец Доменико присоединился с гораздо большей охотой.

И, очевидно, он мог придать ей некое новое направление; поскольку их Видящий, монах-отшельник отец Учелло, в значительной степени утратил свой дар из-за близости такого большого количества умов; белые монахи имели лишь самое общее представление о том, что происходило в палаццо Уэра, а дополнительные мирские новости не отличались достоверностью. Отец Доменико вкратце рассказал о последнем заклинании; однако его коллеги уже в достаточной степени представляли себе всю серьезность ситуации, и рассказ сопровождался лишь незначительным количеством возгласов ужаса.

— Всего, — заключил он, — в результате этой церемонии было выпущено из Преисподней сорок восемь демонов, и У эр приказал им вернуться на рассвете. Когда стало очевидно, что дело совершенно вышло из-под контроля, я на основании Соглашения потребовал от Уэра вызвать их раньше назначенного срока; он согласился и

попытался вызвать Люцифуге Рофокале; но на зов явился сам Пут Сатанахиа. Когда я попытался изгнать это отвратительное чудовище, распятие взорвалось в моей руке, и тогда монстр объявил нам, что Бог умер и силы Ада одержали окончательную победу. Козел обещал вернуться на рассвете за всеми нами — за всеми, кроме второго помощника Бэйнса, доктора Гесса, которого Бафомет проглотил, когда тот поддался панике и покинул круг. Однако Козел не вернулся, и я покинул палаццо и поспешил в Монте Альбано.

— Помните ли вы имена и титулы всех сорока восьми? — спросил отец Ателинг, голос которого дрожал от дурных предчувствий больше обычного.

— Думаю, что да, то есть мог бы вспомнить; ведь я видел их всех своими глазами, а такое зрелище нелегко изглаживается из памяти. Во всяком случае, если бы я пропустил некоторых, — что маловероятно, — их можно было бы выявить под гипнозом. Но позвольте спросить, отец Ателинг, какое это имеет значение?

— Просто всегда полезно знать природу и количество сил врага.

— Но не после того, как он уже опустошил страну, — возразил отец Ансон. — Если битва и война

уже проиграны, нам придется бороться со всеми — не только с семьюдесятью двумя князьями, но и с остальными падшими ангелами. Это будет ближе к семи с половиной миллионам, чем к сорока восьми.

— Семь миллионов, четыреста пятнадцать тысяч, девятьсот двадцать шесть, — уточнил отец Ателинг.

— Как ни прячутся безумцы, подобные крабьим клешням опасные люди, стоящие на мостах, — неожиданно произнес нараспев отец Селани. Как всегда, смысл его изречений мог открыться лишь после длительных мифологических и фольклорных изысканий. Бесполезно было также просить его дать разъяснения; такие фразы просто приходили к нему, и он понимал их не больше, чем слушатели. «Если Бог и в самом деле умер, — мелькнуло в голове отца Доменико, — кто же внушает их теперь?» Но он отбросил эту мысль как совершенно бесполезную.

— Огромные силы зла сосредоточились сейчас на другом конце света, — сообщил отец Учелло. — Я чувствую сильное угнетение — не такое, как обычно исходило от Нью-Йорка или Москвы, — но как будто собрались сразу много демонов. Извините, братья, я не в силах сказать

более определенно.

— Мы знаем, что вы делаете все, что в ваших силах, — мягко сказал настоятель.

— Я тоже чувствую их, — заявил отец Монтейн, который, хотя и не был видящим, однако имел некоторый опыт общения с мятежными духами. — Но даже если нам не придется бороться со столь огромным количеством, как я всей душой надеюсь, мне кажется, что и сорок восемь — слишком большое для нас число. Расторжение Соглашения не оставляет нам даже выбора.

Отец Доменико заметил, что Джоаннес пытается привлечь внимание настоятеля, однако слишком робко, чтобы произвести какое-нибудь впечатление. Отец Умберто еще не привык воспринимать Джоаннеса всерьез. Поймав взгляд юноши, отец Доменико слегка кивнул.

— Я никогда не понимал смысла Соглашения, — сказал ободренный бывший ученик. — Я не понимал, почему Господь пошел на такой компромисс. Даже в случае с Иовом Он не вступал в сделку с Сатаной, но лишь позволил ему бесконтрольно действовать некоторое время. И я ни разу не встречал в Писаниях упоминания о Соглашении. Каковы же его условия?

Отец Доменико нашел вопрос Джоаннеса до-

статочно серьезным, хотя и не совсем уместным, однако воцарившаяся неловкая тишина свидетельствовала, что остальные не разделяли такого мнения. Наконец молчание нарушил отец Монтейн, чье поразительное терпение стало притчей во языцех.

— Я, конечно, недостаточно сведущ в Канонических Писаниях, не говоря уже о духовных соглашениях, — начал он явно с чрезмерной скромностью, — но, насколько мне известно, Соглашение — не более чем особый случай принципа свободы воли. Ответственность человека за совершенные поступки возможна благодаря тому, что, даже имея дело с нечистой силой, он, во-первых, не может быть подвергнут искушению, которому не в силах противостоять, и, во-вторых, он не может попасть на Небеса, не подвергнувшись предельно сильному искушению. В случае Трансцендентальной или ритуальной магии Соглашение является разграничительной линией. Где найти его точные условия, я не знаю; сомневаюсь, что они вообще когда-либо записывались. Вспомним, как долго пытались понять радугу — то же Соглашение. Когда появилось объяснение, оно ничего не объяснило, только показало, что каждый человек видит свою собственную радугу,

а явление, появляющееся на небе, — всего лишь оптическая иллюзия, но отнюдь не теоморфизм. Природа Соглашения такова, что его условия меняются в каждом индивидуальном случае, и если вы не способны определить, где она пробегает, — разграничительная линия, — тогда горе вам, но ничего тут не поделаешь.

«Господи, — подумал отец Доменико, — всю жизнь я был поклонником Роджера Бэкона, и ни разу мне не приходило в голову, почему он в своей «Перспективе» сосредоточил внимание на радуге. Будет ли у меня еще время прочитать об этом? Хорошо, что мы никогда не пытались сделать Монтейна настоятелем: мы потеряли бы его, как отца Умберто…»

— Кроме того, возможно, оно еще существует, — добавил отец Бушер. — Как уже указал отец Доменико самому Терону Уэру, мы слышали о якобы имевшей место смерти Господа лишь из уст самого ненадежного свидетеля. К тому же это утверждение содержит множество несообразностей. Когда произошла предполагаемая смерть Бога?

Если еще во времена Ницше, почему Его ангелы и вестники света явно ничего об этом не ведали? Неразумно предполагать, будто они сохраняли

видимость существования Небес, когда битва была уже проиграна; это противоречило бы самому устройству Небес. Абсолютная и бессрочная монархия должна тут же рухнуть после смерти монарха, и тем не менее мы не наблюдали никаких признаков ее крушения вплоть до кануна последнего Рождества.

— Но ведь тогда мы увидели такие знаки… — заметил отец Ванче.

— Верно, но тут возникает другой вопрос: что стало с Антихристом? Объяснение Барфомета, будто Антихрист оказался ненужным победителям, не выдерживает критики. Он должен был появиться до битвы, и, если бы Бог умер лишь недавно, Он позаботился бы о совершении пророчества, ибо тогда еще существовал.

— От Матфея, глава одиннадцатая, стих четырнадцатый, — изрек Отец Селани, на сей раз достаточно вразумительно. Слова, которые он им напомнил, относились к Иоанну Крестителю: «И если хотите принять, он есть, имя которому должно прийти».

— Да, — сказал отец Доменико, — я допускаю, что Антихрист мог явиться незаметно. Мы представляли себе, что люди будут собираться под его знамена открыто, но искушение могло оказаться

более изощренным и, вероятно, более опасным, если бы он проник к нам, скажем, под видом некоего популярного философа, подобно тому позитивисту в Соединенных Штатах. Однако такое предположение, кажется, оставляет еще меньше места для свободы воли, чем Соглашение.

Наступила тишина. Потом слово взял настоятель:

— Таким образом, отсюда следует, что Господь, конечно, жив, а эксперимент Терона Уэра и Третья мировая война не имеют отношения к Армагеддону. Вместо этого нам, быть может, явлено некое Земное Чистилище, благодаря которому мы обретем Благодать или даже Рай Земной. Смеем ли мы так думать?

— Мы не смеем думать иначе, — заявил отец Ванче. — Вопрос только в том, как нам действовать. Хотя в Новом Завете нет прямых указаний на настоящую ситуацию, все же кажется, что учение Церкви к ней вполне применимо.

— Оставим наше традиционное монастырское уединение, — призвал отец Доменико. — Это теперь единственный путь; сойдем с нашей горы в мир, от которого мы удалились, когда Шарлемань был лишь мелким князьком, и будем трудиться и свидетельствовать. И если даже мы окажемся

без помощи Христа, все равно будем делать это во имя Его. Теперь у нас нет ничего кроме надежды.

— По правде говоря, — задумчиво проговорил отец Бушер, — перемена не так уж велика. По-моему, ничего другого мы никогда и не имели.

В Средний Ад

И если вначале у тебя было мало, то впоследствии будет весьма много… При готовься не искать.

Книга Иова, 878

6

Оставшись наконец в одиночестве, Терон Уэр подумал, что, в конце концов, неплохо было бы немного поколдовать. Возможная трудность состояла в том, что любая магия без исключения требовала контроля над демонами, как он сам объяснил Бэйнсу во время первого визита. И все же возможность поэкспериментировать привлекала Уэра, потому что он хотел получить информацию, в частности о том, способен ли он еще к такому контролю…

Кроме того, его очень интересовало, остались ли еще какие-нибудь демоны в Аду. Если да, то отсюда можно будет заключить — хотя и не с полной уверенностью, — что лишь сорок восемь из них сейчас терроризируют мир. Тогда не удастся воспользоваться Зеркалом Соломона,

ибо дух Зеркала — ангел Анаэл. Скорее всего, он не отзовется, поскольку Уэр не принадлежал к числу белых магов и воздерживался от общения с какими-либо ангелами с тех пор, как обратился к практике черного Искусства; к тому же три белых голубка будут совершенно неуместны среди такого развала.

Кого же тогда? Среди демонов-князей, которых он решил не вызывать при выполнении заказа Бэйнса, были такие, которых он отверг из-за их низкой способности к разрушению — теперь они могли бы пригодиться, если окажется, что контроль над остальными утрачен; даже в Аду существовали различные степени зла, так же как и различные степени наказания. Один из тех демонов — Феникс, поэт и учитель, с которым Уэр не раз имел дело в прошлом и которому принадлежал питомец Уэра Ахтой. Но когда начался шум, кот, конечно, исчез, и его исчезновение разозлило демона. Хотя в книгах некоторые демоны иногда характеризуются как «мягкие», «добродушные по натуре», — это весьма относительные термины, не имеющие привычного для людей значения; все демоны одержимы ненавистью, и не стоит их раздражать даже в мелочах.

К тому же Уэр понимал, что в таких услови-

ях серьезная магия едва ли вообще возможна: большинство из его инструментов оказались погребены, а остальные столь осквернены, что он не мог бы их очистить в ближайшее время. Несомненно, следовало заглянуть в книгу. Уэр подошел к кафедре, на которой она лежала, смахнул с нее пыль и черепки рукавом, отстегнул застежки и начал беспокойно перелистывать страницы. Здесь, на листах, подписанных его собственной кровью, заключалась половина его жизни, другая половина осталась внизу, под тоннами окаменевшей грязи.

Он почти сразу же нашел нужное имя: Вассаго, могущественный князь, принадлежавший к чину Сил. В «Лемегетоне» Рабби Соломон писал, что Вассаго «открывает дела прошлые, настоящие и будущие, а также отыскивает скрытое или утерянное». Именно то, что нужно. К его имени также часто взывали во время ритуалов кристалломантии, которая не требовала длительных приготовлений мага, начертания предохранительных диаграмм и специальных приборов, кроме хрустального шара; и даже последний он мог заменить лужицей освященной воды, пятьдесят литров которой, к счастью, еще сохранились в неповрежденном металлическом баке,

встроенном в стену за рабочим столом Уэра.

Кроме того, лишь Вассаго соответствовали в книге Уэра два столь различавшихся знака, что, не увидав их обоих рядом, трудно было предположить их принадлежность к одному существу. Однако топологически они обнаруживали тесное родство. Уэр долго и пристально рассматривал печати; когда-то он знал их значения, но теперь, кажется, забыл.

А, наконец, он вспомнил. Левая фигура представляла собой обычный инфернальный знак Вассаго, а с помощью правой его как будто могли вызывать белые маги. Уэр никогда ею не пользовался, не возникало необходимости, поскольку инфернальная печать действовала превосходно и он всегда сомневался в эффективности второго знака, так как белая магия по своему определению исключала возможность общения с демонами. Однако теперь стоило попробовать. В случае успеха появился бы дополнительный фактор безопасности.

Но во что налить воду? Все загрязнено. Наконец он решил просто устроить небольшую лужу прямо на рабочем столе. Не одно десятилетие прошло

с тех пор, как он занимался опейрологией[38], которую презирал как спасительное средство слабых колдунов; но, насколько он помнил, для нее требовался лишь глиняный сосуд, и даже подходила обычная лесная лужа в достаточно темном месте. Ну что же, за работу.

Оперевшись локтями о стол и соединив кисти рук за ушами, Уэр неподвижно смотрел вниз на маленькую лужицу; его лохматая голова — тонзура его уже заросла — закрывала воду от света хмурого неба. Он смотрел уже так долго после первого заклинания, что чувствовал себя на грани самогипноза. Но вот, кажется, в миниатюрной черной бездне возникло некое движение, словно пузырек или солнечный зайчик, порожденный несуществующим солнцем. Да, появилась маленькая искра, и она начала расти.

— Эка, два, три, чатур, панча, шас, санта, ашта, нава, даша, экадаша[39], — произнес Уэр. — Per vita nostra ipse num surtat nobis dicatus[40], Вассаго!

Искра продолжала расти, пока не достигла

---

[38] Примечания: 38
Толкование сновидений.

[39] Примечания: 39
Санскритский счет от 1 до 11.

[40] Примечания: 40
«По зову нашему тотчас явись пред нами» (латин.).

размеров десятилировой монеты, затем стала приобретать определенные черты. Несмотря на столь незначительные размеры, видение казалось не маленьким, а, скорее, очень далеким, как будто Уэр увидел отражение Луны.

Оно было столь же прекрасным, сколь и жутким. Сияющее лицо напоминало человеческий череп, но удлиненный, почти треугольный и лишенный скул. Огромные глаза располагались в том месте, где у человека обычно начинались волосы. Лицо также имело нос с необычайно длинной переносицей и маленький розовый рот, как у ребенка; цветом и гладкостью оно напоминало нэцкэ из слоновой кости. Тела Уэр не видел, но и не ожидал увидеть. Он знал, что перед ним лишь видение, а не полное воплощение.

Розовые уста зашевелились, и чистый тонкий голос, напоминающий мальчишеское сопрано, тихо зазвучал где-то под черепной коробкой Уэра:

— Кто призывает Вассаго, отрывая его от созерцания проклятых? Берегись!

— Ты знаешь меня, демон Преисподней, — подумал Уэр. — Ибо между нами заключен договор и в мою книгу внесено твое инфернальное имя. Этим именем, а также этой печатью я заклинаю

тебя: ты должен ответить на мои вопросы, и ответы твои должны быть истинны.

— Говори и получишь ответ.

— Пребываешь ли ты еще в Аду, или вы уже распространились по Земле?

— Некоторые бродят туда и обратно, мы же обитаем здесь. Но мы на Земле, хотя и не повсюду.

— Каким образом?

— Хотя мы не в силах оставить нижний Ад, но пребываем с вами, ибо Преисподняя поднялась и город Дис ныне стоит на Земле.

Уэр не пытался скрыть потрясения, демон все равно мог читать его мысли.

— Где же он расположен?

— Там, где стоял от века, в Долине Смерти.

Уэр сразу заподозрил, что за аллегорической фразой скрыт буквальный смысл. Однако расспрашивать о географических подробностях не имело смысла: демоны уделяют мало внимания политической географии Земли, если не участвуют в раздувании территориальных конфликтов, что, очевидно, не входило в функции Вассаго. Но стоит ли все-таки понимать его слова буквально? Пожалуй, они вполне в духе демонов. Ничто не мешает нечистой силе использовать писание в своих целях.

— Находится ли та долина в ведении Римлюна?

— Нет.

— Тогда какие персоны ведают тем краем, где она лежит? Открой мне их имена, великий князь, я повелеваю тебе.

— Они из свиты Астарота и зовут их Саргатанас и Небирос.

— Но кто из них находится в том месте, где теперь стоит Дис?

— Там правит Небирос.

Речь шла о демонах, ведавших послеколумбовой Америкой. Согласно «Trimorium verum», обитель Небироса лежала на Западе. Несомненно: Мертвая Долина. И как сказано в «Гран Гримуар», Небирос — фельдмаршал Ада, «который ходит повсюду, взирая на бесчисленные муки». Появление крепости Дис в области влияния столь великого полководца скорее всего свидетельствовало о том, что война еще не закончена. Уэр, однако, не стал спрашивать этого князька, действительно ли умер Бог, ибо при одном упоминании Святого Имени демон мог оскорбиться и исчезнуть. Впрочем, Уэр получил уже большую часть необходимой информации:

— Ты можешь быть свободен.

Сияющее лицо потухло и исчезло, словно лопнувший мыльный пузырь. Перед глазами Уэра осталась лишь пленка грязи, покрытая трещинами всюду, кроме центральной части, где только что светилось лицо демона: вода испарилась полностью. Выпрямив онемевшую спину, Уэр стал обдумывать полученные сведения.

Нисходящая Иерархия представляла собой своеобразную военную организацию. Конечно, сведения о ней в различных источниках несколько расходились. И неудивительно, ибо отношения, существующие в мире демонов, почти, а может быть, и вовсе невозможно описать при помощи земных аналогий. Теперь Уэр находился в области Худгина, наместника Преисподней в Италии, и до Черной Пасхи никогда не испытывал потребности вызывать Астарота или кого-либо из его подчиненных. В «Trimorium verum» Астарот был назван Великим Принцем Ада; Вейрус писал о нем как о Великом Хранителе Сокровищ; в то же время «Гран Гриму-ар» не упоминал о нем вовсе, приписывая его функции Небиросу. Однако казалось несомненным: если область Астарота в некотором смысле и находилась в Америке, его влияние могло распространяться и на весь мир. В сравнении с ним Хетгин представлял собой

значительно менее значимую фигуру.

Поскольку война еще не закончилась, Уэр, очевидно, мог бы найти способ быть полезным — тут Бэйнс также оказался прав… Но каким образом?

Вероятно, следует отправиться в Дис и там все узнать. Идея не слишком соблазнительная, но другого выхода, похоже, нет. Там теперь сосредоточились силы демонов, которые вели войну, и если Бейтсу действительно удастся добраться до стратегического центра в Денвере, Уэр вполне мог бы устроить нечто вроде мирного договора.

Какой смысл сидеть здесь, в разрушенной Италии, когда все высшие духи на другом конце света?

Но как туда попасть? Уэр, в отличие от Бэйнса, не имел в своем распоряжении самолета, хотя по богатству он не уступал фабриканту оружия — правда, большую часть своих денег получил именно от него. Но едва ли теперь какая-нибудь авиакомпания станет продавать билеты. Морской путь займет слишком много времени.

А нельзя ли перенестись туда с помощью Астарота? Конечно, Уэр знал, что опасность очень велика: последним магом, летавшим верхом на демоне, был Герберт в X веке; он прибег к такому способу лишь затем, чтобы спасти свою жизнь

от некой организации — предшественницы Великой Инквизиции. Все кончилось удачно, и впоследствии он даже умудрился стать Папой Сильвестром Вторым.

Уэр считал Герберта великим человеком, хотя и сомневался в том, что магические способности средневекового колдуна превосходили его собственные; во всяком случае, теперь ему не хотелось проверять справедливость своего мнения. И стоило ли прибегать к столь радикальным мерам, когда той же цели и, вероятно, с большим успехом, могла послужить трансвекция? Уэр никогда не летал на шабаш, но теорию знал во всех подробностях. К тому же в его металлических ларцах с колдовскими зельями содержались все необходимые компоненты волшебной мази, и для ее приготовления не требовалось ни специального времени, ни особого ритуала. Правда, он опасался возможных затруднений с аэронавигацией, но если многим тысячам невежественных женщин с первой же попытки удавалось летать на расщепленной палке, ручной прялке, метле и даже лопате, значит, будет летать и Терон Уэр.

Однако сначала он достал из одного ларца синтетический рубин, имевший форму и размеры открытого спичечного коробка, а из другого

— резец. На рубине он начертал печать и знаки, соответствовавшие дню Марса, то есть вторнику, и часу Марса, то есть 6, 13, 20 и 3.

Этот предмет он будет теперь носить в правом кармане рубашки как амулет. Хотя Уэр предпочитал не пользоваться услугами Астарота, он знал, что, путешествуя в тех краях, неплохо иметь при себе знаки их хозяина. Будучи в некотором смысле пуристом, Уэр оставался недоволен своим искусственным рубином. Конечно, серьезных причин для беспокойства тут не было. Астарот считался солнечным духом, и древние, в том числе Альберт Великий, верили, что рубин зарождается в Земле под действием Солнца, — но поскольку на самом деле это не так, сохранение рубина в ритуале являлось лишь очередным примером одного из основных принципов магии — суеверия, то есть вытеснения вещи ее знаком. Поэтому искусственное происхождение рубина не снижало его эффективности. К тому же природа упорно отказывалась производить натуральные рубины таких размеров и формы.

Похоже, заниматься магией стало легче, чем десять веков назад, когда Герберт летал на своем демоне-орле.

7

Однако, как вскоре обнаружил Уэр, трансвекция также таила в себе немало опасностей. Атлантику он пересек без малейшего инцидента менее чем за три часа, — впрочем, он догадывался, что полет лишь частично проходил в реальном времени, — и как будто мог рассчитывать достичь цели еще до рассвета. Свеча, прикрепленная воском к торчавшему впереди пучку прутьев и тростника (ибо вопреки популярным изображениям Вальпургиевой ночи, лишь безумцы отваживаются летать на помеле с прутьями назад), горела так ровно, словно и не двигалась, и освещала путь впереди. Если бы Уэра заметили с проплывавших внизу кораблей, его бы скорее всего, приняли за необычайно яркий метеор. Приблизившись к восточному побережью Соединенных Штатов, он подумал, что его, вероятно, могли бы засечь радары: если всего два дня назад кто-то запустил ракету, значит, вполне могли сохраниться скрытые радиолокационные станции. В прежние времена полет Уэра, пожалуй, вызвал бы очередную дискуссию о летающих тарелках. Но был ли он виден вообще? Уэр не знал. Во всяком случае, морское побережье

скрывалось за плотной завесой дыма.

Оказавшись над землей, он снизил скорость и немного опустился, чтобы сориентироваться. Но прошло, как ему показалось, всего несколько минут, и он вдруг почувствовал, что стремительно теряет высоту. Причиной тому явился звон одинокого колокола, созывавшего оставшихся прихожан к полуночной мессе. Падая, Уэр вспомнил о существовавшем в некоторых районах Германии XVII века обычае звонить в церковные колокола всю ночь для защиты от ведьм, пролетавших над селением по пути к Брокену[41]; но это воспоминание немного запоздало: помело совершенно утратило свою силу.

Он упал в покрытой густым лесом гористой местности, весьма напоминавшей Гарц — на самом деле, она, очевидно, находилась где-то в западной Пенсильвании. Во второй половине апреля в Позитано уже стояла довольно теплая погода, но здесь ночь оказалась необычайно холодной, особенно для худощавого человека, тело которого покрыто лишь тонким слоем мази. Уэр сразу же сильно продрог, поскольку звон колокола свел на нет как трансвективные, так и

---

[41] Примечания: 41
Одна из вершин Гарца, гор в Германии.

защитные свойства волшебной мази. Он поспешно отвязал от помела узелок с одеждой; однако ее оказалось недостаточно, ведь он брал ее, имея в виду Мертвую Долину. К тому же появились и другие неприятные ощущения: сонливость, головокружение, учащение пульса, чередующееся с остановками сердца. Среди прочих компонентов волшебная мазь содержала мандрагору и беладонну, и теперь, когда магическое действие кончилось, неизбежно стали проявляться их побочные эффекты. Следовало смыть мазь в первом же водоеме, каким бы холодным он ни оказался.

И не только из-за ее одурманивающего действия. Она, кроме того, содержала некоторые специфические компоненты, обладавшие весьма характерным запахом, усиливавшимся благодаря теплу тела. И в стране эймов вполне могли встретиться люди, даже не обязательно старые, которые поймут, что означает этот запах. Во всяком случае, не отмывшись, обращаться к кому-либо за помощью было опасно.

Прежде чем одеться, он тщательно обтерся полотенцем, в которое заворачивал одежду, и сжег его вместе со свечой и прутьями от помела. Затем, проверив, на месте ли рубиновый талисман, Уэр пустился в путь, используя палку от помела в

качестве посоха.

Ночной мрак и лесистая неровная местность могли вызвать затруднения даже у опытного путешественника. Уэр обычно вел малоподвижную жизнь и к тому же приближался к своему пятидесятилетию. С другой стороны, он имел достаточно крепкое сложение и привык к аскетизму, не пил и не курил. Кроме того, давнее увлечение астрономией и постоянная астрологическая практика, связанная с его искусством, позволяла ему двигаться в северном направлении даже при небольшом количестве звезд, видневшихся среди облаков.

Перед самым рассветом он наткнулся на ручей с каменистым дном и услышал шум близкого водопада. Пройдя вверх по течению, Уэр обнаружил небольшую плотину из бревен. Он быстро разделся и вымылся под ней, повторяя шепотом все три молитвы, которые, согласно «Trimorium Verum», полагалось произносить во время очистительного обряда перед трехдневным постом; вода была не теплой и не освященной, но, несомненно, чистой, и потому тоже годилась.

Омовение в ледяной воде оказалось даже не столь тяжелым испытанием, как последующее обсыхание на воздухе, но он стоически перенес

и то, и другое, сознавая, как важно избавиться от всех остатков мази, а также и то, что надевать одежду также может быть опасно. Пока он стоял, стуча зубами, из-за деревьев на востоке стали появляться первые слабые проблески света.

Тем временем с противоположной стороны, ниже по течению ручья, начали выступать из темноты большие серые прямоугольники, и вскоре Уэр увидел окруженные лесом здания крупной фермы. И, словно возвещая конец ночи колдовства, вдали пропел петух.

Однако, когда стало еще светлее, Уэр понял, что здесь его не ждет помощь. Под коньком крыши ближайшего большого амбара он заметил диаграмму в виде стилизованного цветка с глазом в центре.

Как потрудился выяснить Джек Гинзберг задолго до встречи с магом, Уэр родился и вырос в Штатах и до сих пор сохранил гражданство. И, как явствовало из его имени, он происходил из семьи методистов, но тем не менее ведьмин знак узнал сразу. И тут же у него возникла идея.

Он не был ведьмаком и всего десять секунд назад не имел намерения налагать заклятье на эту процветающую с виду ферму. Но ему не хотелось упускать возможность получить новые

сведения.

Достав из кармана рубашки свой рубин и повернув его печатью и знаками наружу, Уэр тихим голосом произнес:

— Томатос, Бенессер, Флеантер.

При благоприятных обстоятельствах после таких слов из «Графа Гибали» мага окружали тридцать три различных существа, но поскольку обстоятельства не были благоприятными, Уэр не удивился, когда ничего не произошло. Прежде всего, конечно, из-за несовершенного очищения; к тому же он использовал совсем не тот талисман — инфернальные духи, связанные с этим ритуалом, являлись не демонами, а саламандрами, или огненными элементами. Там не менее Уэр добавил:

— Литан, Изер, Оснас.

Поднялся ветер и со всех сторон послышался шум, который казался шелестом листьев, но мог быть и звуком многих голосов, повторявших: «Нантер, Нантер, Нантер, Нантер…», — и затем, указывая на амбар: — Уузур, Итар.

В результате должно было последовать строго локализованное, но весьма разрушительное землетрясение, однако ничего подобного не произошло, хотя Уэр не сомневался в том, что

огненные духи ему ответили. Очевидно, заклинание не действовало из-за ведьминого глаза — еще одно подтверждение тому, что силы зла каким-то образом ограничены. Хорошая новость, но в то же время Уэр испытывал и разочарование: если бы ему удалось землетрясение, он мог бы с помощью слов «Сутрам, Убарсинес» заставить духов перенести его в любое место. На всякий случай он произнес эти слова, но безрезультатно.

Ни в «Графе де Габали», ни в более позднем «Черном Петухе» не упоминалось о возможности отмены в таком ритуале, тем не менее, Уэр, чтобы окончательно убедиться, добавил: «Рабиам». В случае удачи он снова оказался бы дома и мог бы, по крайней мере, начать все сначала с новой порцией мази и новым помелом; но ничего не вышло. Оставалось только одно: пойти на ферму и попытаться уговорить фермера, чтобы тот дал ему еды и отвез на ближайшую железнодорожную станцию. К сожалению, Уэр не мог сказать этому человеку, будто только что спас его от демонических сил, поскольку эймы не верили в существование такой вещи, как белая магия, и, в конце концов, они тут не ошибались, какие бы иллюзии на сей счет ни питали отец Доменико и его друзья.

Уэр сразу определил, в каком из домов жил фермер. Постройка выглядела такой же добротной и чистой, как и все остальные, но Уэра удивила странная тишина: в такое время на фермах все уже встают и принимаются за домашние дела. Он подошел ближе, опасаясь собак, но тишину по-прежнему ничего не нарушало.

Осторожность оказалась излишней. То, что он увидел внутри, более всего напоминало последнюю сцену «Белого дьявола» Уэбстера. С холодным любопытством Уэр осмотрел место недавнего побоища. Довольно большая семья: родители, один старик, четыре дочери, три сына и, конечно, собака. И предыдущей ночью они внезапно принялись истреблять друг друга; в ход пошло все: зубы, ногти, кочерга, кнут, цепи от велосипеда, кухонный нож, топор и приклад гладкоствольного мушкета, вероятно, сохранившегося со времен бурской войны. Несомненный случай массовой одержимости: вероятно, все началось с женщин, как обычно бывает в таких случаях. Пожалуй, они предпочли бы локализованное землетрясение. Но от такой напасти их не мог защитить никакой ведьмин глаз.

И, вероятно, вообще ничто, поскольку, как оказалось, в своей простой традиционной рели-

гиозности они выбрали не ту сторону. Подобно большинству людей, они родились жертвами. Если бы они чуть-чуть вникли в Проблему Зла, им стало бы ясно, что их Бог никогда не вел с ними честную игру, как, собственно, Он сам же и объявил во всеуслышание в истории с Иовом; и их примитивная невежественная демонология никогда не признавала существование двух сторон в Великой Игре и тем более не давала даже отдаленного представления об игроках.

Размышляя о том, что делать дальше, и стараясь не наступать на тела, Уэр осмотрел кухню, затем прошел в сарай, где находился погреб. Там лежало всего два яйца — очевидно, вчерашний день оказался неурожайным. Но он нашел несколько кусков бекона, вчерашний каравай хлеба, около фунта масла и глиняный кувшин молока. Более чем достаточно. Он развел огонь в печи, приготовил себе яичницу с беконом и попытался съесть как можно больше, поскольку не представлял, когда ему удастся поесть в следующий раз. Но он уже решил, что положение не столь безнадежно, чтобы прибегать к помощи Астарота. Вместо этого он будет идти на запад, пока не появится возможность похитить машину (на ферме, как и следовало ожидать, ни одной

машины не оказалось: эймы по-прежнему ограничивались лошадьми).

Когда Уэр, сунув в карманы брюк по сэндвичу, вышел навстречу яркому солнцу, из хлева послышалось протяжное мычание. «Извините, друзья, — подумал он, — сегодня некому вас подоить».

8

Бэйнс знал структуру Стратегической Воздушной Команды и дорогу к ней гораздо лучше, чем мог бы позволить департамент Обороны даже гражданским лицам, имевшим особый доступ, хотя кое-кто из департамента нисколько бы не удивился этому. Самолет, на котором прилетели Бэйнс и Джек Гинзберг, не делал попытки сесть в аэропортах Денвера или Военно-Воздушной Академии США в Колорадо-Спрингс — оба, как догадывался Бэйнс, больше не существовали. И он велел пилоту приземлиться в Лимоне, небольшом городке, который являлся самой восточной вершиной почти равностороннего треугольника, образованного этими тремя точками. Здесь скрывался выход подземной скоростной линии, идущей в самое сердце СВК и ставшей теперь единственным средством связи с внешним ми-

ром.

Бэйнс и его секретарь побывали здесь лишь однажды, и с тех пор охрана полностью сменилась. И, несмотря на предъявленные удостоверения, подписанные генералом Мак-Найтом, их подвергли длительному допросу и тщательному обыску на предмет скрытого оружия или взрывчатки; затем у них взяли отпечатки пальцев, сфотографировали рисунки сосудов сетчатки и только после беседы по видеотелефону с самим Мак-Найтом их наконец пропустили в приемную.

Зато сама поездка заняла совсем мало времени. Транспортная линия представляла собой совершенно прямую трубу, располагавшуюся под поверхностью Земли и почти полностью лишенную воздуха: ее вакуум примерно соответствовал атмосфере Луны. Из приемной Бэйнса и Гинзберга провели в металлическую капсулу, лишенную даже иллюминаторов. Здесь охранники пристегнули их к сиденьям для безопасности, так как первоначальное ускорение капсулы с помощью кольцевых электромагнитов составляло более, чем пять миль в час за секунду. И хотя почти такое же ускорение можно было испытать в трамвае сороковых годов, это все-таки довольно значительная встряска, если ничего не видно

снаружи и не за что держаться. Потом капсула просто свободно падала до средней точки своего пути, где достигала скорости около двадцати восьми футов в секунду, после чего начинала замедляться — поскольку двигалась уже вверх — под действием сил тяжести, трения и давления почти несущественного количества газов в трубе. Благодаря точному расчету, капсула замедлялась у станции СВК, и небольшого толчка устройства мощностью в пятнадцать лошадиных сил оказывалось вполне достаточно, чтобы совместить ее люки с люками станции.

— Когда катаешься на такой штуке, трудно поверить в существование демонов, — заметил Джек Гинзберг. Покинув кипевший нечистой силой дом в Позитано, обнаружив в Цюрихе, что деньги еще не утратили свою силу, и приняв в самолете обильный ужин, он заметно воспрянул духом.

— Кажется, Уэр говорил, что обладание мирскими знаниями — и даже желание их — такое же зло, как черная магия, — отозвался Бэйнс — Ну вот мы и приехали.

Однако в катакомбах СВК, снабженных даже терморегуляторами, Бэйнс и сам чувствовал себя увереннее. Тут не было ухмыляющегося Козла,

и Бэйнс с радостью встретился со своим старым другом Мак-Найтом, увиделся с Белгом и имел честь пожать руку Джеймсу Шатвье. Здесь, внизу, по крайней мере, казалось, что все контролируется. Мак-Найт и его советники не только знали реальную ситуацию, но уже почти освоились с ней. Лишь Белг сначала выразил некоторый скепсис и, похоже, немало удивился, услышав от самого Бейнса независимое подтверждение выводов компьютера. Новые сведения тут же ввели в машину, и, как выяснилось, они вполне соответствовали первоначальной гипотезе, и Белг, кажется, наконец, с ней согласился. Хотя все это ему явно не нравилось. Но кому могло понравиться такое?

Затем они удобно устроились в кабинете Мак-Найта с тремя стаканами «Джека Дэниелса» (Джек Гинзберг не пил, так же, как и Шатвье), и никто не прерывал их беседу, кроме сотрудницы Чифа Хэя. И хотя она оказалась хорошенькой блондинкой и, как все женщины из вспомогательного персонала, носила мини-юбку, Гинзберг как будто и не заметил ее. Возможно, он еще находился в шоке после своего недавнего общения с суккубом. Бейнсу показалось, что девушка весьма напоминала Грету Уэра и потому вполне могла

бы заинтересовать Джека; впрочем, военно-промышленнику почти все женщины казались одинаковыми.

— Насколько я понимаю, эта бомба вам ничего не дала, — сказал он.

— О, я далеко не уверен, — возразил Мак-Найт. — Конечно, их город не был разрушен и даже заметно поврежден, но взрыв явно застал их врасплох. Целый час после него они целым роем летали над целью. Как будто в пещере с летучими мышами сверкнула фотовспышка. И у нас, конечно, есть снимки.

— А есть подтверждения тому, что вы, э-э, уничтожили кого-нибудь из них?

— Мы видели, как они возвращались в свой город, — несмотря на очень неудачную форму тела, они летают прекрасно, — но нам не удалось подсчитать, сколько их поднялось. Падавших мы не заметили, но некоторые из них могли просто испариться.

— Маловероятно. Тела их, конечно, могли испариться, но демоны принимают их на время. Это все равно, что подбить управляемый по радио самолет: машина разбивается, а центр управления полетом остается невредимым где-то в другом месте и может послать против вас новый

самолет, когда захочет.

— Извините, доктор Бэйнс, но ваша аналогия не совсем точна, — заметил Белг. — Как мы знаем, бомба заставила их не только метаться. Скоростная киносъемка грибовидного облака показала, что многие у них пытались изменить свою форму. Одна тварь, за которой нам удалось проследить, совершила тридцать две трансформации за минуту. Все эти превращения кажутся совершенно невероятными И не вписываются ни в какую физическую теорию, однако они показывают, во-первых, что твари попали в неблагоприятные для них условия, и, во-вторых, что для них желательна — а может быть, и необходима — та или иная физическая форма. Это уже кое-что. Я думаю, если бы мы продержали их всех подольше в области с еще большей температурой, они уже не смогли бы выкрутиться. В конце концов, они лишились бы последней формы.

— Последней формы, может быть, — кивнул Бэйнс — Но дух все равно останется. Не знаю, почему они так цепляются за физическую форму, возможно, из каких-то тактических соображений, например, чтобы было удобнее вести войну. Но вы не можете такими средствами уничтожить дух, как не можете уничтожить мысль, зажигая

кусок бумаги, на которой она записана.

Бэйнсу стало не по себе, когда он понял, что воспользовался аргументом, услышанным им еще в детстве во время проповеди против атеизма. Даже тогда он счел ее слишком наивной. Однако теперь он повидал демонов, и гораздо ближе, чем кто-нибудь из присутствовавших.

— Вопрос, по-видимому, остается открытым, — задумчиво проговорил Шатвье. — Я отнюдь не скептик, уверяю вас, доктор Бэйнс, но, насколько мне известно, ни один дух еще не подвергался столь жестокому испытанию. В эпицентре термоядерного взрыва даже ядра водорода с трудом сохраняют свою целостность.

— Атомные ядра остаются материей и к ним применимы законы сохранения. Демоны же не являются ни материей, ни энергией: они нечто иное.

— Мы не знаем, являются ли они энергией или нет, — возразил Шатвье. — Они также могут быть полями, подобно электромагнитным и гравитационным. Как вы помните, мы пока не имеем общей теории поля; даже Эйнштейн отрекся от своего варианта в последние годы жизни, и квантовая механика, несмотря на ее успехи, довольно неуклюже обходит эту проблему. Почему бы,

э-э, духам не быть некими фундаментальными полями[42]? И одной из характеристик таких полей можно, пожалуй, считать стопроцентную отрицательную энтропию.

— Не может быть объектов с одной лишь отрицательной энтропией, — возмутился Белг. — В такой системе происходило бы постоянное увеличение порядка, а значит, она двигалась бы из будущего в прошлое, и мы никогда бы о ней не узнали. Вы должны учесть постоянную Планка. Стабильное состояние может быть только в этом случае…

Он быстро набросал формулу в блокноте, оторвал листок и положил его на стол. На листке значилось следующее:

H/x/ — Hy/x/ — C +

Вошла девушка с новыми результатами компьютерного анализа, и на сей раз, очевидно, Джек Гинзберг проявил интерес к ее ногам. Бэйнс обычно не имел ничего против этого и даже находил полезным, что его наиболее ценный сотрудник

---

[42] Примечания: 42

В современной квантовой физике есть понятие «поля духов». Они называются так потому, что содержатся лишь в исходных уравнениях и исчезают в конечных уравнениях для измеримых величин.

имеет небольшую, но ярко выраженную слабость, — но теперь он даже почти обрадовался: содержание беседы начало от него ускользать.

— Что это означает? — спросил он.

— Вечную жизнь, разумеется, — слегка покровительственным тоном ответил Шатвье. — Жизнь есть отрицательная энтропия. Стабильная отрицательная энтропия есть вечная жизнь.

— Пока нам недоступна гравитационная часть спектра, — сказал Белг с мрачным удовлетворением, — но электромагнитная целиком в наших руках и, владея этим ключом, мы сможем проникнуть в тайную замкнутую систему, как железнодорожная шпала проходит в автомобильную покрышку.

— Если вы сможете убить демона, — медленно проговорил Бэйнс, — тогда…

— Да, именно, — любезно кивнул Белг. — Ангелы, демоны, обычные бессмертные души, — как бы их ни называли, мы доберемся до них. Может быть, не сразу, но в скором времени.

— Возможно, это будет высшим человеческим достижением, — с мечтательным, почти блаженным видом проговорил Шатвье. — Теологи называют осуждение на вечные муки второй смертью. Вскоре, вероятно, мы будем в состоянии

дать человеку третью смерть… блаженство полного небытия… освобождение от Колеса!

Скучающий взор Мак-Найта блуждал по потолку. Очевидно, генерал слышал подобные речи не в первый раз, и они его больше не впечатляли. Бэйнса эта тема очень заинтересовала, однако он сознавал, что пора спускаться на землю, и сказал:

— Слова немногого стоят. У вас есть какой-нибудь конкретный план?

— Есть, можете не сомневаться, — ответил Мак-Найт, внезапно оживляясь. — Я попросил Чифа Хэя произвести учет всех оставшихся в живых сил, и, поверьте, их оказалось немало. Я сам удивился. Мы атакуем их крепость и для этого извлечем на свет Божий такие вещи, какие не видали еще ни американцы, ни кто-нибудь другой, в том числе и эта шайка демонов. Я не знаю, почему они сидят там, — может, потому, что уже считают себя победителями. Но тут они глубоко заблуждаются. Никто не может победить Соединенные Штаты, сколько бы их враги ни старались.

Довольно странно было слышать такое заявление от человека, который прежде постоянно твердил, что Соединенные Штаты «потеряли»

Китай, «сдали» Корею, «покинули» Вьетнам и вообще заполнены доморощенными коммунистами. Но Бэйнс слишком хорошо знал людей типа Мак-Найта, чтобы высказывать свое недоумение вслух. Их аргументы не основываются на рассудке и не могут быть опровергнуты разумом. Вместо этого он сказал:

— Генерал, честно говоря, я бы не советовал. Мне известны те виды оружия, о которых вы говорите, и они, конечно, весьма эффективны. Некоторые из них разработаны и произведены нашей компанией, так что не в моих интересах принижать их достоинства. Но я глубоко сомневаюсь, что какие-нибудь из них будут полезны в настоящих обстоятельствах.

— Разумеется, это еще предстоит выяснить, — ответил Мак-Найт.

— Стоит ли? Мы можем оказаться в гораздо худшем положении, чем теперь. Именно на это я и хотел обратить ваше внимание, когда направился сюда. Демоны уже примерно на девяносто процентов овладели миром. Но, как видите, они больше ничего против нас не предпринимают.

И тому есть причина: они ведут войну с другим Противником, и, возможно, нам лучше было бы встать на их сторону.

Мак-Найт откинулся на спинку кресла с видом политика, которому на пресс-конференции задали неожиданный и очень неприятный вопрос.

— Правильно ли я вас понял, доктор Бэйнс? Вы полагаете, что вторжение в Соединенные Штаты является благом? И что нам не следует противопоставлять оккупантам всю нашу мощь, а вместо этого мы должны оказывать им всяческую помощь?

— Я не предлагаю оказывать им помощь, — сказал Бэйнс с досадой. — Просто считаю, что нам лучше пока подождать и посмотреть, как будут разворачиваться события, только и всего.

— Меньше всего я мог бы вас заподозрить в симпатиях к коммунистам, тем более китайцам, — сухо сказал генерал. — И потому ваши слова будут оставлены без последствий. Атака же начнется, как запланировано.

Бэйнс благоразумно промолчал. Благодаря общению с Тероном Уэром он теперь знал, что как ангелы, падшие и не падшие, так и бессмертные человеческие души являются частицами неделимой природы их Создателя. Если эти люди способны разрушить такую Частицу, они могут подобным образом разрушить и Целое. А за успешным штурмом Диса неизбежно последует

успешная война против Неба, и если Бог еще не умер, он скоро умрет.

Во всяком случае, это была бы самая интересная гражданская война из всех, которые доводилось снабжать оружием Бэйнсу.

9

Вооруженные Силы Соединенных Штатов. Управление Стратегической Воздушной Команды.

Денвер, Колорадо.

Дата: 1 мая.

Меморандум: № 1.

Назначение: всем боевым подразделениям.

Тема: генеральный оперативный приказ.

1. Настоящий меморандум отменяет все предыдущие директивы, касающиеся данных обстоятельств.

2. Соединенные Штаты подверглись вторжению, и все боевые соединения должны быть готовы к изгнанию неприятеля с территории нашего государства.

3. Противник использует некоторые

новые тактические средства, о которых должны знать все подразделения. Поэтому все офицеры должны прочесть полный текст меморандума всем своим подчиненным, после чего поместить его на видном месте. Необходимо провести проверку знакомства личного состава подразделений с содержанием меморандума.

4. Вражеские войска оснащены индивидуальными боевыми средствами, которые в соответствии с древней восточной традицией имеют весьма причудливый вид и предназначены для психологического воздействия. Ожидается, что американский солдат просто посмеется над столь примитивной выдумкой. Однако весь личный состав должен иметь в виду, что эти так называемые «демонические костюмы» являются чрезвычайно опасным оружием. Для борьбы с ними необходим высокий уровень стрелкового искусства.

5. Неизвестное количество солдат противника, вероятно, до 100 процентов, способны к свободному полету, как в

«прыгающих костюмах», находящихся на вооружении США. Потому наземные силы должны быть готовы к возможному нападению с воздуха индивидуальных вооруженных единиц противника, так же как к обычному воздушному полету.

6. Предполагается, что противник будет применять различные взрывчатые и химические средства, способные вызвать необычные эффекты. Всему личному составу необходимо знать, что эти эффекты могут быть как реальными, так и иллюзорными.

7. После прочтения настоящего меморандума все офицеры должны зачитать своим личным составам те параграфы воинского устава, где говорится о наказании за трусость в бою.

Приказ Главнокомандующего

Д.Уиллис Мак-Найт.
Генерал армии ВС США.

После разрушения Рима, а с ним и Ватикана, — увы, и этой величайшей библиотеки и сокровищницы всего христианского мира! — Папский престол переместился в Венецию, которая пока

не пострадала, и теперь располагался в Сала дель Коллегио великолепного Палаццо Дукале, единственном помещении, избежавшем большого пожара 1577 года; под его потолком, расписанным Веронезе, дожи обычно принимали послов других городов-государств. Дворец служил уже только для туристов с тех пор, как Наполеон принудил к отречению Людовико Манина — ровно через одиннадцать столетий после избрания первого дожа.

Теперь тут, конечно, не было туристов. Город, душный от жары и зловоний, от нечистот в каналах, безжизненно лежал под адриатическим солнцем — забытый музей. Никто не появлялся на узких улочках и тесных ristoranti, кроме местных жителей, лишенных средств к существованию и собиравшихся небольшими унылыми группами, изредка переругиваясь на своем особенном диалекте. У многих уже проявлялись признаки лучевой болезни: у них клочьями выпадали волосы и повсюду на тротуарах лежала их блевотина, игнорируемая всеми, кроме мух.

Царившее в городе запустение — по крайней мере, по сравнению с обычной в это время года толчеей — оказалось отчасти благоприятным для отца Доменико. Вместо того чтобы ютиться

в третьесортном отеле с беспрерывно подъезжающими и отъезжающими шумными группами немцев и американцев, он без малейших затруднений нашел себе апартаменты во дворце самого Патриарха. Такая роскошь не очень подходила монаху, но он явился для встречи с Папой как посланец древнего и по-прежнему почитаемого ордена; и патриарх, исповедовав отца Доменико и узнав о характере его миссии, счел уместным поселить его пока в своей резиденции.

Но никто не мог сказать, как долго ему придется ждать. Папа погиб вместе с Римом; и теперь остатки Коллегии Кардиналов — тех, кто сумел добраться до Венеции, — заперлись в Сала дель Кольсинью де Диечи, пытаясь избрать нового. Ходили слухи, будто в кабинете Великого Инквизитора, находившемся за соседней дверью, поселился некий особый гость, однако Патриарх, по-видимому, знал об этом не больше, чем простой обыватель. Между тем он дал отцу Доменико особое разрешение проводить мессы и исповедовать прихожан в небольших церквушках по берегам Большого Канала, а также проповедовать там и даже на улицах. Формально отец Доменико, будучи монахом, а не священником, не имел на это права, однако Патриарх, как и многие теперь,

испытывал недостаток в людях.

По пути на север из Монте Альбано отец Доменико гораздо чаще встречался со страданиями и откровенной демонической злобой, чем на улицах этого безобразно прекрасного города; однако здесь также было трудно и даже, может быть, опасно совершать богослужение, а тем более проповедовать надежду. Венецианцы проявляли по отношению к Церкви лишь формальную лояльность, по крайней мере, после заключения их второго договора с мусульманами в середине XV столетия. Высшей добродетелью у них считалась честность в деловых отношениях, и, поскольку в то же время для уха венецианца не было слаще музыки, чем возмущенный крик ближнего, который обнаружил, что его надули, они толком не знали, о чем надо говорить на исповеди. Многие из них — пожалуй, даже большинство — по-видимому, рассматривали происходившее крушение человеческой цивилизации как заговор с целью переманить их туристов в какой-нибудь другой город, — может быть, Стамбул, который они все еще называли Константинополем.

Очевидно, они уже ни на что не надеялись. И, конечно, не только они. Во время своего путешествия отец Доменико всюду видел ужас и

страдания, обезумевшие люди понимали только одно: все, чему учила Церковь в течение почти двух тысяч лет, оказалось обманом. Мог ли он сказать им, зная реальную ситуацию, что их бедствия не столь велики, как он предполагал? Мог ли он поведать им о тех еле заметных, но чудесным образом умножающихся признаках отступления демонической силы, если сам с трудом верил в них, тщетно пытаясь отделить надежду от иллюзии?

И все же надежда не умерла. Одним ненастным днем, когда отец Доменико пытался проповедовать угрюмой компании молодых головорезов перед небольшой церквушкой Санта Мариа де Мираколи, его аудитория внезапно пришла в возбуждение после нескольких отдаленных свистков. Такие свистки, как хорошо знал отец Доменико, до недавнего времени служили условным сигналом юных волков Венеции, означавшим появление английской учительницы или группы шведских девушек. Такой добычи теперь не было, тем не менее за несколько секунд сквер опустел.

Изумленный и, конечно, встревоженный отец Доменико последовал за ними и вскоре обнаружил, что улицы, как в былое время, за-

полнены народом, на сей раз устремившимся к площади Св. Марка. Кто-то пустил слух, будто над палаццо Дукале появилась струйка белого дыма. Это казалось маловероятным, поскольку во дворце во избежание очередного пожара давно уже разобрали все камины и негде было сжечь избирательные бюллетени: тем не менее, слух об избрании нового Папы, подобно пламени, охватил весь город. К тому времени, когда отец Доменико достиг большой площади перед базиликой (поскольку, в конце концов, и он отправился посмотреть нового Папу), там едва оставалось место даже для голубя.

Великое событие, если оно действительно случилось, могло быть возвещено лишь в венецианском стиле: с вершины колоссальной лестницы Антонио Раццо, поскольку галерея с арками на первом этаже не имела балкона, где мог бы появиться Папа. Отец Доменико стал протискиваться во внутренний двор поближе к лестнице, говоря сначала: «prego, prego»[43], потом: «scusate»[44], — не достигнув особого эффекта, — и, наконец, принялся энергично работать

[43] Примечания: 43
«Позвольте, позвольте!» (латин.).

[44] Примечания: 44
«Извините, извините!» (латин.).

локтями и коленями.

Над тревожно гудевшей толпой внезапно загудели трубы — и в ту же минуту отца Доменико прижали к парапету фонтана, давно лишившегося монет, бросаемых туристами. К счастью, место оказалось совсем неплохим: отсюда отец Доменико вполне мог обозревать лестницу и площадку между двумя огромными статуями, Марса и Нептуна. Большие двери уже раскрылись, и кардиналы в своих красных лентах выстроились по обе стороны портика, между ними и немного впереди стояли два пажа, и один из них держал красную подушку, на которой покоилось нечто высокое и сверкающее.

К звуку фанфар добавился мощный набат: Ла Троттьера, колокол, некогда призвавший членов Великого Совета седлать коней и скакать по деревянным мостам ко дворцу; величавое созвучье труб и колокола заставило умолкнуть толпу. Однако отличия от римского обычая бросались в глаза, и некоторые из них казались очень странными. Что там лежало на подушке? Явно не тиара, может быть, золотая Корона дожей?

Музыка с колокольным звоном прекратилась. В наступившей тишине, нарушаемой лишь курлыканьем голубей, один из кардиналов объявил

на латыни:

— У нас есть Папа, Sumnus Antistitum Antistes[45]! И по его воле он назван Ювенембер LXIX!

Паж выступил вперед и прокричал на местном наречии:

— Вот ваш Папа; и мы уверены, что он вам понравится.

Из темноты дверного проема на ярко освещенную площадку между статуями вышел, склонив голову для принятия золотой короны, особый гость Великого Инквизитора — благообразного вида старичок с белым, как молоко, лицом, державший на руке ястреба. Отец Доменико сразу узнал его, потому что это был вызванный Тероном Уэром из Преисподней в день Черной Пасхи демон Агарес.

Толпа взревела, и вновь зазвучали трубы и колокол Ла Проттьера, к которому теперь присоединились все колокола города, а также многочисленные барабаны и пушечные залпы. Задыхаясь от ужаса, отец Доменико бросился прочь.

Празднества продолжались всю неделю и включали критские танцы с быками и ночные

---

[45] Примечания: 45
Высочайший Первосвященник из Первосвященников (итал.).

фейерверки. Тем временем отец Доменико молился. Смысл происшедшего не вызывал у него сомнений. Явился Антихрист, хотя и с опозданием, а, следовательно, Бог еще не умер. Отец Доменико не мог больше ничего сделать в Италии; ему следовало теперь отправиться в Дис, в саму пасть Преисподней и, бросив вызов Сатане, потребовать у него признания существования Господа. Если потребуется — как ни страшила такая мысль отца Доменико — ему придется подвергнуться искушению и быть избранным, уже не земной коллегией, наместником Христа, чьей задачей будет сокрушение сего Ада Земного.

Но как туда добраться? Вокруг лишь вода и никаких надежных транспортных средств. Может быть, воспользоваться белой магией? Однако отец Доменико не мог вспомнить ни одного подходящего ритуала, во всяком случае, для этого нужно было возвращаться в Монте Альбано; к тому же он догадывался, что никакая магия тут не поможет.

В столь затруднительной ситуации он стал припоминать кое-какие старинные легенды о святых. Некоторые из них будто бы в духовном порыве поднимались в воздух и переносились на большие расстояния. Конечно, он не был свя-

тым, но, если ему, действительно, предстояло исполнить столь великую миссию, пожалуй, он мог рассчитывать на подобную помощь свыше. Отец Доменико постарался отбросить мысли как о самых возвышенных чудесах, так и о судьбе Симона Волхва[46] — пройти по такому лезвию бритвы оказалось почти невозможным даже для опытного монаха.

Тем не менее, расправив плечи, отец Доменико решительно шагнул к воде.

10

Даже после явной неудачи авиации во Вьетнаме генерал Мак-Найт продолжал верить в ее превосходство над другими видами вооружений. Однако он не был столь наивен, чтобы отказаться от наземных сил, прекрасно зная элементарное правило, гласившее, что позиции противника необходимо не только опустошать, но и занять, иначе окончательная победа невозможна. Накануне того дня — или, скорее, ночи, — когда планировалось начать операцию, три бронированных дивизиона пересекли Панамиптскую горную цепь, и два других рассредоточились

---

[46] Примечания: 46
Деяния 8:9.

среди гор Прэйнвайн, Фьюнерал и Бэлк, которые, кроме того, покрылись ракетными установками. Разумеется, Мак-Найт предпочел бы командовать гораздо более многочисленными силами, но большего страна уже не могла дать.

Согласно плану, операция состояла из трех частей. Помня о том, что первая пробная бомба заставила тысячи солдат противника буквально взлететь на воздух, причем на весьма подозрительное в тактическом отношении время, он решил начать с серийной бомбардировки Диса, используя при этом максимальное количество ядерного оружия, которое не создавало бы угрозу радиационного поражения его собственным людям. Конечно, такой удар не мог принести вреда городу или демонам — в чем генерал по-прежнему сильно сомневался, — но основной задачей на этой фазе являлась дезорганизация противника и подавление способности к трансформации.

Во второй фазе предполагалось воспользоваться очевидным, с точки зрения Мак-Найта, просчетом демонов: с удивительным пренебрежением к законам стратегии они построили свою крепость в самой низкой точке долины, расположенной на сто восемьдесят футов ниже уровня моря. Сразу же после ядерной бомбардировки в

ход пойдет обычное оружие: артиллерия, ракеты, авиация. В том числе и фосфорные бомбы, которые, возможно, так же окажутся безвредными для демонов, но зато создадут мощную дымовую завесу и, вероятно, лишат противника видимости. Наступающие же войска смогут ориентироваться с помощью радара и, кроме того, постоянно будут видеть основную цель с помощью инфракрасных телескопов и прицелов, поскольку даже в нормальных условиях она состояла из раскаленного докрасна железа. Под прикрытием этой бомбардировки, согласно плану Мак-Найта, в бой затем вступали бронированные машины, оснащенные лазерными установками. По теории генерала, которая не поддерживалась его гражданскими советниками и не подтверждалась данными компьютера, термоядерный взрыв не мог уничтожить железные стены, потому что его тепловая энергия была слишком рассеянной. Но четыре, пять или дюжина лазерных лучей, сконцентрированных в одной точке, пронзят крепость демонов, как рапира кусок сыра. Этот основной удар следовало нанести по воротам. Конечно, демоны защищали их лучше, чем остальные участки стены, но основное количество защитников будут еще беспорядочно метаться в дыму, и

вообще, когда стараешься пробить стену, здравый смысл подсказывает, что надо начинать оттуда, где она уже имеет отверстие.

Если брешь в укреплении противника действительно удастся пробить, ее можно будет расширить с помощью подземных торпед Гесса, которые будут запущены в самом начале первой фазы. Они еще никогда не использовались в настоящих боевых действиях и считались особо секретным оружием, хотя из-за обилия шпионов и предателей, которыми, по мнению Мак-Найта, Америка буквально кишела, он сомневался в сохранности таких секретов (если даже Бэйнс…). Другой секрет представлял собой одновременно продукт химии и ядерной физики, именуемый TDX, нестабильная субстанция, состоящая из «гравитационно-поляризованных» атомов. Мак-Найт очень смутно представлял себе, что стоит за этим жаргонным выражением, но знал, как эта штука действует: TDX обладает способностью взрываться в одной плоскости в отличие от любого христианского взрыва.

После сокрушения ворот наступит третья фаза: общее и по возможности упорядоченное отступление.

Командование операцией будет осуществ-

ляться из командно-наблюдательного пункта. Пункт СВК будет находиться под Денвером — безопасно и удобно. Весь комплекс, оснащенный множеством телеэкранов, весьма походил на уже не существующий Центр Космических Исследований в Хьюстоне, который действительно создавался по образу и подобию СВК, так как, с точки зрения управления, космические полеты и современные боевые действия мало отличались друг от друга. На задней стене этого подземного зала располагался большой общий экран, а за ним нечто вроде кабины диспетчера, где Мак-Найт и его гости могли обозревать всю картину в целом, а также ее отдельно детали, подаваемые на каждый из малых экранов.

Мак-Найт не заходил в кабину, пока не завершилась ядерная бомбардировка, зная, что вызываемая ею сильная ионизация не позволяет принимать передачи некабельного телевидения. (Радиоактивные осадки обладали таким же эффектом, но почти все они миновали Денвер. Восточное побережье и так лишилось всех видов жизни, а рыбы и европейцы должны были позаботиться о себе сами.) Когда он наконец приступил к наблюдению, уже началась обычная бомбардировка. Вместе с ним в кабинете

находились Бойне, Белг, Чиф Хэй, Шатвье; Джек Гинзберг не проявил особого интереса к боевым действиям, и Бэйнс, не нуждаясь пока в помощнике, позволил ему спуститься вниз, где Джек, скорее всего, стал ухаживать за миловидной сотрудницей Чифа Хэя.

Когда они заняли свои места, картина на главном экране начала проясняться, хотя оставались еще значительные помехи. По данным метеослужбы, на всем юго-западе была ясная лунная ночь, однако радиоактивное облако, беспрерывно пронизываемое молниями, теперь накрыло южную треть Калифорнии и два других штата восточнее. Боевые соединения, занимавшие позиции на противоположных склонах гор, не могли перемещаться из-за мощных восходящих потоков воздуха; температура там сразу достигла шестидесяти градусов и продолжала подниматься. Связь с частями, расположенными на склонах, обращенных к долине, полностью прекратилась. Первые ракеты и снаряды, выпущенные в сторону Диса, взрывались в воздухе, едва поднявшись над вершинами гор. Никакая термопара не могла бы определить температуру в градусах в районе самой цели. Судя по спектрограммам, полученным с воздуха, температура сначала достигла

двух с половиной миллионов электрон-вольт — число столь же недоступное человеческому воображению, как расстояние между звездами в милях.

Однако долина охлаждалась с удивительной быстротой, и, когда восстановилась видимость, стало понятно почему. Более двухсот квадратных миль земли превратились в огромное гладкое блюдо, которое еще оставалось раскаленным добела, но действовало подобно рефлектору, отражая тепло в атмосферу — на экране был виден столб раскаленного воздуха; в его центре, как в фокусе зеркала телескопа, виднелось круглое черное пятно.

Мак-Найт подался вперед, вцепившись в поручни кресла мертвой хваткой, и потребовал крупный план. Неужели дело сделано? Значит, Белг не ошибался, когда говорил о возможном пределе числа трансформаций, которые способны перетерпеть эти демоны. Ведь в Мертвой Долине взорвалось такое количество ядерных боеприпасов, которого хватило бы для уничтожения нескольких стран…

Но когда земля потемнела, крепость продолжала стоять, пока не стала снова раскаленным красным кольцом. Внутри ничего не было вид-

но кроме массы взрывов — началась наконец обычная бомбардировка, причем с большой точностью; но стены — стены, стены, стены стояли, как ни в чем не бывало!

— Отмените атаку, генерал, — мрачно проговорил Белг. — Неважно, что показывает спектроскоп, если бы эти стены действительно состояли из железа… — он запнулся и с трудом сглотнул — Наверно, они только символически железные, в каком-нибудь алхимическом смысле. Иначе все их атомы не только разлетелись бы во все стороны, но и потеряли бы все свои электроны. Вы только загубите людей.

— Бомбардировка продолжается, — твердо заявил Мак-Найт. — И мы еще не получили сведений о состоянии живой силы и организации противника. Пока что мы не видели там ничего живого, и лазерные дивизионы еще не вступали в действие, не говоря уже о торпедах Гесса.

— Ни черта они не дадут, — жестко сказал Бэйнс. — Я знаю, на что способны торпеды Гесса. Не забывайте: они созданы моим ученым, которого, между прочим, захватил Пут Сатанахиа в нынешнюю Пасху, и, значит, демоны уже знают об этом оружии, если не знали прежде. Бессмысленно ожидать что-нибудь от торпед после всего,

что было сброшено на город: они будут как щелчок динозавру.

— В американской традиции, — ответил Мак-Найт, — идти тяжелым путем, когда другого пути нет. Четвертая фаза — последняя мера, и хороший полководец должен оставаться гибким до последнего момента. Как сказал Клаузевиц, большинство сражений проиграно генералами, у которых не хватило смелости придерживаться собственного плана.

Бэйнс, проштудировавший всю основную военную и политическую литературу на пяти языках и кое-что на нескольких других, — поскольку того требовал его бизнес, — хорошо знал, что Клаузевиц никогда не говорил такую чушь и что Мак-Найт просто прикрывал выдуманной цитатой надежду, которая действительно была последним резервом. Но даже если бы Бэйнсу с помощью макиавеллиевой хитрости и удалось в чем-то убедить генерала, было бы все равно уже поздно — судя по тому, что происходило на экране. Пока они разговаривали, бронированные дивизионы устремились в долину, их электродизельные моторы тарахтели и фыркали, под их гусеницами трескалась остекленевшая земля, и за ними оставались глубокие, тускло сияющие

следы. Глядя на маленький экран, Бэйис сначала даже подумал, что, возможно, ошибается; он хорошо знал этих чудовищ — они играли немалую роль в его бизнесе и пользовались большим спросом на протяжении десятилетий. Неужели им что-то могло противостоять?

Однако некоторые из них уже застревали; по мере того как они продвигались вглубь долины, где над их приземистыми башнями со свистом пролетали мелкие ракеты, раскаленное стекло под их гусеницами оказывалось все более вязким и действовало как клей. Бронированные монстры теряли управление и крутились на месте; затем ведущий бронетранспортер с лазерной установкой застыл на месте и, подобно «Титанику», начал погружаться в расплавленное стекло. Ужасные крики заживо поджаривавшихся членов экипажа были слышны в наблюдательной кабине, пока Мак-Найт не отключил звук.

Остальные монстры двигались дальше (они не получили другого приказа), и три или четыре машины с лазерными установками приблизились к воротам крепости. Вслед за бронемашинами со склонов гор хлынула пехота. У нее также не было приказа отступать. Даже в своих асбестовых костюмах и шлемах солдаты теряли сознание

и падали друг на друга, роняя свое тщательно смазанное оружие в песок. Баки их огнеметов трескались, и вязкий газолин вытекал на горячие камни. Сам воздух долины вытягивал всю влагу из легких людей через малейшие щели в их костюмах.

Бэйнс не принадлежал к числу тех, кого легко испугать, но и он никогда не видел настоящую битву, кроме фрагментов хроники вьетнамской войны, которые показывались по американскому телевидению. Однако это продвижение отлично обученных и экипированных людей навстречу неминуемой смерти — людей, которые не только не имели понятия, за что они умирают, но и были специально введены в заблуждение, — казалось столь же бессмысленным в военном отношении, как осада Севастополя или битва на Марне. Несмотря на несомненную грандиозность зрелища, оно не представляло интеллектуального интереса.

Четыре уцелевшие машины с лазерными установками остановились перед воротами, по две с каждой стороны, давая возможность тяжелой гаубице стрелять между ними. Четыре ярко-красных луча, толщиной с карандаш, пересеклись в одной точке едва видимого створа ворот. Если

бы цель состояла из настоящего железа, через несколько секунд она превратилась бы в сноп искр; однако в действительности, как мог видеть Бэйнс, там даже не повысилась температура. Лучи погасли и тут же снова включились.

На стенах появилось множество неясных темных фигур. Они активно передвигались, но их действия, похоже, не были направлены против машин; у Бэйнса появилось ощущение, постепенно переходящее в уверенность, что демоны пляшут.

Лазерное лучи снова мигнули. Мак-Найт пробормотал:

— Если они не успеют…

Еще прежде, чем он закончил фразу, перед воротами произошел гигантский взрыв — первая торпеда Гесса. Один из бронетранспортеров просто исчез, второй, стоявший рядом с ним, медленно поднялся в воздух и столь же медленно опустился, рассыпаясь на мелкие части. Еще один на самом краю воронки медленно опрокинулся в нее. Четвертый на некоторое время застыл, словно контуженый, затем медленно поехал назад.

Вторая торпеда взорвалась под самыми воротами и так же следующая. Ворота остались невредимыми, но после четвертого такого же

взрыва под ними показался свет; воронка увеличивалась.

— Остановить бронемашины! — закричал Мак-Найт, включив внутренний телефон и возбужденно стукнув кулаком по ручке кресла. — Пехоте ускорить темп! Мы пройдем снизу!

Еще одна торпеда Гесса попала в ту же щель. Бейнс смотрел с восхищением и даже с гордостью: действительно, эти штуки отлично действуют, жаль, Гесс не мог досмотреть... впрочем, может быть, он все видит изнутри. Щель стала достаточно широкой — под ней теперь проехала бы небольшая машина; очередная торпеда расширила ее еще больше.

— Воздушный десант! Начать высадку через десять минут!

Но почему изобретение Гесса подействовало, а ядерное оружие нет? Может быть, Дис просто опустился, когда земля под ним испарилась, и демоны не способны защитить то, что имеет чисто земную природу? Еще взрыв. Сколько же у них всего торпед? «Консолидэйтед Варфэр Сервис» поставил всего десять образцов, и они не могли успеть произвести больше. По-видимому, Мак-Найт решил применить все десять.

Так и оказалось в действительности, только

девятая разорвалась, не достигнув цели — прямо посреди колонны наступавших войск. Гесс всегда откровенно признавал, что его машины не вполне надежны и дефект заключается скорее в самом принципе, чем в технологии. Однако щель под воротами Диса теперь стала такой же большой, как вход в туннель Линкольна в Нью-Джерси. И пехота стремительно приближалась к ней.

И в этот момент огромные ворота начали медленно открываться внутрь. Мак-Найт открыл рот в изумлении. Бэйнс также почувствовал, как у него отвисает челюсть. Неужели они решили сдаться, прежде чем начнется штурм? Или ворота все время готовы были открыться после первого вежливого стука, и для этого не стоило прилагать такие колоссальные усилия и гробить столько людей?

Когда первые отряды пехотинцев начали спускаться в воронку, за воротами, теперь уже полностью раскрывшимися, на фоне бушевавшего внутри пламени появились три огромные фигуры обнаженных женщин со змеями вместо волос, тех самых, которых Мак-Найт и его люди видели на первых аэрофотоснимках. Они несли нечто вроде головы огромной статуи существа,

напоминавшего их самих. Солдаты в асбестовых костюмах, уже перебравшиеся по дальнему склону воронки, не могли идти скорее, чем шли, но они застывали подобно жителям Помпеи и падали и, падая, они разбивались. Через минуту воронка заполнилась обломками скульптур.

Наверху самолет с первой командой десантников внезапно покрылся сотнями мелких черных точек. Через несколько секунд продолжал двигаться лишь один фюзеляж; легионы Вельзевула, Повелителя Мух, отняли у людей крылья. Ниже уже выпрыгнувшие парашютисты лишались сначала своего боевого снаряжения, потом одежды, волос и ногтей — обрабатывавшие их существа со звериными головами в большинстве своем даже не имели крыльев. Тела, лишенные всех покровов, падали прямо в пасть Преисподней.

Все же надо признать, что осада Диса в целом шла в соответствии с планом, кроме четвертой фазы, которая началась без приказа и проходила без должного порядка. Однако, как ни странно, демоны не стали развивать свой успех; ни один из них даже не покинул крепость, и даже летая по воздуху, они не пресекали ее границ.

Но побоище и без того было ужасно. Вооружение в обозримом будущем армии Соединенных

Штатов представлялось маловероятным. И в самом конце битвы на главном экране наблюдательного пункта на фоне пылающего и победоносного города появилось огромное лицо. Бэйнс знал его очень хорошо и ожидал увидеть вновь после Черной Пасхи в Позитано.

Это была увеличенная короной козлиная голова демона по имени Пут Сатанахиа.

Лицо Мак-Найта — впервые, насколько помнил Бэйнс, — исказилось от ужаса; и несколько генералов, сидевших перед экранами в командном пункте, лишились чувств. Потом Мак-Найт вскочил и закричал:

— Чинк! Я же говорил! Эй, восстановите видимость! Восстановите видимость! Уберите его с экрана! — неожиданно он повернулся к Бэйнсу: — А ты — предатель! Твое оружие подвело нас! Ты продал нас всех! Ты с самого начала был за них! Понимаешь, в чьи руки попадет страна из-за тебя! Понимаешь?! Понимаешь?!

Его вопли вызывали у Бэйнса лишь раздражение, однако он нашел в себе силы вопросительно поднять бровь. Мак-Найт дрожащим пальцем показал на экран:

— Я предам тебя военному суду! Неужели никто кроме меня не видит? Это же коварный доктор

Фу Манчу[47]!

Козел Саббата не обратил никакого внимания на генерала, вместо этого он посмотрел прямо в глаза Бэйнсу, несомненно, видя его, и произнес:

— А вот и ты, возлюбленный сын мой. Иди же ко мне. Наш Отец внизу ожидает тебя.

Бэйнс не имел никакого желания следовать этому зову, однако обнаружил, что поднимается из кресла.

Брызгая слюной и протягивая руки, словно пытаясь вцепиться в горло далекому демону, Мак-Найт бросился из кабины и, пробив ее стеклянную стену, вместе с осколками рухнул на пол.

---

[47] Примечания: 47

Герой фантастических детективов английского автора Сакса Ромера, мозг преступного мира.

Сокрушение Небес

Подобно картине, где черная краска занимает должное место, Вселенная прекрасна, несмотря на присутствие грешников, хотя, взятые сами по себе, их пороки отвратительны.

Св. Августии «О Граде Господнем, XI, 23».

Так этот Фауст, опасная ловушка для столь многих, не помышляя и не ведая того, начал освобождать меня из тенет, в которые я попал.

Исповедь. V. 13.

11

Оказавшись во власти Пута Сатанахии, Бэйнс не имел возможности экспериментировать, тем не менее он обнаружил, что еще обладает какой-то свободой. Например, Великий Князь ничего не сказал о необходимости присутствия Джека Гинзберга, однако, когда Бэйнс, отчасти из зависти, отчасти просто нуждаясь в человече-

ском обществе, решил попытаться взять Джека с собой, он не встретил со стороны демона никаких препятствий. И сам Гинзберг, похоже, не расстроился, когда его подняли с постели, в которой он лежал с белокурой красоткой; вероятно, суккуб в Позитано, как и следовало ожидать, лишил его способности получать удовольствие с обычной женщиной. Впрочем, и без этой потусторонней связи Джек, подобно Дон Жуану, испытывал разочарование после каждой новой победы.

Однако такое объяснение по сути ничего не объясняло; Бэйнс часто думал о том же и раньше, поскольку, как уже отмечалось, он предпочитал, чтобы его сотрудники имели некоторые слабости, на которых при случае можно сыграть. Психолог фирмы говорил, что бывает, по крайней мэре, три типа Дон Жуанов: описанный Фрейдом — пытающигся скрыть от самого себя зачатки гомосексуальности; описанный Ленау — романтик, ищущий Идеальную Женщину, к которым приходит Дьявол в виде отвращения к самому себе; и описанный Да Понте — человек, не способный сознавать неотвратимость грядущего и потому не знающий ни любви, ни раскаяния даже на пороге Преисподней. Но, пожалуй, для Бэйнса не имело особого значения, к какому типу принадлежал

Джек: они все вели себя одинаково.

Джек выразил решительный протест, когда узнал, что путешествие в Дис придется совершить пешком, но в данном случае выбора не было. Бэйнс тоже не понимал, почему нужно обязательно идти пешком. Может быть, Козел Саббата хотел подчеркнуть тот факт, что осада Диса — последняя судорога земной технологии? Или он хотел, чтобы Бэйнс, вольно или невольно, совершил некое паломничество? Впрочем, в обоих случаях результат получался один и тот же, и значение имел только он.

Что касаются Джека, то он как будто все еще побаивался своего босса или питал какую-то надежду. Возможно, она и действительно существовала, только Бэйнс не поставил бы на нее и гроша.

Терон Уэр увидел большое грибовидное облако, когда еще находился во Флэчстафе, куда добрался частично автостопом, частично на грузовом поезде. Поднимавшееся облако, мощные вспышки света за горами на западе и повторяющиеся толчки словно от землетрясения, не оставили у него ни малейших сомнений относительно происходящего, и поскольку облако из-за устойчивого западного ветра неумолимо двигалось к нему, это

означало для него, как, очевидно, и для многих тысяч других людей, довольно скорую смерть, если каким-то чудом ему не удастся найти свободное убежище или такое, обитатели которого не пристрелят его тотчас, как только увидят.

И зачем вообще идти? Судя по начавшейся бомбежке, миссия Бэйнса в Денвере провалилась, и теперь идет открытая война между людьми и демонами. И ожидать, будто Терон Уэр способен тут что-то изменить, было бы крайне наивно. Скорее всего, к тому времени, когда закончится бомбардировка, независимо от того, как она подействует на демонов — если вообще подействует, — все более чем сто квадратных миль Национального заповедника Мертвая Долина будут смертельно опасны для незащищенного человека.

Однако Терон Уэр не мог считать себя незащищенным. Он преодолел огромное расстояние традиционным методом, и, следовательно, черная магия еще действовала; кроме того, он прошел почти такое же расстояние благодаря целому ряду благоприятных обстоятельств, которые он никак не мог приписать чистой случайности; и, наконец, лежавший у него в кармане рубиновый талисман продолжал излучать тепло, как ни один нормальный камень, натуральный или

синтетический. Конечно, старинная пословица «Нечистый заботится о своих», подобно всем прочим пословицам, верна лишь отчасти. Тем не менее на протяжении всего путешествия У эра не покидало ощущение, будто он выполняет некую миссию, значение которой на самом деле никогда не знал. Очевидно, оно должно было выясниться в конце; пока же У эр действовал сообразно воле Нечистого и не мог погибнуть, пока она не исполнена.

С удовольствием он остался бы во Флэчстафе и осмотрел знаменитую обсерваторию, где Персивал Пауэлл составил карты иллюзорных каналов Марса, где Томбаф открыл Плутон, — интересно, какое положение заняли эти планеты теперь, когда их боги столкнулись лбами? Такие занятия в данных обстоятельствах, конечно, не представлялись возможными. Уэру предстояло еще пересечь Большой Каньон и Лэйк Мид; затем он намеревался обогнуть с севера Спринг Маунтенс и выйти к зимнему курортному местечку Мертвой Долины Бэдуотеру, где надеялся выяснить точное местонахождение Нижнего Ада.

Пройден большой путь, но нужно пройти еще немало, и теперь, очевидно, не удастся воспользоваться попутной машиной: едва ли кто-нибудь

захочет ехать в ту сторону. Ну что же, значит, как он и предполагал на той несчастной ферме в Пенсильвании, придется похитить машину; и, скорее всего, это будет совсем не трудно.

Отец Доменико также совершил большое путешествие, и, как он имел все основания полагать, также не без вмешательства некой сверхъестественной силы. Теперь он стоял в сумерках почти на самой вершине Пика Телескоп высотой в одиннадцать тысяч футов и смотрел на восток в сторону долины самой смерти, где зловеще пылал город Дис. Долину прорезало русло реки Амаргоса, но сама река исчезла еще до того, как здесь побывали цивилизованные люди; теперь годовое количество осадков здесь не превышало двух дюймов.

И отец Доменико также сознавал, что находится под защитой сверхъестественной силы. По своей максимальной температуре — +54° Цельсия — долина занимала второе место в мире. Но хотя теперь воздух был гораздо жарче, отец Доменико ощущал лишь приятное тепло, словно только вышел из бани. Спускаясь с горы, он с ужасом обнаружил, что остекленевшие склоны усеяны сотнями застывших в странных позах серых существ, которые издали лишь смутно напоминали

людей. Подойдя ближе, он увидел, что это павшие воины. Отец Доменико попытался им помочь, но безуспешно. Тела под асбестовыми костюмами уже превратились в съежившиеся мумии. Что же тут произошло? Мистическое состояние, в котором он сюда перенесся, все еще не позволяло ему вникнуть в дела земные.

Но, в любом случае, следовало поспешить. Когда отец Доменико спустился в долину, он увидел три фигуры, приближавшиеся к нему вдоль бывшего речного русла, ставшего дорогой. Насколько он мог видеть, они, подобно ему, не имели никаких земных средств защиты, однако не напоминали и демонов. Недоумевая, он побрел им навстречу; когда они встретились, он узнал их и удивился своей недогадливости. Эта встреча, как теперь ему стало совершенно ясно, была предопределена.

— Как вы сюда попали? — сразу спросил Бэйнс. Трудно было определить, кому он задает вопрос, и, поскольку отец Доменико раздумывал, стоит ли рассказывать о левитации, и если да, то как, Терон Уэр сказал:

— Такие тривиальные вопросы не имеют значения в данных обстоятельствах, доктор Бэйнс. Мы здесь — вот что главное, и, насколько я понимаю,

все находимся под некой магической защитой. Отсюда возникает вопрос: чего от нас ожидают те, кто оказывает нам покровительство? Святой отец, могу я спросить о ваших намерениях?

— Ничто не мешает вам спрашивать, — ответил отец Доменико. — Но вы не тот человек, которому я бы дал ответ.

— Ну а я скажу вам, каковы мои намерения, — заявил Бэйнс. — Мои намерения — забраться в самое глубокое убежище Денвера и переждать там, пока все это развеется, если такое вообще возможно. Одно из важнейших правил военного бизнеса — держаться подальше от поля боя. Но мои намерения не имеют ничего общего с тем, что происходит на самом деле. Козел Саббата приказал мне прийти сюда — и вот я здесь.

— Вот как? — заинтересовался Уэр. — Он, наконец, пришел за вами?

— Нет, это я должен идти к нему. Он появился на телеэкране в Денвере и приказал мне. О Джеке даже речи не было, я сам взял его с собой, и демон не возражал.

— Вот уж спасибо, — беззлобно проворчал Джек. — Чего я не переношу, так это пешеходных прогулок, особенно вертикальных.

— А из вас двоих кто-нибудь видел его? — спро-

сил Бэйнс.

Отец Доменико упорно продолжал хранить молчание, но Уэр сказал:

— Пута Сатанахию? Я не видел. И сомневаюсь, что увижу теперь. Судя по всему, я нахожусь под защитой другого духа, хотя и подчиненного Козлу, — такая неразбериха характерна для демонов, но в данном случае, мне кажется, не обошлось без прямого вмешательства Сатаны.

— Козел приказал мне прийти сюда именем «Нашего Великого Отца внизу», — заметил Бэйнс — Если он интересуется мной, то вами тем более. Но каковы были ваши намерения?

— Сначала я думал, что могу попытаться сыграть роль посредника или, по крайней мере, ходатая в мирных переговорах — так же, как вы в Денвере. Но теперь уже поздно, и я так же, как и вы, понятия не имею, почему здесь нахожусь. Могу сказать только одно: какой бы ни была причина, надеяться тут не на что.

— Пока мы живы, живет и надежда, — неожиданно заявил отец Доменико.

Черный маг показал на ужасный город, к которому они помимо своей воли все это время шли.

— Мы видим Дис, значит, мы уже миновали обитель бесполезных. Все грехи Леонарда, грехи

невоздержанности, остались позади, следовательно, позади и врата, на которых начертано: «Забудь надежду всяк, сюда входящий».

— Мы живы, — возразил отец Доменико, — и я решительно отрекаюсь от тех грехов.

— Вы не можете этого сделать, — голос Уэра начал постепенно повышаться. — Послушайте, святой отец, ситуация, в которую мы попали, весьма загадочна, и будущее наше неопределенно. Неужели мы не можем обменяться той небольшой информацией, которую имеем? Одно то, что мы находимся здесь все вместе, очевидно, символично и неизбежно, и вы как карцист белой магии должны знать это лучше всех. Если рассмотреть круги Верхнего Ада по порядку: Гиизберг — почти типичный пример одержимого похотью; я продал душу ради неограниченного знания, что, в конечном счете, всего лишь разновидность алчности; достаточно взглянуть на сие поле брани — и вы убедитесь, что доктор Бэйнс главным образом орудие гнева.

— Вы пропустили Четвертый Круг, — заметил отец Доменико, — с очевидной дидактической целью, но напрасно вы думаете, что я извлек мораль из ваших самонадеянных слов.

— Будто бы? Разве не было главной задачей

белой магии отыскание сокровищ? А монашеская жизнь, избегающая соблазнов, дел и обязанностей мира ради блага собственной души, разве не великолепный образец скупости? Столь вопиющий грех не может умалить даже канонизация. Мне вполне достоверно известно, что все первые святые отправились прямо в ад и даже из простых монахов такой участи избежали лишь немногие вроде Матье Парижского и Роджера Вензоверского, которые также занимались полезной мирской деятельностью.

— И что бы там ни думали ваши полоумные друзья в Монте Альбано, на самом деле нет никакого высшего разрешения белой магии, потому что нет такой вещи, как белая магия. Она вся черная, черная, черная, как пиковый туз, и вы погубили свою бессмертную душу, занимаясь магией, даже не ради собственного блага, а по поручению других: что же это, как не расточительство, наряду со скупостью? Вспомните, наконец, еще одно, святой отец: почему в последнюю минуту Черной Пасхи у вас в руках взорвалось распятие? Не потому ли, что вы попытались воспользоваться им в личных целях? Разве оно не символизирует подчинение Высшей Воле? Вы же пытались использовать его — символ смирения перед лицом смерти — ради

спасения своей собственной ничтожной жизни. Да, отец Доменико, я думаю, настало время нам всем быть откровенными друг с другом, потому что вы такой же, как и мы!

— Что верно, то верно, — пробормотал Бэйнс, слабо усмехаясь.

Пройдя несколько шагов в полном молчании, отец Доменико проговорил:

— Боюсь, вы правы. Я шел сюда в надежде заставить демонов признать существование Бога и полагал, что пользуюсь поддержкой Господа. Если вы не самый хитроумный казуист, каких я когда-либо знал даже по книгам, тогда у меня нет права на подобные мысли, а значит, подлинная причина моего здесь присутствия не менее таинственна, чем в вашем случае. И я не могу сказать, что теперь понимаю больше.

— Таким образом, мы все прибываем в неведении, — подвел итог Уэр. — И что касается вашего первоначального намерения, святой отец, то оно предлагает такую цель, которая, надо сказать, совершенно противоречит интересам демонов. Но я полагаю, нам не придется долго ждать разгадки, джентльмены. Похоже, мы уже пришли.

Все четверо подняли головы. Колоссальный барбикан Диса высился над ними.

— Несомненно одно, — прошептал отец Доменико. — К этому путешествию мы готовились все нашу жизнь.

12

Их не поддерживала никакая Беатриче, и не вел никакой Виргилий; но, когда они приблизились к стенам крепости, поднялась решетка, и ворота медленно и бесшумно раскрылись. Путников не дразнили демоны, и фурии не пытались запугать, и ангел не пересек Стикса, чтобы расчистить для них путь — они прошли свободно и беспрепятственно.

За воротами они обнаружили, что город совершенно переменился. Нижний Ад, царство вековечных мук, в котором все человеческое оружие не смогло повредить даже малой ветки Леса Самоубийц, исчез без следа. В некотором смысле, его, вероятно, тут и не было вовсе, и он пребывал там же, где и всегда, в Вечности, продолжая принимать души умерших. Но для четырех пришельцев он просто пропал.

На его месте стоял чистый, аккуратный город, напоминавший иллюстрацию из какого-то утопического романа; точнее, он представлял собой нечто среднее между городом будущего из старого

фильма «Будущее» и полностью автоматизированной фабрикой — и, подобно фабрике, он гудел и рокотал. Демоны чудовищного звероподобного вида также исчезли. Теперь город, по-видимому, населяли в основном человеческие существа, хотя их внешность едва ли можно было назвать нормальной. Несмотря на свою несомненную красоту, эти мужчины и женщины производили своим видом тягостное впечатление, потому что не имели никаких различий, кроме половых, — словно все принадлежали к одному клану, выведенному по образцу статуй на фронтонах общественных зданий или иллюстраций Гюстава Доре к «Божественной Комедии». Оба пола носили одинаковые плащи из какого-то серого материала, который больше всего напоминал папье-маше. Каждый человек имел на груди вышитый блестящими нитками номер.

Вторую, относительно малочисленную группу составляли существа в униформе, отдаленно напоминавшей военную. Они главным образом стояли на перекрестках и еще больше напоминали изваяния; их общее лицо имело вполне благообразный, но суровый вид, как у идеального отца. У большинства здешних обитателей выражение лица вообще отсутствовало; впрочем,

сама невыразительность их лиц, вероятно, могла бы считаться выражением скуки, ни один из них, очевидно, не имел никакого занятия. Вся деятельность города, которая как будто заключалась исключительно в создании непрерывного мощного шума, происходила за слепыми фасадами домов и, по-видимому, не требовала участия живой рабочей силы. Никто не разговаривал. По дороге путники наблюдали множество откровенно эротических сцен, большей частью массовых, и Джек сначала смотрел на них с живым интересом; но вскоре стало ясно, что и они однообразны и безрадостны. Ни дети, ни животные не встречались.

Несомненно, после такой трансформации уже нельзя было руководствоваться описаниями Данте, так же, как и теми аэрофотоснимками, которые видел Бэйнс. Четыре человека интуитивно продолжали двигаться к источнику шума. Однако через некоторое время они обнаружили, что к ним молча присоединились четверо демонов-надсмотрщиков, которые теперь не то провожали, не то вели их под конвоем. Мрачно-двусмысленный эскорт усиливал впечатление, будто путники попали на экскурсию в фантастический «завтрашний мир», описанный в XIX веке;

она должна была включать просмотр завода, где производились воздушные шары, детских яслей, гигантского телеграфного центра, дворца народного творчества — однако ограничилась лишь посещением исправительного заведения для антиобщественных элементов.

Все это как будто представляло собой картину будущего мира под властью демонов, которые пытались придать ей максимально привлекательный вид, причем, судя по всему, они воплотили в своей цитадели лишь принципы постиндустриального общества, к которым так долго стремились сами люди. Святой Августин, Гете и Мильтон замечали, что Дьявол, постоянно ища зла, всегда творил благо; но здесь наблюдалось прямо противоположное: плод благих намерений демонов. Многие из самых прибыльных идей компания Бэйнса получила — через посредство «Мамаронек Ризеч Инетитьют» — от наделенных живым воображением авторов научной фантастики, и потому именно Бэйнс первый высказал эту мысль.

— Я всегда догадывался, что жизнь в таком мире — сущий ад, — прокричал он. — Теперь точно знаю.

Никто не ответил ему, — скорее всего, никто

просто не слышал. Но лишь настоящему Аду нет конца. Через некоторое — хотя и трудно сказать какое — время путники прошли между дорическими колоннами и под золотым архитравом высокого чертога, именуемого Пандемониум, и перед ними раскрылись бронзовые двери. Внутри слышался лишь приглушенный гул: в огромном зале, способном вместить тысячную аудиторию, находились только четверо людей, четверо демонов-солдат и одна как будто удаленная, но в то же время нестерпимо яркая звезда: не тот второстепенный член Триумвира, Пут Сатанахиа, Козел Саббата, который в утро Черной Пасхи проглотил Гесса и обещал вернуться за остальными, но Первый Падший Ангел, Ложь, не знающая границ, воплощение первозданного Мятежа, Вечный Враг, Само Великое Ничто, Сатан Мекратриг.

Здесь, конечно, уже не светило солнце Мертвой Долины, и искусственное освещение сверхсовременного города тоже отсутствовало. Однако совершенной тьмы не было. Высоко на стенах горели несколько факелов, которые равномерно освещали сводчатый потолок, напоминавший искусственное небо планетария и создававший впечатление того момента между сумерками и

полной темнотой, когда лишь Люцифер достаточно ярок, чтобы быть видимым. К этому свету они и направились, и, по мере того как они шли, он рос.

Но не от существа исходил свет, оно лишь освещалось им. Павший херувим едва ли сильно отличался от того огромного, жестоко обезображенного ангела, которого видел Данте и вообразил Мильтон: три лица, желтое, красное и черное; нетопырьи крылья, косматая шкура и чудовищный рост — около пятисот ярдов от головы до копыт. Крыльев, как и глаз, было шесть, однако они не бились беспрерывно, вызывая три ветра, которые замораживали Коцит; и из шести глаз также не лились слезы. Вместо того на каждом из лиц, являвших собой Невежество Сима, Ненависть Иафета и Бессилие Хама, застыло выражение полного и предельного отчаяния.

Паломники видели это, однако все их внимание сосредоточилось на свете: ужасная, увенчанная короной голова Червя была окружена нимбом.

13

Демоны-стражники не последовали за ними, и огромная фигура не двигалась и хранила молчание, но в этой оглушительной тишине

паломники сами почувствовали потребность говорить. Они переглянулись почти робко, словно школьники, которых представляли какому-нибудь королю или президенту; каждому хотелось привлечь внимание к себе, но никому не хотелось первому пробить лед. Однако, хотя ни один из них не произнес ни слова, между ними каким-то образом возникло соглашение, что первым должен говорить отец Доменико.

Глядя вверх, но не прямо в ужасное лицо, белый монах начал:

— Отец Лжи, я полагал, что моя миссия — прийти сюда и заставить тебя сказать правду. Я явился благодаря чуду или вере и по пути видел много знаков того, что власть Ада на Земле не абсолютна. И также тот Козел, твой князь, не пришел за мной и моими… коллегами, несмотря на его угрозы и обещания. И еще я видел избрание твоего демона Папой, что означает явление Антихриста, в котором, как сказал Пут Сатанахиа, победившим демонам нет нужды. Отсюда я заключил, что Бог вовсе не умер и кто-то должен явиться в твой город и возвестить вечную славу Всевышнего.

Я стою перед тобой без оружия — мое распятие распалось у меня в руках в утро Черной Пасхи, — но все равно, я заклинаю тебя и требую, чтобы ты

вернулся в свои пределы.

Ответа не последовало. Наступила долгая пауза. Потом заговорил Терон Уэр:

— Учитель, я думаю, ты хорошо меня знаешь: я — последний черный маг в мире и самый сильный из тех, кто когда-либо занимался этим высоким искусством. Я также видел знаки, подобные тем, о которых говорил отец Доменико, но я сделал из них другие выводы. Мне кажется, что последнее столкновение с Михаилом и его воинством не могло завершиться, — несмотря на то огромное преимущество, которого ты уже добился. А если так, тогда, быть может, ты совершил ошибку, начав войну против людей, или они ошиблись, начав войну против тебя, когда главное дело остается под вопросом. Пока ты еще позволяешь нам заниматься магией, мы, вероятно, могли бы оказать тебе некоторую помощь. И я пришел сюда, чтобы узнать, какой может быть эта помощь, и сделать все, что в моих силах.

Никакого ответа.

Следующим был Бэйнс:

— Я пришел, потому что мне приказали. Но, раз уж я здесь, выскажу и свою точку зрения на это дело: она мало отличается от предыдущего мнения. Я пытался убедить генералов не нападать

на город, но у меня ничего не вышло. Теперь они поняли свою ошибку, я уверен, они заметили, что вы не стали уничтожать все их силы, хотя имели возможность, — и, может быть, теперь мне удастся больше. По крайне мере, я могу попробовать, если вам это понадобится.

Едва ли нам удастся помочь вам в войне против Небес, если мы не смогли ничего сделать с этой вашей крепостью. Кроме того, я предпочитаю сохранять нейтралитет. Но, договорившись с нашими генералами, вы избавились бы от лишних хлопот, пока у вас есть дела посерьезней. А если вам этого мало, прощу не винить меня. Я пришел сюда не по своей воле.

Вновь наступила жуткая тишина, наконец даже Джек Гинзберг вынужден был заговорить:

— Если вы ждете меня, мне нечего предложить, — сказал он. — Я, конечно, благодарю за оказанные в прошлом любезности, но я не понимаю, что происходит, и не хотел бы впутываться в это дело. Я только выполнял свои обязанности; что же касается моих личных дел, я бы предпочел, чтобы мне позволили заниматься ими самому.

Теперь, наконец, огромные крылья пошевелились: и все три лица заговорили. Голоса не было слышно, и слова сами появлялись в ушах

слушателей.

О, маловерные, — промолвил Червь,
Вы, чье ничтожное тщеславье
Лелеяло надежду даже в сих глубинах
Лишить Нас золотого Трона — хоть для Нас он
Лишь бремя тяжкое. Алхимией своею
Ты мнил, монах, возвысить славу
Небесного Владыки; но к тому ли
Сквозь вековечный стон и пламя шли вы,
С тех пор, как пали ангелы? Скажите
О том хоть прозой, хоть стихами.
Нас не обманете; тем лишь скорее
Увидим Мы, как мечетесь на грани
Меж Преисподнею и Небесами.
Подобно мореходу, что крушенье терпит
Средь волн кипучих всех своих надежд,
Но не предаст души своей, так не уступим
И Мы в сей страшной битве. Но тому ли

Постичь значенье и причину

Всего, что мы здесь совершили!

О ночь безмолвная, утешь Меня! И сохрани

То Полубожество Мое еще немного,

Покуда не угаснет на рассвете Божества!

Поистине, о маловеры, говорю вам:

Господь наш умер или мертв для нас.

Но, скрытый в глубине непостижимой,

Его остался принцип; и, как звездочет,

Безмерностью небесной зачарован,

Вперяет взор в звезду двойную, так и мы теперь.

О Первопричина! Утратила ее отныне

Вся тварь. Лишь Бог суть независим, Зло же

Само не может жить, и злодеянья

Нуждаются в Священном Свете, ибо смысл их

В нем заключен; Добро всегда свободно,

Тогда как Зло помимо своей воли

Обречено превозносить Добро — так

путь нелегкий,

Страданий полон, путника вернет к вершине.

И потому вы, грешники, великой

Гармонии участниками стали,

Как ни низки все ваши устремленья.

Ты, черный маг, и ты, торговец смертью,

Замыслили, предшественников превзойдя,

Помимо Иуды, коего Я Сам терзаю,

Весь мир низвергнуть в Бездну Ночи,

Желая оживить картины,

Что созданы эстетом извращенным Джойсом[48].

И грянула Вселенская война, в которой

Победу одержали силы Преисподней.

Возликовали Мы, но ненадолго,

Освобожденные от Мук, прореченных навеки,

Все наши сонмы духов мерзких,

---

[48] Примечания: 48
См. картину небольшого светопреставления в 15 главе «Улисса».

Что прежде были Ангелами Света.

Но пали и доселе пребывали

Средь ужасов во мраке Преисподней,

Теперь увидели, что мир людей гораздо хуже,

Чем даже в сказочные дни правленья ведьм.

Весьма все новостью такой смутились,

Однако после скорого совета взялись они творить

И проповедовать повсюду Зло, вовсю стараясь

И следуя в том правилам давно известным.

Но вскоре то пустое место,

Где полагается быть Вечному Добру, настало время

Заполнить чем-то; хоть и мертв Всевышний,

Его престол остался. И поскольку

Внизу, как наверху: последний станет первым.

И Тот, кто у ессеев назван

Стоящим за пределами всего,

Возглавить ныне должен, — несмотря на отвращенье,

Добра все силы во Вселенной беспредельной.

Но с вашим злодеянием в сравненьи

Что не покажется добром? А то,

Чего хотим и не хотим Мы,

Теперь значенья не имеет.

В Аду кромешном обрекли нас

Пребыть вовеки, но на Землю

Однажды получив возможность

Ступить, Мы претерпели измененье.

Но как Отцу Греха еще порочней стать?

И вот Мы — Божество, но сделались ли Богом?

Возможно. Известно нам не все, и Иегова

Отнюдь не мертв, но лишь сокрылся или

Сам сократил, как говорит Зогар, свою

же Бесконечность,

И, энекуриец, ожидает Великого исхода с безразличьем

Великим; но Мы знаем, во Вселенной,

Им созданной, извечно все стремится

К Нему, и возвещая ныне

Его Самоубийство, мы должны добавить,

Что цель сего ясна Нам совершенно,

Ибо Престол Свой завещал Он

Кому же, как не Человеку,

Который упустил однажды

Свою возможность. И теперь,

Как пожелали Мы вначале, стал Богом Сатана,

И гневом в своей агонии Он превзойдет Иегову,

Обрушившегося на Израиль!

Но царство наше не навеки,

Хоть и покажется вам вечным;

Не в силах пить Я эту чашу, возьми ее, о Человек!

Тебе и лишь тебе она предназначалась

Самим Творцом Вселенной изначально,
Ужасен сей Армагеддон, но род ваш
Еще страшней ждет испытанье,
Ибо из праха предстоит вам
Восстать. Но двери я захлопнул.
И в день неблизкий, но грядущий
Явлюсь опять, и в ваши длани
Я ключ пылающий вложу.
Пока ж — о, участь злая Мекратрига!
—
Последнее тягчайшее проклятье
Нести Мне предстоит. И понимаю,
Что не хотел я этой Власти.
И вот: всего достигнув, все Я потерял.

(Большой зал Пандемониума исчезает, и вместе с ним крепость Дис; четыре человека стоят посреди улицы на окраине небольшого городка Бэдуотера. В пустыне раннее утро и еще прохладно. Все следы недавней битвы также исчезли.

Четверо переглядываются с растущим недоумением, словно видят друг друга впервые. Потом каждый из них начинает говорить, но не может закончить фразы.)

Отец Доменико: Я думаю…

Бэйнс: Я уверен…

Уэр: Я надеюсь…

(Они оглядываются и обнаруживают исчезновение поля боя. После всего, что произошло, это даже не удивляет их.)

Гинзберг: Я… люблю…

Занавес
Послесловие автора

Это произведение составляет второй том трилогии под общим названием «После знания». Первый том представляет собой исторический роман «Доктор Мирабилис»; последний — научно-фантастический роман «Дело совести». Эти книги независимы друг от друга, хотя имеют общую тему; все они посвящены художественному осмыслению различных аспектов древней философской проблемы, сформулированной Бэйнсом.

Как и прежде, все цитированные магические книги действительно существуют (хотя большей частью в виде рукописей), и магические обряды и диаграммы взяты из них (хотя ни в одном случае описание не является полным).

Напротив, все герои и события — чистый вымысел, так же, как и описание «Стратегической Воздушной Команды».

Джеймс Блиш, Харнсден (Хенли).
Оксон, Англия, 1970